

Асылбек Кнарлович Бисенбаев
Не вместе: Россия и страны Центральной Азии

«Не вместе: Россия и страны Центральной Азии»: Питер; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4237-0101-7

Аннотация

Почти три века Россия доминировала в Центральной Азии. Эра гегемонии закончилась с распадом СССР. Время советского братства осталось в прошлом. Сейчас Центральная Азия – политический полигон, за который жесткую борьбу ведут США, Россия и Китай. Какова роль России в грядущих переменмах? Покинет ли она регион, который традиционно считала своим? Будет ли эффективен проект «Большая Центральная Азия» под эгидой США? Какую роль в этих странах способен сыграть Китай?

Автор книги, специалист в области национальной безопасности Республики Казахстан Асылбек Бисенбаев, подводит итоги двадцатилетия без СССР. Кто сейчас является своим, а кто чужим в азиатских республиках? Возможна ли демократия в песках Центральной Азии? В какой из стран региона вот-вот грянет очередная «цветная» революция и какие силы будут стоять за ней?

За страны Центральной Азии сегодня ведется большая игра на выбывание, от итогов которой зависит будущее России и мира

Асылбек Бисенбаев
Не вместе: Россия и страны Центральной Азии

Ведение

Нельзя собрать «факты» и получить «историю».

Иммануил Валлерстайн

25 декабря 1991 года Михаил Горбачев зачитал на советском телевидении свое последнее заявление и покинул пост президента СССР. Над Кремлем был спущен красный флаг, а вместо него без лишних церемоний поднят российский триколор.

Длительная история пребывания Центральной Азии в составе Российской империи и СССР также завершилась. Но точка в цепи событий была поставлена отнюдь не в Беловежской пуще и не отречением Михаила Горбачева.

Ослабление СССР вызвало распад социалистической системы. Это привело к глобальным изменениям в Европе, получившей целую группу государств, в том числе и распадающуюся Югославию, и разводящуюся Чехословакию. Самые серьезные проблемы вызвал вопрос о единстве Германии. Старые страхи, порожденные мировыми войнами, возникли с новой силой. Маргарет Тэтчер выражала глубокую обеспокоенность появлением на карте Европы прежней объединенной и сильной Германии. Но единство Германии осуществлялось на демократической основе. Хотя и не все шло гладко, но объединение состоялось.

Еще больший шок вызвал скоропостижный распад СССР. Это была огромная имперская общность, которая объединяла, казалось бы, несоединимое. В составе Советского Союза пребывали ламаистская Бурятия, католическая Литва, протестантская Эстония, суннитский Туркменистан, шаманистская Якутия. На сессиях Верховного совета СССР соседствовали земледельцы, кочевники, промышленные рабочие и интеллигенты, военные и гражданские, островитяне и жители пустынь.

Крах СССР был столь стремительным, что практически стал для всех, в том числе и для аналитиков, и для политиков, и для разведчиков, полной неожиданностью. Большинство исследователей все-таки предполагали, что кризис примет затяжной характер, а советское руководство сможет принять меры, даже самые жесткие, для сохранения первого в мире социалистического государства. Тем более что консервативная попытка Ю. Андропова придать системе дополнительный импульс расценивалась как вполне вероятный сценарий для нового руководства страны. Не менее привлекательным, хотя бы на словах, был пример КНР.

Мягкое реформирование единой страны выглядело вполне предпочтительно и вероятно.

События августа 1991 года можно считать началом конца СССР. Победа путчистов могла остановить распад страны, законсервировать существующий советский режим на неопределенный период времени. Поражение ГКЧП означало, что никто и ничто не сможет противостоять краху СССР.

В пылу борьбы с ортодоксами, возглавлявшими Коммунистическую партию, демократы не считали необходимым обращаться к ленинскому завещанию, в котором вождь мирового пролетариата обращал внимание на особую роль партии в сохранении федеративного Советского государства. В своих «Последних письмах и статьях» он говорил о роли партийного авторитета, который сможет преодолеть трения государственных органов и национальных республик. Более того, вождь мирового пролетариата прямо называл Коммунистическую партию стержнем СССР, который позволяет преодолевать инерцию распада. Поэтому

ликвидация 6-й статьи Конституции СССР, принятой при Л. Брежнев, в которой говорилось о том, что КПСС является ядром политической системы страны, была на деле борьбой против единства государства.

Август 1991 года покончил с Коммунистической партией Советского Союза, возглавлявшей и объединявшей общесоюзные государственные структуры. Закончилось и существование коммунистической доктрины как государственной идеологии СССР.

Монолитности КПСС в августе 1991 года уже не было. Известную самостоятельность по отношению к центральным партийным органам проявляли компартии прибалтийских республик и Закавказья. Положение было весьма серьезным. Настолько, что делегаты, представлявшие коммунистические партии Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана на XXVIII съезде КПСС приняли заявление, в котором наряду с традиционной поддержкой курса партии, осуждением раскольнической деятельности некоторых коммунистов выделялось несколько моментов. Они выступили за сохранение СССР, за обновленную федерацию. «Выступая за полную самостоятельность компартий союзных республик, мы принципиально высказываемся за единую КПСС». Делегаты также выступили за «совмещение должностей Генерального секретаря КПСС и Президента СССР».¹ В то время было понятно, что сохранение единства страны зависит от сохранения единой правящей партии.

Но самый сильный удар по единству страны нанесло формирование самостоятельной компартии Российской Федерации. Ортодоксальные коммунисты сделали то, чего не смогли все вместе взятые демократические группировки. Этот шаг нарушил баланс между центральными и республиканскими органами, по сути поставив под сомнение деятельность ЦК КПСС как полномочного руководящего органа. Несомненно, что кумир ортодоксальных коммунистов И. В. Сталин немедленно расстрелял бы их за подобную инициативу. Тем более что такой прецедент в советской истории уже был. Послевоенное «Ленинградское дело», сфабрикованное в отношении видных деятелей ленинградской партийной организации и руководящих работников, выходцев из Ленинграда, ставило им в вину сепаратизм, противопоставление себя ЦК ВКП(б) и попытку создания компартии РСФСР²

Победа над ГКЧП и видное невооруженным глазом шаткое положение М. Горбачева, отражавшее очевидную сомнительность властных полномочий общесоюзных государственных органов, повлекли лавинообразную суверенизацию союзных республик. Несомненный лидер борьбы с ГКЧП Борис Ельцин еще за год до трагических событий, 6 августа 1990 года, в столице Татарстана Казани говорил: «Берите столько суверенитета, сколько сможете». И это пожелание запомнилось всем. А поскольку суверенитет бывает только полным, то и союзные республики сочли, что ход событий просто обязывает их двигаться к независимости.

Парад суверенитетов набирал скорость и стал необратимым. Пример подавала Россия, Декларация о государственном суверенитете которой была принята 12 июня 1990 года. 16 июля 1990 года Верховный совет Украинской ССР провозгласил государственный суверенитет. 3 августа 1990 года был принят закон «Об экономической самостоятельности Украины». Аналогичные документы принимались в других республиках.

Тон задавали также прибалтийские республики, которые были признанными лидерами «тихой борьбы» за выход из состава СССР. Они были признаны независимыми 6 сентября

1991 года. 31 августа 1991 года были приняты Декларации государственной

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 64–65.

² Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – М.: Высшая школа, 1988. С. 475.

независимости Узбекистана и Кыргызстана. 9 сентября 1991 года на внеочередной сессии Верховного Совета Таджикистана были единогласно приняты: Заявление о государственной независимости Республики Таджикистан, Постановление о внесении изменений и дополнений в Декларацию о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики (принятую 24 августа 1990 года) и Постановление о провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан. Позже идею национального суверенитета стали реализовывать в Туркмении (соответствующая Декларация была принята в октябре 1991 года) и в Казахстане (16 декабря 1991 года).

Как писал впоследствии российский премьер Е. Гайдар: «Первое, что произошло после крушения коммунистического режима, стержнем которого были КПСС и КГБ, – объявление бывших союзных республик о своей независимости».³ Западные республики бывшего СССР были достаточно известны в мире. Украина и Белоруссия, пусть даже формально и под нажимом Сталина, были членами ООН. Прибалтика уверенно рассчитывала на свое место в Европе. Но вот восточные республики Закавказья и Центральной Азии были практически неизвестны и непонятны для внешнего мира.

В начале 90-х годов XX века интерес к внезапно возникшим новым государствам Центральной Азии обуславливался целым рядом причин негативного свойства. В сборнике «Центральная Азия и мир», изданном на основе материалов симпозиума «Международные отношения Центральной Азии», государства региона отнесены к третьему миру. Соответственно и причины интереса к Центральной Азии можно было свести к следующим факторам:

- 1) ядерное оружие в Казахстане;
- 2) кризис и культурная дезориентация могут породить антизападные движения фундаменталистского толка;
- 3) катастрофические ситуации (война в Таджикистане, экологические последствия монокультуры хлопка, полигон в Семипалатинске);
- 4) возможные территориальные споры (с Китаем, Ираном);
- 5) возможное вмешательство России в защиту русского населения.

Все эти обстоятельства нежелательны и порождают нестабильность в регионе.⁴

Моя первая попытка проанализировать процессы, происходящие в регионе, была предпринята в книге «Другая Центральная Азия» (Алматы, 2003). С тех пор прошли годы. «И мне стало казаться, что я либо написал не ту книгу, либо лишь малую часть нужной книги».⁵

За это время в странах Центральной Азии произошли большие изменения. Но в исследованиях многое осталось прежним, в том числе и стереотипы, которые мешают понять регион.

Прежде всего, продолжают споры о том, что такое Центральная Азия. Каковы ее географические границы? Какие государства или регионы составляют это понятие? Существует несколько версий. Но пока что можно констатировать следующее: «никто, ни внутри региона, ни вовне его этого не знает (или, что то же самое, все ключевые игроки дают на этот вопрос

³ Гайдар Е. Власть и собственность: смуты и институты. Государство и эволюция. – СПб.: Норма. С. 119.

⁴ Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 1995. № 4. С. 22.

⁵ Гэлбрайт Дж. Жизнь в наше время. – М.: Прогресс, 1986. С. 258.

разные ответы)».⁶

Известно, что название «Центральная Азия» стало общеупотребительным после появления одноименного сочинения А. Гумбольдта. В этом фундаментальном труде территории к югу от Алтая вплоть до северного склона Гималаев были отнесены к Центральной Азии. Ф. Рихтгофен в книге «Китай» дал определение Центральной Азии как «континентальной области древних водных бассейнов, не имеющих стока в океан», он же наметил западную и восточную границы края, включив в него земли от водоразделов Памира на западе до водоразделов исполинских рек Китая и Большого Хингана на востоке.⁷

До революции российские исследователи оперировали понятиями «Центральная Азия», «Средняя Азия» и «Туркестан». В советское время, исходя из новых политических и идеологических реалий, использовалось определение «Средняя Азия и Казахстан». Отличительной чертой советских восточных республик было проведение уникального эксперимента по строительству социализма, минуя капитализм, в то время как соседние народы и государства, отставшие в своем развитии, продолжали существовать в условиях колониальной или полуколониальной зависимости от европейских держав. Таким образом, наименование «Средняя Азия и Казахстан» в советское время было политической категорией, определяющей границы социалистического прогресса и колониальной стагнации. Поэтому понятие «Центральная Азия» не входило в перечень терминов, одобренных коммунистической идеологией и принадлежало зарубежной, буржуазной науке.

В то же время и в европейской литературе шли дискуссии о географических границах Центральной Азии, которые также не были свободны от идеологических стереотипов. Расширительные толкования включают в регион не только пять восточных государств СНГ, но и Синьцзян, Афганистан, Алтай, Монголию, Поволжские республики и области России, частично Иран, Сибирь, Пакистан, Индию.

В силу политических или иных соображений могут быть обиды по поводу включения или, наоборот, исключения того или иного региона из Центральной Азии. Например, В. С. Бойко в своей статье «Российский Алтай в геополитике Центральной и Внутренней Азии в 1990-е – начале 2000-х годов (к постановке проблемы)» пишет: «Столь же неоправданно исключение российского Алтая из Центральной/Большой Центральной Азии. Такая практика используется рядом финансовых и иных транснациональных (образовательных и иных) институтов при разработке программ международного сотрудничества ориентированного лишь на постсоветские государства – бывшие среднеазиатские республики СССР, реже – Монголию. Аналогичная ситуация складывается и в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, столь же бесспорной части Центральной Азии, но данная "нестыковка" объясняется скорее изоляционизмом самой китайской стороны, чего нельзя сказать о России, которая через Алтайский край и Республику Алтай в силу исторических обстоятельств и современных реалий естественно и сознательно "интерферируется" с другими территориально-государственными анклавами Большой Центральной Азии через формализованные (Координационный совет государств Алтайского региона и др.) и иные механизмы международного сотрудничества».

⁶ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М., 2008. С. 116.

⁷ Средняя или Центральная Азия? Н. Н. Алексеева канд. геогр. наук, старший научный сотрудник кафедры физической географии материков и геоэкологии. И. С. Иванова старший преподаватель кафедры социально-экономической географии зарубежных стран. Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. – <http://geo.1september.ru/articfef.php>

Автор включает в понятие Большая Центральная Азия наряду с республиками южного пояса бывшего СССР северные регионы Ирана и Афганистана, Синьцзян, Монголию, южносибирские окраины России и часть Поволжья.⁸

Дискуссия по поводу наименования региона, но не его географии, была закончена политиками. В 1991 году президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев на саммите глав государств тогда еще Средней Азии предложил отказаться от формулировки советского периода «Средняя Азия и Казахстан» в пользу словосочетания «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские страны этого региона. Такую самоидентификацию новых государств, избравших для своего географического «адреса» общепринятое в западной литературе определение, отрицать бессмысленно. Она уже стала не только официально употребляемой, но и общепринятой. Тем самым Н. Назарбаев и его коллеги – руководители государств региона – хотели не только подчеркнуть свое стремление к западным оценкам, региональную идентификацию, но и отказ от российско-советского периода истории как главенствующего в национальной истории.

Итак, в силу данных резонансов в настоящей книге понятие «Центральная Азия» означает пять бывших советских республик, а ныне независимых государств – Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан.

До настоящего времени Центральная Азия рассматривалась прежде всего как поле «Большой игры». Англо-российское соперничество, породившее этот термин, уже давно кануло в Лету. Центральная Азия стала группой независимых государств. В течение XX века менялся и состав игроков. Поэтому российско-советскому или британскому представлению о регионе пришлось уступить место американскому, российскому и вновь оценить китайский взгляд на регион. Естественно, что многочисленные хитросплетения политики привели к тому, что регион рассматривался как объект внешней политики с точки зрения тех или иных игроков. Даже через двадцать лет независимости исследователи центральноазиатских государств продолжают следовать в фарватере зарубежной, прежде всего российской, методологии и политических интересов. И это ставит вопрос об идентичности региона, совпадении официальных и реальных оценок собственной истории и современности.

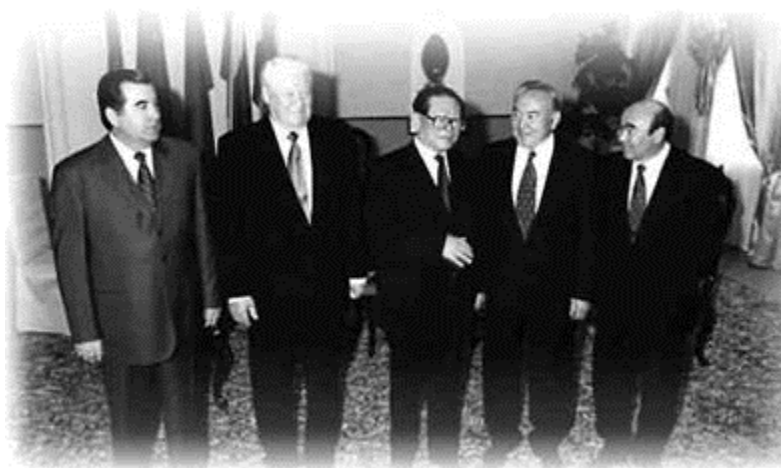
Игра продолжается? Игра окончена? Что впереди? Ответов может быть предостаточно. И в этой книге, надеюсь, самый верный...

Глава первая **Свои и чужие в Центральной Азии**

*Отдельные группы людей должны чем-то пожертвовать,
чтобы всем остальным стало лучше.*

Милтон Фридман

⁸ <http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/>

Независимость так независимость, решили руководители центрально-азиатских государств и стали формировать государственность со всеми ее атрибутами. К настоящему времени все страны региона – члены ООН, СНГ, ШОС и многих других международных организаций, в том числе и региональных объединений. Практически в каждой из республик государственные органы заняты формированием национального патриотизма. Одновременно, хотя и в разной степени, сохранилась значительная инерция сознания. Люди по привычке называют «нашими» всех спортсменов из государств СНГ, особенно если реальные «свои» в соревнованиях не участвуют. «Нашими» за границей государств СНГ считаются все выходцы из бывшего Союза. При обсуждении международных событий большинство жителей азиатских республик на стороне России. «Наши» туристы с их специфическим поведением стали головной болью для курортных стран и героями скандальных историй и анекдотов. Лидеры Центральной Азии были солидарны с руководством России во время войн западной коалиции против Саддама Хусейна и выражали недовольство американцами. Хотя все они знали, что иракский диктатор сукин сын, но это был «наш сукин сын», союзник еще с советских времен. Операции западного блока против террористов в Афганистане также вызвали недовольство. Хотя СССР и воевал против тех же афганских моджахедов, но вторжение западных военных было демонстрацией силы в «нашем» регионе. Российская пропагандистская машина осуществляет новый вираж, и афганские боевики вдруг стали почти что «нашими», воюющими против американцев. Таким образом, все, кто против США, автоматически становились «нашими».

Таких чудес достаточно много. Но оставим эмоции в стороне и посмотрим на реальность. Должны ли США осуществлять активное проникновение в Центральную Азию? Или американцы по-прежнему должны оставаться внерегиональной силой? Какова роль США в Центральной Азии? И нужны ли они здесь вообще? Остается ли Центральная Азия зоной национальных интересов России? Является ли переориентация внешнеполитического курса стран региона на другие государства, например США и Китай, предательством по отношению к России? Или это объективный процесс поиска и реализации собственных интересов центрально-азиатских стран? Должны ли государства Центральной Азии неизменно поддерживать действия России? Можно ли расценивать давление России по различным вопросам как продолжение политики СССР и Российской империи?

Много вопросов, которые требуют своих ответов. Но большинство из них отпадают, когда сравнивается реальная политика США и России в Центральной Азии. А делается это часто и необъективно. В свою очередь, сама постановка вопроса о том, кого выберет Центральная Азия – Россию или Америку, – является отражением политических пристрастий и конъюнктуры. Ведь выбор внешнеполитической ориентации определяется не референдумом или постановлением правящей элиты. Он зависит от многочисленных факторов, их суммы,

взаимодействия и противодействия, изменения ситуации и перемены в соотношении сил. Аргументы о том, что 100–200 или более того лет назад народы сделали свой выбор в пользу России, ничего не весят на весах политики. Можно вспомнить заклинания партийных руководителей периода Перестройки, считавших неотразимым аргументом то, что «наши деды сделали свой выбор в Октябре 1917 года в пользу социализма, и мы сохраним верность этому выбору». Но каждое поколение все-таки имеет право на собственный выбор. Например, лозунг Фиделя Кастро «Социализм или смерть», магически действовавший на несколько поколений кубинцев, утратил свою притягательную силу. Теперь они выбирают жизнь без социализма. Во всяком случае, такие намеки можно найти в политике Рауля Кастро, сменившего на боевом посту своего старшего брата.

В XIX веке в феодальных государствах Центральной Азии были элиты или части элит, которые способствовали продвижению России на Восток и включению своих народов и государств в состав империи. Но таковые находились у любых колонизируемых народов и во все времена. Успех испанских конкистадоров в Америке объясняется не только превосходством их оружия, но и тем, что они смогли консолидировать вождей, недовольных существующим положением в империях ацтеков и майя. Эти государства были разрушены собственными подданными, которые поддержали испанцев, составлявших ничтожное меньшинство.

Для некоторых представителей правящих классов Центральной Азии это был добровольный выбор. Но, строго говоря, у них не было альтернативы. Россия упорно шла на Восток. Она сокрушила Казанское и Астраханское ханства, покорила Крым. Движение подхватили дружины вольных казаков и «служилых людей», которые присоединили Сибирь и Дальний Восток. Инициативное завоевание восточных государств и территорий продолжили в XVIII–XIX веках местные губернаторы и военные начальники. Когда российские войска захватили Ташкент, один из российских министров писал: «Генерал Черняев взял Ташкент. Зачем и почему, никто не знает».

Другая часть политической элиты Центральной Азии до конца боролась за независимость. Можно перечислить огромное количество антирусских и антиколониальных восстаний, прокатившихся по Центральной Азии, от частных до самого мощного, разразившегося в 1916 году. После падения самодержавия народы региона пытались создать независимые государства или автономии в составе демократической России – казахскую автономию «Алаш-Орда», кокандскую автономию, и даже казаки объявляли себя автономными образованиями. Коллективизация вызвала несколько сот крестьянских восстаний только в Казахстане. До середины 30-х годов XX века советской власти сопротивлялись басмачи.

Нельзя забывать, что вплоть до XX века центрально-азиатский регион был объектом «Большой игры» Британской империи и России. Считалось, что если Центральную Азию не «возьмет» Россия, то там непременно окажутся англичане. Сто пятьдесят лет назад тогда еще среднеазиатские феодальные государства были объектом игры. Они не были ни английскими, ни русскими. В начале 1858 года полковник Н. П. Игнатьев, направлявшийся с посольством в Хиву и Бухару, получил инструкцию Министерства иностранных дел. В ней особый пункт ставил задачу: «уничтожение вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в Среднюю Азию и привлечь ее на свою сторону».

Бухары и Хивы «справедливые опасения насчет образа правления Англии в Азии», растолковать «как мало следует иметь доверия к словам и обещаниям державы, которая под всеми предложениями ищет случая проникать в страны для того только, чтобы обращать их в колонии и извлекать из них одну пользу для себя»; примером здесь служила Индия, «системой

Англии доведенная до самого жалкого существования».⁹ Аналогичные миссии выполняли многочисленные английские агенты.

Но британцы не смогли продвинуться в Афганистан, а Россия остановилась на Памире. Аргумент «если не мы, то другие» сыграл свою роль во время обсуждения вопроса о вторжении СССР в Афганистан. Политбюро ЦК КПСС руководствовалось тем, что если не ввести советские войска, то в Афганистане непременно окажутся американцы. И они там оказались, правда, через двадцать лет после вывода советских войск.

Оценка политического влияния СССР и Великобритании на ситуацию в регионе основывалась на идеологии. Тем не менее можно говорить о том, что политика была все-таки принципиально схожей – колониальной экспансией в традициях растущего империализма. Советские историки доказывали, что российский колониализм все-таки лучше, чем британский. Ведь захват Россией Центральной Азии в конечном счете привел населяющие ее народы к победе социалистической революции, образованию социалистической государственности в составе равноправного Союза ССР, к социализму, минуя капитализм. В то время как британские колонии продолжали оставаться эксплуатируемыми окраинами, сырьевыми придатками метрополии. Даже после распада Британской колониальной империи и образования независимых государств эти аргументы оставались в силе. Советские востоковеды и африканисты продолжали доказывать, что колониальное прошлое не позволяло освободившимся странам получить реальную политическую и экономическую независимость.

Провалы экономической политики стран социалистической ориентации и существующие в этих странах диктаторские режимы объяснялись колониальным прошлым.

В советское время идея интернационализма и дружбы народов, формирования «новой исторической общности – советского народа» была мощным фундаментом для ориентирования исторических исследований на добровольность вхождения государств, народов и территорий в состав Российской империи. Например, принятие ханом казахского Младшего жуза Абулхаиром в 1731 году российского подданства стало основанием для широкомасштабного празднования 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России в 1981 году, хотя сам Абулхаир совершал затем набеги на русские населенные пункты и крепости, а присоединение всей территории Казахстана произошло через 150 лет. В угоду политической конъюнктуры аналогичные искажения истории осуществлялись во всех советских республиках. Поэтому неизбежный рост национального самосознания народов, прежде всего вне рамок советской идеологии, беспощадно подавлялся.

После недолгого времени осуждения колониальной политики России сталинизм предпочел восстановить имперскую идеологию в социалистической оболочке. В годы Второй мировой войны были даже попытки опереться на национальные чувства и историческое прошлое тюркских народов. Но уже в конце войны они были практически сразу свернуты. В постановлениях ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (1944) и «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (1945), продублированных во всех центральноазиатских союзных республиках, указывалось на необходимость «устранить серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идегее)».¹⁰

⁹ Национально-демократическая революция: сущность и перспективы. – М: Наука, 1990. С. 370–371.

¹⁰ Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б). – М.: ОГИЗ, 1947.

Постановления 1944–1945 годов стали основой для идеологических погромов и новой волны репрессий в национальных республиках после Второй мировой войны. Они не были отменены ни в годы хрущевской оттепели, ни в годы развитого социализма, ни в годы Перестройки. Виток репрессий в отношении деятелей национальной культуры в послевоенные годы покончил с попытками рассмотреть историю народов вне контекста российской истории, как самостоятельное явление.

В течение последних 20 лет мы наблюдаем новый этап борьбы за Центральную Азию. В ней участвуют новые силы – Россия как наследница СССР, США как лидер западного мира и гигантский Китай.

Политика США в Центральной Азии стала вычлняться из общего внешнеполитического курса на постсоветском пространстве не сразу. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века приоритетным для западного мира был все-таки восточноевропейский вектор. Сломавшийся «брежневский зонтик» раскрыл перед Западом новые возможности в реализации идеи общеевропейского дома и европейского единства. Естественно, что стремление государств Прибалтики к независимости было поддержано безоговорочно. И это понятно, ибо три балтийские сестры укладывались в представление о цивилизационной идентичности Большой Европы. В перспективе просматривается вхождение в Европу Украины, Молдавии, Беларуси.

С пятью республиками азиатской части СССР было сложнее. Казахстан попал в поле зрения западных политиков в основном из-за гигантских ядерных арсеналов. На его территории размещались 104 межконтинентальные баллистические ракеты с 1040 боезапасами. Дислоцировались 40 тяжелых бомбардировщиков с 320 боезапасами.¹¹

В условиях нарастания исламского фундаментализма появление в ядерном клубе неустойчивого Казахстана с огромным запасом смертоносных боеприпасов совсем не приветствовалось Западом. Исламская атомная бомба стала кошмаром для мира. Высказывались опасения о возможности похищения террористами ядерного оружия с помощью коррумпированных чиновников. Это было достаточно близко к истине, если вспомнить все скандалы, связанные с торговлей остатками советского оружия и боевой техники государствами постсоветского пространства, в том числе и странами Центральной Азии.

Казахстан использовал наличие ядерного оружия на своей территории для получения гарантий собственного существования как независимого государства и экономической помощи. Естественно, что оба требования в то время были обращены к США. В октябре 1993 года конгресс США принял «Закон о сотрудничестве в целях уменьшения угрозы» (закон Наина – Лугара). Закон явился развитием ранее действовавшей программы «Сокращения советской ядерной угрозы». Он предусматривал оказание помощи новым независимым государствам в «уничтожении и надежной и безопасной транспортировке и хранении ядерного, химического и другого оружия и их средств доставки», «надежном и безопасном хранении расщепляющихся материалов, извлеченных при уничтожении ядерного оружия», предотвращении распространения оружия массового поражения, его компонентов и технологий производства, демилитаризации и конверсии оборонных отраслей промышленности. Под определенным давлением, а также экономическим стимулированием со стороны США Казахстан стал неядерным государством. 13 декабря 1993 года парламент республики ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия.

Казахстан, так же как Украина и Белоруссия, подписал Лиссабонский протокол к

¹¹ Пикаев А., Савельев А. Ядерная мощь СССР: на земле, на море и в воздухе // Независимая газета. 1991. 2 ноября. № 137.

Договору о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-1), взяв на себя обязательства стать неядерным государством. Демонтаж ядерной инфраструктуры Казахстана продолжался до середины 1990-х годов. В феврале 1994 года в Россию были перемещены стратегические бомбардировщики, а к концу мая 1995 года – все оставшееся ядерное оружие.

Важным достижением для Казахстана стало подписание во время Будапештского саммита ОБСЕ в декабре 1994 года Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия. Великобритания, Россия и США подтвердили «свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Республики Казахстан, и что никакие их вооружения никогда не будут применены против Республики Казахстан, кроме как в целях самообороны».¹²

Позднее, 8 февраля 1995 года, Китай также предоставил ядерные гарантии Казахстану. Позиция Казахстана получила высокую оценку со стороны США, президент Б. Клинтон назвал ее «примером для подражания» для других стран. Казахстан объявлялся «единственной страной в Центральной Азии, получившей статус партнера Соединенных Штатов».

Таким образом, уже в начале 90-х годов XX века политика США в регионе была сформулирована достаточно ясно и конкретно: «ведение наступательной войны против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур безопасности»; «стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением».

В своем выступлении 12 апреля 1995 года посол США в Казахстане Уильям Кортни сказал: «Поскольку Казахстан прокладывает свой экономический курс в будущее, будет прекрасно, если он будет проводить демократические и экономические реформы вместе. Это был тот урок, который Горбачев усвоил слишком поздно. Если этот урок не будет усвоен сегодня, страны, находящиеся в переходном этапе, могут попасть в ловушку между небольшим шоком и небольшой терапией. Когда это случается, поддержка людей реформам может быть поколеблена, и коррупция временно заполняет пустоту и затем омрачает восприятие реформ людьми».¹³

Польза для Америки заключается, по мнению посла, в том, что американские «инвесторы получают большую возможность полагаться на долгосрочную стабильность, и Казахстан будет более сильным экономическим партнером. Регион вокруг Казахстана будет менее склонен к конфликтам. И в-третьих, будет меньшая вероятность возрастания внутренней враждебности или ее разрастания на соседние с Казахстаном страны».¹⁴

Нужно отметить, что риторика представителей США и западного сообщества отличается деликатностью и последовательностью. Более того, реакция на различные события неизменно своевременна и оперативна. Например, во время грузино-российской войны Дж. Кролл, заместитель помощника госсекретаря США, выразил позицию США по отношению к странам Центральной Азии в тех словах, которые ожидалось ими с нетерпением: «Я уверен, что центральноазиатские лидеры обеспокоены действиями России в Грузии в той же степени, что и

¹² Дипломатическая служба Республики Казахстан. – Алматы: Эдельвейс, 2004. С. 59–60.

¹³ Информационное агентство США. Выступление Посла США Уильяма Х. Кортни в международном бизнес-клубе 12 апреля 1995 года.

¹⁴ Информационное агентство США. Выступление Посла США Уильяма Х. Кортни в международном бизнес-клубе 12 апреля 1995 года.

США. Во время моей поездки в Центральную Азию они были обеспокоены тем, как бы российско-американские отношения вновь не вступили в фазу холодной войны. В таком случае этим странам пришлось бы сделать выбор в поддержке той или иной стороны. Наша позиция такова: мы не желаем развития новой холодной войны и считаем, что возможность ее возобновления осталась далеко в прошлом. Мы стремимся к тесному сотрудничеству со странами Центральной Азии, а также к продолжению сотрудничества с Россией в нейтральных зонах, таких как, например, Афганистан. Я думаю, что у нас с Россией много взаимных интересов в таких сферах, как стабильность, безопасность, экономическое процветание. Существует расхождение мнений между Россией и США, которое тем не менее не должно влиять на дальнейшее развитие наших совместных отношений с Центральной Азией. Наше послание странам региона таково: США уважают их независимость и будут в дальнейшем работать с ними во имя общих интересов. И мы ни в коем случае не ищем поводов для начала новой холодной войны с Россией. Я не думаю, что нынешние натянутые отношения с ней смогут как-то повредить нашему сотрудничеству со странами Центральной Азии».¹⁵

Россия заняла диаметрально противоположную позицию. Основная проблема в том, что Россия никак не может привыкнуть к тому, что бывшие республики СССР стали суверенными государствами. Это старая болезнь. В ноябре 1986 года на заседании Политбюро министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе сетовал на то, что «наши товарищи и тут, и там, в Афганистане, – никак не могут привыкнуть, что имеют дело с суверенным государством. И МИД, и Минобороны, и прочие ведомства к этому не привыкли».¹⁶

Характеристики бывших советских республик, в том числе центральноазиатских государств, и их лидеров в российской прессе, а иногда и в устах высокопоставленных политиков не отличались деликатностью и дипломатичностью. Либеральные реформаторы и ортодоксальные почвенники сходились во мнении, что «пять тубетеек» – так высокомерно называли Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан – мешают нормальному развитию России, являются паразитирующим наростом на теле российской экономики. Пять республик, по их мнению, просто обречены на экономический провал и погружение в пагубный тоталитаризм. Отцепить центральноазиатский балласт и быстро въехать в Европу – таким был план российских реформаторов.

Но Европа вовсе не желала распространяться от Атлантики до Урала. Она не против включения в свои ряды Украины, Беларуси и Молдовы, естественно, после реальных политических и экономических трансформаций в этих странах. Что касается России, то большинство членов ЕС солидарны с тем, что она – не Европа. Например, министр иностранных дел Франции А. Жюппе писал, что принять Россию в Европейский Союз означало бы убить европейское строительство.¹⁷

Только после отказа признать Россию в качестве европейского государства и члена ЕС, многочисленных претензий с Запада на отсутствие в России демократии, гигантскую коррупцию, появление реваншистских и даже фашистских тенденций пришло понимание значения восточного направления в российской политике. С середины 90-х годов XX века начинается активизация политики Кремля в СНГ. И не совсем удачно.

¹⁵ Русская служба «Голоса Америки», США. 14.10.2008.

¹⁶ Буду откровенен, Михаил // Огонек. 2010. 22 марта. № 11 (5121).

¹⁷ Зуева К. Новые концепции европейской интеграции//МЭиМО.1995.№ 11. С. 95.

Например, в декабре 1993 года в Ашгабате было подписано соглашение между Туркменистаном и Россией о двойном гражданстве. При этом российский президент Борис Ельцин заявил: «Я первым получаю двойное гражданство». Двойное гражданство было в начале 90-х годов XX века одной из основных целей российской политики в Центральной Азии. Парадокс был в том, что сама Россия законодательно отрицала возможность двойного гражданства для своих граждан. Такие известные ученые, как В. Тишков, указывали на то, что приобретение двойного гражданства не будет способствовать стабильности в новых государствах и гражданской лояльности лиц, имеющих двойное гражданство.

Казахстан отказался от такой чести. И это было понятно: двойное гражданство в многонациональной стране просто размывало само понятие гражданства. В то же время достаточно многочисленное русское население региона рассматривалось как важный фактор психологической защиты. Они видели в двойном гражданстве шанс вернуться в Россию в качестве полноправных граждан, а не иностранцев или лиц без гражданства. Двойное гражданство многими трактовалось как возможность избирательно подходить к обязанностям того или иного государства и в то же время в полной мере пользоваться привилегиями обеих стран.

Несмотря на свой радикальный шаг, Туркменистан в дальнейшем фактически прекратил интеграционные игры в СНГ, занял позицию нейтралитета, а русское население не получило никаких дополнительных привилегий от своего двойного статуса. Скорее наоборот, политика властей стала более жесткой.¹⁸

В апреле 2003 года вышел указ президента Туркмении Сапар-мурата Ниязова об урегулировании вопросов, связанных с прекращением действия соглашения о двойном гражданстве между Туркменистаном и Российской Федерацией. Указ гласил, что лица, имеющие двойное гражданство Туркменистана и Российской Федерации, постоянно проживающие в Туркменистане, должны подать свои заявления о выборе статуса гражданства в органы внутренних дел Туркменистана в течение двух месяцев. Лица, которые не сделают уведомления о своем выборе гражданства в указанный срок, станут туркменскими гражданами.

Иными словами, президент Сапармурат Ниязов отменял двойное гражданство, но при этом нарушалось российское законодательство. Дело в том, что законодательно гражданин России не может быть лишен гражданства. Несмотря на это, дело доходило до конфискации российских паспортов у лиц, постоянно проживающих в Туркмении. В сообщениях туркменских оппозиционеров говорилось о том, что в стране запрещено продавать билеты на международные авиарейсы российским гражданам, им не разрешается продавать свои квартиры, их увольняют с работы, а их детей исключают из школ.

В российских политологических кругах и средствах массовой информации возобладала тема русскоязычного населения в государствах СНГ. Ими прогнозировался массовый отток из стран Содружества практически всех 25 млн русских, который должен был принять характер панического бегства. Все эти публикации болезненно воспринимались в постсоветских государствах, в том числе в Центральной Азии. В 1989 году доля русских в Казахстане составляла 37,8 % от 16,5 млн населения; в Узбекистане – 8,3 % от 19 810 тыс. человек; в Туркменистане – 9,5 % от 3,5 млн; в Таджикистане – 7,6 % от 5 млн населения; в Кыргызстане – 21,5 % от 4,2 млн человек. Общая доля русских в регионе составляла 10,1 % от 32,6 млн человек. Выездные настроения русских были выше, чем в Прибалтике. И как пишет В. И.

¹⁸ Савоскул С. Русские нового зарубежья // ОНС. 1994. № 5. С. 91

Переведенцев, они объяснялись резким перепадом в качестве и уровне жизни.¹⁹

Парадокс был в том, что никто и никаким образом в России не содействовал людям, которые возвращались на свою историческую родину из Центральной Азии. В то же время и государственные органы, и средства массовой информации активно защищали русское население Прибалтики, которое, в свою очередь, подвергалось реальной дискриминации, но не спешило возвращаться на родину. Перспектива стать гражданами европейского государства перевешивала ностальгию.

За водой

Проблема так называемого русскоязычного населения оказалась далекой от того трагизма, который предполагался исследователями и политиками. Расчеты реальной миграции на основе статистических данных выполнили ученые Института социально-политических исследований РАН. Согласно полученным результатам, в 1989–2004 годы в Россию из ближнего зарубежья прибыло 5430 тыс. русских, из которых свыше 2 млн затем вернулись обратно, столкнувшись на исторической родине «не только с материальными трудностями, но и с неблагоприятным отношением со стороны государства».²⁰ Как пишет М. Пальников: «Российские власти, в отличие от властей Германии, сумевших благодаря программе репатриации так называемых аусзидлеров (зарубежных этнических немцев) вернуть на родину около 10 млн соотечественников, так и не смогли решить две, в сущности, элементарные задачи: во-первых,

¹⁹ *Переведенцев В. И.* Миграция населения в СНГ: Опыт прогноза // Полис. 1993. № 3. С. 75.

²⁰ Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве // РАН. Ин-т соц. – полит. исслед. / Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – М, 2009. С. 17.

немедленного предоставления гражданства реальным соотечественникам, желающим вернуться на родину, и, во-вторых, максимально быстрого обеспечения репатриантов дешевым социальным жильем».²¹

Политизированный взгляд на проблему русскоязычного населения не учитывает того, что отток начался не в 90-е годы. Госкомитет по статистике и анализу в докладной записке «О демографической ситуации в Казахской ССР» от 30.09.91 года констатировал, что «приток мигрантов с северо-запада СССР, оказавших довольно активное влияние на формирование народонаселения Казахстана начиная с 1968 года, прекратился. Если доля миграции в общем приросте населения в 60-е годы составляла 18 %, то в 70-х годах – отрицательное сальдо миграции было уже настолько велико, что перекрывало часть естественного прироста, а в 80-х годах – уже 1/3. Всего за 1970-1990-е годы отток населения в другие районы страны превысил 1,6 млн человек, из которых 998 тыс., или 62 %, приходится на 80-е годы». Пик миграции за пределы республики падает на 1984–1987 годы, когда ежегодные потери в обмене с другими республиками составляли 82–92 тыс. человек. О высокой миграции в Казахстане писала еще в советское время Ф. Н. Базанова. По ее расчетам, за 1968–1969 годы в Казахстан прибыло 421 907 человек (механический прирост 41,2 %), за это же время выбыло 444 474 человека (42,4 %).²²

Таким образом, можно говорить о том, что распад СССР лишь активизировал процессы, начавшиеся в период развитого социализма и формирования новой исторической общности – советского народа.

Несмотря на неприятные игры с защитой русских в государствах СНГ, в начале 90-х годов XX века центральноазиатские государства практически безоговорочно поддерживали внешнеполитические акции России. Вполне вероятно, что не всегда они делали это охотно или искренне. Скорее они исходили из соображений экономической выгоды и безопасности.

В начале 90-х годов XX века проблема выбора геополитического поведения была для России ключевой. Угроза распада витала над Россией. Например, во время конференции «Россия в современном мире: геополитические и внешнеполитические аспекты стратегии», организованной в конце 1992 года Центром стратегических проблем Российской академии управления, профессор О. Феофанов высказал мысль о том, что «все рассуждения о каких-либо ее (России) геополитических интересах не имеют под собой оснований. Ведь если Россия распадется на Восточную Сибирь, Дальневосточный край, Центральную Россию, то о какой политике по отношению, например, к Курилам можно говорить?». В подтверждении своего вывода о существовании сепаратистских тенденций он сослался на собственный опыт пребывания в Красноярском крае, который налаживает прямые, минуя Москву, связи с Китаем, Южной Кореей, Германией, и где в кулуарах работники администрации края ставят под вопрос целесообразность его вхождения в состав России в настоящее время.²³

Но даже при этом Россия, теряя позиции в Содружестве, заняла неконструктивную позицию, занимаясь подсчетом своих союзников. Осуществлялось давление на страны СНГ, в том числе на республики Центральной Азии. Для Казахстана, например, был весомым аргументом вопрос о так называемых северных областях, которые предлагали отторгнуть А. И.

²¹ Сайт «Перспективы». Пальников М. Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Ч. 2. 06.10.2009.

²² Базанова Ф. Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. – Алма-Ата, 1987. С. 124.

²³ Безопасность России и геополитика // Кентавр. 1993. № 1. С. 137

Солженицын и другие. Северный Казахстан для него и других апологетов «обустройства России» был Южной Сибирью, исконной российской территорией. Но Южная Сибирь была все-таки территорией Казахских ханств, тюркского Сибирского ханства, а русские появились здесь, по историческим меркам, совсем недавно. Таджикистан постоянно сталкивался с вопросом охраны своих южных рубежей российскими пограничниками, а также пребывания 201-й дивизии. Для всех стран находился все тот же аргумент о защите русскоязычного населения, стоило руководителям азиатских республик проявить мнимую или реальную самостоятельность. Серьезным был вопрос транспортной зависимости, поскольку все пути в дальнее зарубежье вели через Россию. Находились и другие аргументы для пяти стран, которые под давлением поддерживали позицию России. Но со временем поддержка стала осуществляться в таких определениях, которые можно было истолковать как угодно.

И сегодня, через два десятилетия после распада СССР, позиция России по отношению к бывшим республикам СССР не отличается взвешенностью и дипломатичностью. Они по-прежнему считаются находящимися хотя уже не в Союзе, но в зоне интересов России. Следовательно, любая самостоятельность в политической линии, а тем более в оценках внешнеполитической линии России, считается враждебным актом.

Для тюркских государств и Таджикистана многозначительным был урок отношения России к Украине, которая еще в советской традиции характеризовалась как братское, славянское государство, естественный и многовековой союзник. Тем более что идея славянского союза во главе с Россией после исторического сидения в Беловежской пуще едва ли не стала национальной идеей.

И вот братская, хотя и «оранжевая» Украина подверглась массивной информационной атаке, в ходе которой российскими политиками самого высокого ранга ставилась под сомнение территориальная целостность, легитимность избранных властей, существующие оценки исторического прошлого, даже психическая адекватность руководителей государства. Оскорбительные эпитеты российских политиков в отношении украинских руководителей были вовсе шокирующими для восточных лидеров, которые даже в самые напряженные моменты отношений внутри региона не прибегали к таким оценкам. Но если они звучат из Москвы в адрес руководства братских народов, то чего ждать им в кризисной ситуации?

Трудно себе представить, чтобы мэр Вашингтона, Парижа, Берлина или Лондона позволил себе высказывания с претензиями на территорию другого государства. Это просто не придет им в голову. А если все-таки подобное произойдет, то повлечет за собой немедленную отставку. Но мэру Москвы позволительны грубые выпады в адрес прежних и действующих руководителей государств и призывы к пересмотру признанных границ. «То, что происходит с Севастополем и с Крымом, – это не популизм. Это – наша история, это наши потери, которые каждый россиянин считает потерями, несправедливыми для нашей страны. Двести двадцать пять лет назад Екатерина, понимая государственные интересы России, отвоевала Крым, отвоевала Севастополь, образовала этот город, и сейчас мы по пьяни, одним росчерком пера взяли и отдали Севастополь, когда делили страну», – подчеркнул Ю. Лужков. На вопрос, правильно ли выступать с позицией, которая не вызывает восторга у украинских властей, Ю. Лужков подчеркнул: «(Меня это) не волнует. Первое, я говорил это, понимая и воспринимая позицию россиян, второе, ...почему вы сказали, что я свое выступление делал на территории Украины? Севастополь – военно-морская база РФ. Севастополь никогда не был территорией Украины. Я стоял на русской земле, я стоял на территории русской военной базы, потеря

которой равносильна потере или серьезным осложнениям по Кавказу и в Черном море».²⁴ И подобные высказывания не вызывают никакой реакции в Кремле или в российском Министерстве иностранных дел.

Надо сказать, что некорректные оценки положения в республиках СНГ со стороны российских аналитиков, писателей, политиков даются достаточно давно. Например, в статье С. М. Самуйлова, старшего научного сотрудника ИСКРАН, запросто предвещался распад двух тогда дружественных России государств: «Уже сейчас результаты парламентских и президентских 1994 года выборов отчетливо показывают, что разноцивилизационная Украина по-прежнему разделена политически на православные Восточную и Южную, тяготеющие к России, и униатскую и католическую Западную, тяготеющую к Европе. В перспективе вполне логично ожидать распада Украины в ее нынешних границах, в первую очередь в силу ее разноцивилизационности. Сходная ситуация наблюдается в Казахстане, северо-восточные регионы которого в этнокультурном отношении фактически являются частью России. В основном они были колонизованы русскими еще до принятия казахами российского подданства. С другой стороны, южные регионы Казахстана несколько столетий выступали северной оконечностью исламского мира Средней Азии. "Казахизация" государства, проводимая президентом Н. Назарбаевым, т. е. стремление создать государство на основе этнического национализма "коренной нации", лишь только ускоряет его этнокультурное и цивилизационное размежевание».²⁵

Можно говорить о том, что определение внешнего вектора России являлось проблемой, широко обсуждаемой все последние 20 лет. В частности, еще в 1994 году во время одной из дискуссий российскими экспертами отмечалось, что «теории сближения России с Азией или с "тюрко-исламским миром" в частности догматически игнорируют как наблюдаемый массовый отток русских из Средней Азии и Казахстана, вместе с ростом бытового шовинизма в нашей стране, так и то напряжение между российской умеренной рождаемостью и фертильностью южных республик, которое стало вторым по значению стимулом к демонтажу СССР вслед за перенапряжением от нашего "похищения Европы"... Нам совершенно не должно быть интересно насаждать демократию в Средней Азии, учитывая уже прошедший эксперимент с "посевом" демократических идей в Таджикистане и Закавказье, а равно и опыт прошлого, когда Запад не уставал науськивать азиатов против русских, пытавшихся притязать на часть "бремени белого человека"».²⁶

Таким образом, появление независимых государств, которые ранее были частью империи, оказалось болезненным прежде всего для самой бывшей метрополии. «СССР умер! Да здравствует СНГ!» – таким был и остался подход Кремля. Объективные интересы новых государств оцениваются Кремлем без желания понять, что они все-таки существуют и могут иметь собственную специфику.

Естественно, что при такой позиции России как локомотива евразийской интеграции СНГ со временем все больше превращался в бракоразводную контору, которая позволяла избежать прямых столкновений, и в переговорную площадку для выражения и возможного согласования

²⁴ 18 ноября 2008 года, «proUA.com».

²⁵ Самуйлов С. М. Неизбежно ли столкновение цивилизаций? // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1.

²⁶ Проблемы российской геополитики // Вести. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 5.

позиций. С течением времени обозначились варианты практического прекращения членства в СНГ: от выхода из состава участников, как это сделала Грузия, до абсолютного нейтралитета, означающего отказ от пребывания в интеграционной структуре, демонстрируемого Туркменистаном.

Оценки политики России и США в Центральной Азии разнятся самым существенным образом. Дело не только в политике, но и в методологии. Обе стороны страдают приверженностью к определенной группе ценностей. Но восприятие западной методологии и оценок выглядит для выходца из тоталитарной системы как стремление к хаосу и беспорядку.

Выходцам из тоталитарной системы рай представляется абсолютной версией порядка. Все ходят строем и имеют одинаковые суждения. Все выходящее за пределы утвержденных норм причисляется и равняется. Можно даже гильотиной.

Тем не менее сравнение политики России и США в регионе выглядит далеко не в пользу России. Лидеры Центральной Азии воспитаны на культуре торговли, взаимных уступок и понимания, что уступка позволяет надеяться на аналогичный шаг партнера по переговорам. Внешняя политика, политика в целом, воспринимается как своеобразный торг, во время которого можно договориться по конкретным вопросам, а в противном случае отложить совершение сделки до лучших времен. В этом процессе атрибуты не менее важны, чем кредиты, тарифы или товары. Приглашение с визитом в Белый дом и встреча с президентом США порой даже более важны, чем получение крупного кредита, поскольку повышают авторитет и легитимность власти. И меркантильная американская позиция оказывается более понятной, нежели предложение «любить Россию», пусть даже в самую большую «непогоду». Как пишет Сергей Марков, заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, член Совета по внешней и оборонной политике: «Американцы – торговая нация, они привыкли к торговле, в том числе во внешней политике. Американцы ведут себя на переговорах как бизнесмены, а мы ведем себя как любовники на свидании: требуем честности, рассчитываем на взаимность, хотим, чтобы нас любили. Они этого не понимают, хотят более четкой и ясной формулировки своих требований».²⁷

Позиция самих центральноазиатских государств не отличается единством. Сразу после распада СССР формулировались различные версии интеграции и принимались многочисленные программы сотрудничества. Но практически все они потерпели фиаско. Слова об интеграции по-прежнему звучат во время взаимных визитов, на различных форумах и в политических заявлениях. Но реальное положение дел весьма плачевно. Государства находятся в стадии разбегания друг от друга. Многочисленные интеграционные союзы не смогли решить ни одну реальную проблему.

Один из главных вопросов – координация водной политики – остается нерешенным. Арал по-прежнему нуждается в спасении. Усилия по координированию стока двух великих рек – Амударьи и Сырдарьи – практически не предпринимаются. Показателем провала попыток формирования единой водной политики является принятое Казахстаном решение о строительстве Коксарайского контррегулятора.

Еще более болезненны вопросы границ и их охраны. Узбекистан просто устанавливал на границах мины, мотивируя это борьбой с терроризмом. На них подрывались мирные жители, но не боевики. Туркменистан объявил себя нейтральным и не участвовал в работе

²⁷ Марков С. Предисловие // Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М: Европа, 2007. С. 13.

многочисленных интеграционных институтов, первым ввел визовый режим. Многочисленные поборы и коррупция пограничных и таможенных служб, препятствия для передвижения и пребывания граждан сопредельных государств характерны практически для всех стран региона. В связи с этим мы не можем говорить о единой или даже координированной политике государств Центральной Азии.

Опыт региона еще раз показал, что экономическая интеграция возможна на основе рыночных отношений и в условиях открытых экономических систем. Можно в этой связи вспомнить мнение Генерального секретаря Совета Европы Вальтера Швиммера, который считает, что «демократическая безопасность» представляет собой важнейший элемент более широкой концепции безопасности. В политической плоскости она дополняет военную и экономическую. А все дело в том, что «диктатуры, точнее диктаторы, оказались крайне ненадежными и непостоянными партнерами для так называемого свободного мира».²⁸ Можно добавить, что диктаторы – ненадежные союзники и друг для друга.

Противоречия здесь достаточно велики. Даже отдельные и на первый взгляд вполне справедливые заявления могут привести к росту напряженности. Например, стоило президенту РФ Д. Медведеву выразить озабоченность проблемой сброса воды великих центральноазиатских рек в зимний период и затоплением узбекских сельскохозяйственных угодий, как пошли круги по воде. Посол Таджикистана позволил себе резкие высказывания в адрес России. Затем они прозвучали из уст президента Эмомали Рахмона. Он стал игнорировать мероприятия в рамках СНГ, что вызвало нервную реакцию Москвы. В Кремле просто не учли, что сброс воды для получения электроэнергии является важным условием выживания для кыргызов и таджиков, не имеющих иных энергоресурсов, в том числе и для элементарного зимнего обогрева жилищ.

Будущее Центральной Азии отнюдь не представляется туманным или бесперспективным. Самостоятельное развитие стран Центральной Азии, пока как авторитарных государств, вполне возможно. Но насколько сильным будет влияние России, США, Китая? Будет ли катастрофическим для центральноазиатской мозаики вытеснение или сокращение присутствия одного из великих государств? В многочисленных книгах содержится множество фактов в пользу той или иной страны. Но «задача науки не в накоплении отдельных фактов, а в выдвижении гипотез, способных выдержать систематические попытки их опровергнуть».²⁹

На мой взгляд, присутствие России, Китая и США в Центральной Азии является положительным фактором. Если в регионе присутствует только одно крупное государство, то оно доминирует. Если два – то у региональных государств есть возможность маневра. А если три великих державы ведут свою политику в Центральной Азии, то поле маневра для малых государств серьезно расширяется. С этой точки зрения все три центра притяжения – Россия, Китай и США – уже давно «наши». Либо во времени, либо в пространстве.

Что касается самих государств Центральной Азии, то здесь существует определенное соревнование и борьба за лидерство. И хотя президенты Узбекистана и Казахстана отрицают свои амбиции «порулить» в регионе, а Туркменистан имеет свое мнение на этот счет, тема для обсуждения все-таки сохраняется. Средства массовой информации, контролируемые правительствами, подчеркивают выдающиеся успехи своих стран и неудачи соседей. Но споры о лидерстве Казахстана и Узбекистана в регионе бесплодны. В военном отношении

²⁸ Швиммер В. Мечты о Европе. Европа с 19 в. до рубежа третьего тысячелетия. – М: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 274–275.

²⁹ Хайек фон Ф. А. Право, законодательство и свобода. – М: ИРИСЭН. С. 36.

вооруженные силы Узбекистана и Кыргызстана далеки от совершенства. Исламские боевики оказались более подготовленными и боеспособными, на голову выше военнослужащих этих стран. Скандальная коррупция в казахстанской армии также позволяет сделать вывод о состоянии ее боеготовности. Низки оценки состояния вооруженных сил в Таджикистане и Туркменистане.

Современное лидерство определяется экономическим, научно-техническим, технологическим и интеллектуальным потенциалом, который может способствовать росту всех стран. Но такового нет ни в Казахстане, ни в Узбекистане. Основным источником пополнения бюджета являются сырьевые ресурсы. Как писал Вильгельм Райх: «Руководство страны не виновно в том, что происходит социальный регресс. Но руководство, несомненно, способствует регрессу, когда: 1) выдает регресс за прогресс; 2) объявляет себя спасителем мира и 3) расстреливает тех, кто напоминает ему об его обязанностях».³⁰

Казахстан и Узбекистан не подают пример демократических новаций, которые могут сблизить страны. Обе страны являются авторитарными, что исключает добровольную и взаимовыгодную интеграцию. Поэтому о негласном лидерстве в регионе можно сказать, что быть лучшим из худших – не самое великое достижение.

Глава вторая Зарубежные партнеры и экономическое развитие

*Плохо проведенные реформы часто оказываются хуже
полного отсутствия преобразований.*

Марио Варгас Льоса

Самостоятельное экономическое существование государств Центральной Азии начинается с момента крушения СССР. Трактовки причин краха социалистической системы существуют самые разнообразные – от мирового заговора до естественного вымирания геронтократического режима в Советском Союзе. Понятно, что Союз начал распадаться не в 1991 году, а экономический кризис разразился не в 1992 году, как следствие этого акта. Начало 80-х годов XX века даже советские экономисты, ощущающие на себе тяжелую пяду

³⁰ Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб.: Университетская книга; М: АСТ, 1997. С. 227.

государственной цензуры, характеризовали как период «нарастания кризисных явлений в экономике». Следствием стали гигантский дефицит товаров первой необходимости, введение тотальной карточной системы. Так или иначе, Советский Союз не смог решить проблему нарастающего продовольственного и товарного дефицита, а затем и общего кризиса. Положение усугубляли гигантские внешнеполитические затраты, основанные на реализации идеологических установок. В первую очередь это военные расходы: война в Афганистане, содержание военных баз за рубежом, финансирование различных коммунистических, национально-освободительных или просто террористических организаций, окрашенных в красные цвета и использующих марксистскую риторику. Кризис в странах социалистического лагеря также ударил по экономике СССР. В 1980 году Польше была предоставлена помощь в размере 4,35 млрд рублей, а в 1981 году – 5,59 млрд рублей. В 1981 году СССР оказывал экономическую и техническую помощь 69 странам мира. Наибольший объем помощи приходился на Монголию (430 млн рублей), Кубу (357 млн рублей) и Болгарию (332,5 млн рублей). В первой половине 80-х годов СССР осуществлял военные поставки в 39 стран.³¹

Кризис усугублялся ежегодной ротацией умирающих старцев во главе СССР, которая стала символом приближающейся кончины советской партийной и государственной системы. Всем в стране и за ее пределами было понятно, что нужно менять очень многое. Но строительство социализма с человеческим лицом в виде Перестройки, осуществляемой без плана, по наитию Генерального секретаря Михаила Горбачева, привело к краху СССР.

В перестроечный период много неприятных слов было высказано демократами и прогрессивной прессой в адрес «агрессивно-послушного большинства» народных депутатов, представлявших среднеазиатские республики и Казахстан. «Татаро-монгольские» депутаты, по мнению московских демократически настроенных обозревателей и аналитиков, тормозили демократические преобразования, представляли погрязшие в коррупции национальные окраины. Но ведь коррупцией были больны не только окраины, но и вся советская верхушка. Следы многих коррупционных преступлений вели в Кремль. Все знали, что поток подношений, бравший начало с хлопковых полей, целины, строительных площадок или перерабатывающих предприятий, шел в высшие партийные и советские органы.

Представители восточных республик прекрасно понимали, что ослабление центральной власти повлечет за собой самые непредсказуемые последствия для Средней Азии и Закавказья. Уже тогда было понятно, что Прибалтика будет пользоваться поддержкой Европы. Точно так же как бывшие восточноевропейские сателлиты СССР, три балтийские сестры войдут в Европейский Союз. Украина и Белоруссия имели достаточный экономический потенциал для самостоятельного существования и выгодное географическое положение. Для этих республик была вполне ясная и даже радужная перспектива.

В то же время в случае распада СССР аграрно-сырьевые азиатские республики, не имевшие выхода к мировым центрам экономики, окруженные зонами конфликтов, столкнулись бы с огромными трудностями.

Вся идеологическая машина, научные труды и авторитетные мнения обрекали центральноазиатские республики в случае распада СССР на экономический и политический крах. Считалась аксиомой неспособность восточных союзных республик сформировать самостоятельную экономику, внутренний рынок, адаптироваться к научно-техническому прогрессу.

³¹ Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. – М: Вече, 2008. С. 20.

Одновременно советские идеологи официально провозглашали равенство республик, достигнутое в годы социалистического строительства. Практически все говорили о мощном экономическом и научном потенциале, который создала Коммунистическая партия на восточных окраинах. Благодаря этому они достигли экономического прогресса и вершин культурного расцвета.

Но в реальности политика КПСС, направленная на выравнивание уровня экономического развития республик, не привела к желаемому результату. Отдельные передовые предприятия, построенные в Центральной Азии, не изменили картины. Тем более что все они подчинялись центральным министерствам, минуя правительства республик, а местные кадры здесь были скорее исключением, нежели правилом. Правительство СССР по-прежнему развивало здесь сырьевые отрасли. В 80-е годы XX века в Казахстане доля добывающих отраслей в промышленности была в 1,7 раза выше, чем в целом по стране. При этом больше половины экономического потенциала Казахской ССР было в ведении союзных министерств. При общей прибыли их предприятий в 15 млрд рублей в год в республиканский бюджет они вносили лишь 30 млн рублей.³²

В погоне за валом подрывались и традиционные виды хозяйственной деятельности. За послевоенные годы поголовье овец в Киргизии выросло в 4 раза, а система использования пастбищ осталась прежней, более того, их площадь даже сократилась. Возросшая почти в 2 раза плотность поголовья скота предопределила деградацию пастбищных угодий, свыше 69 % из них стали малопригодными. И в 1985 году овцеводство впервые в республике стало убыточным.³³

Естественно, что и социальное положение в Центральной Азии было близко к трагическому. Бюджетные исследования 1989 года показывали, что за чертой бедности оказалось 44 % населения Узбекистана, свыше 50 % в Таджикистане, свыше 30 % в Туркмении, Кыргызстане и Казахстане. В то же время в европейских республиках СССР этот показатель не превышал 10 %. Бедными были названы семьи с доходом ниже 75 рублей на 1 человека.³⁴

Монокультурное сельское хозяйство привело к экологической и гуманитарной катастрофе. Средний бригадир в среднем колхозе в Средней Азии в среднем высыпал на гектар пашни от 400 до 600 кг химических удобрений в год. В 1988 году первый секретарь Каракалпакского обкома компартии Узбекистана К. Салыков сообщил, что за 20 лет на землю Каракалпакии было вылито и высыпано 118 тыс. тон ядохимикатов.³⁵

Парадоксальные оценки сочетания отсталости и успехов в строительстве социализма, минуя капитализм, были основой для появления новых стереотипов. В годы Перестройки уже как аксиома звучало утверждение о том, что восточные республики не способны войти в современный рынок. Парадокс был в том, что на советских рынках в эти годы практически господствовали выходцы из кавказских и центральноазиатских республик. Конечно, колхозный рынок и рыночная система – это далеко не одно и то же. Но предприимчивость «кавказцев и среднеазиатцев» вызвала немалое раздражение покупателей. Стереотип антирыночной Центральной Азии был поставлен под сомнение с принятием закона «О кооперации», который

³² Вопросы истории. 1989. № 5. С. 9.

³³ На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. – М: Политиздат, 1990. С. 267.

³⁴ Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 1996. № 1. С. 28

³⁵ Орешкин Д. Пусенкова Н. Как химичат у них и у нас // Диалог. 1990. № 4. С. 68.

позволял создавать кооперативные банки. Первый такой банк был зарегистрирован 24 августа 1988 года. Это был банк «Союз» из казахстанского города Чимкента. 26 августа зарегистрирован банк «Патент» в Ленинграде, третьим стал Московский кооперативный банк.³⁶ Создание первого негосударственного банка в Казахстане, а не в Москве, рассматривалось скорее как курьез, нежели как показатель предпринимательских возможностей местного населения.

Но если взглянуть на бизнес-элиту сегодняшней России, то здесь вполне различима «азиатская» прослойка.

В те годы писали, что «республики, представляющие традиционное общество, более заинтересованы в сохранении редистрибутивных функций союзного (или федеративного) "Центра". Это подразумевает тенденцию к сохранению прежних общественно-политических структур. Таким образом, в глазах части русских националистов коммунистическая реакция приобретает азиатский облик. До этого отечественный расизм базировался на двух моментах – на низкопробной антипатии к "богатым и пронырливым азиатам" и на высоколобых рассуждениях о несовместимых типах культуры, религии, ментальности и даже темперамента. Сейчас сюда подключается политический тезис: "Азия – это коммунизм". Как только русский национализм полностью расстанется с коммунистической идеологией, этот тезис будет немедленно актуализирован».³⁷

Восточные депутаты понимали также, что зарубежье – это не только мирная Финляндия или Норвегия, Австрия или Греция. С востока Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан граничили с КНР. Взаимоотношения императорской России, Советского Союза с Китаем и КНР были полны идеологических и политических противоречий, взаимных территориальных притязаний. Еще были свежи в памяти военные конфликты на границе, в том числе и на территории Семипалатинской области в Казахстане. Советская пропаганда создала образ «коварного восточного дракона», который нацелен на захват соседних земель. На южных рубежах СССР все еще полыхает война, и многочисленные аналитики соревнуются в предсказаниях сроков от разрастания гражданской войны в Афганистане до центральноазиатской битвы народов и государств. Каспий из моря дружбы превращался в зону противоречий и территориальных споров. Северный Кавказ, прежде всего Чечня, стал зоной военных действий сепаратистов. Армения и Азербайджан фактически воевали за Карабах.

Все это накладывало свой отпечаток на осторожную позицию центральноазиатских депутатов на съездах народных депутатов. Они понимали, что взорвать регион достаточно просто. И причин для этого достаточно. События в Казахстане в декабре 1986 года, межнациональные столкновения в Фергане, земельно-водные конфликты между кыргызами и таджиками, ошские события показали, что война может вспыхнуть в любой момент и по любому поводу. Обычная базарная перепалка могла стать началом массовых беспорядков. И такой горький опыт уже был.

Нельзя говорить о том, что восточные депутаты смотрели дальше и предвидели распад СССР, но они были осторожнее в суждениях и предпочитали знать результат, прежде чем вступить в сражение.

Как и вся страна, они хотели ознакомиться хотя бы с концепцией Перестройки. Но в действительности никакого плана политических и экономических преобразований или хотя бы

³⁶ Бергер М. Первые банки и происхождение денег // Известия. 1995.11 апреля.

³⁷ Драгунский Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Полис. 1992. № 1–2. С. 19–20.

какой-нибудь концепции ни у руководства СССР, ни у демократического лагеря, ни у ортодоксальных сторонников коммунистической идеологии просто не было. Даже самые прогрессивные и демократические силы не представляли себе развития вне рамок СССР и идеи обновленного социализма с человеческим лицом. Весь спектр дискуссий по вопросам политической реформы шел вокруг вопроса: «Какой социализм нужен народу?»³⁸

Возможность выхода за пределы плановой социалистической экономики также не рассматривалась. Академик С. Шаталин писал: «Полностью принять "рынок" – это значит перейти к капиталистической экономике, этого не будет, так как наши и политические, и социальные задачи совсем другие». Более того, академик решил, что «считать, что у рыночной экономики большое будущее, – неверно».³⁹

Распад СССР привел к парадоксальной ситуации. Премьер-министр Егор Гайдар призвал расстаться с «центральноазиатским подбрюшьем», тормозящим развитие России, и быстро въехать в Европу. Окончательный обрыв экономической пуповины, связывавшей уже бывшие республики с Россией, произошел в конце 1993 года, когда Центральный банк России ввел в обращение новые рублевые банкноты, одновременно заявив, что старые банкноты более не являются законным средством расчетов. Тем самым Россия практически прекратила существование единой рублевой зоны и установила монетарную границу с теми странами, которые еще не ввели собственную валюту.

Аргументы в пользу отказа российского локомотива от центральноазиатских вагонов заключались в том, что они были дотационными. Но таковыми они были в условиях советской плановой экономики с ее причудливыми тарифами и ценами, необъяснимым планированием и своеобразной экономической географией. Кроме того, считалось, что бывшие республики, получившие независимость, не готовы к рынку. Но как определить меру этой готовности? Утверждалось, что центральноазиатские республики будут сдерживать развитие демократии в России. Но будущее показало, что Россия, стремясь войти в Европейское сообщество, оказалась весьма далека и от демократии, и от нормального рынка.

Конечно, хозяйственный комплекс Центральной Азии на момент распада СССР был далек от совершенства. Например, А. М. Хазанов считал, что «модернизация, проведенная в Центральной Азии в советский период, была неэффективной, неполной, в известной мере колониальной. Коренному населению была отведена в ней лишь минимальная роль. Неслучайно ни один из основных процессов модернизации: индустриализация, демографическая революция, революция в образовании и профессиональная мобильность – никогда не был полностью осуществлен в регионе».⁴⁰

Хотя технологическое отставание центральноазиатских республик признавалось всеми и констатировалось как мощная преграда независимому существованию, советские аналитики также лукавили. Разрыв хозяйственных связей вовсе не мог привести к краху экономики новых государств региона, во всяком случае, не всех. Здесь были значительные запасы энергоресурсов – нефти, газа, электроэнергии. Не говоря уже о запасах других полезных ископаемых. Аграрные

³⁸ Например, *Бурлацкий Ф.* Какой социализм народу нужен // Обратного хода нет: Сб. – М.: Политиздат, 1989. С. 31.

³⁹ *Шаталин С.* План или рынок // Обратного хода нет: Сб. – М.: Политиздат, 1989. С. 213.

⁴⁰ *Хазанов А. М.* Посттоталитарные общества Центральной Азии // Государство и общество в странах постсоветского Востока: история, современность, перспективы: Материалы международной конференции. – Алма-ты, 1999. С. 97.

республики оказались способными обеспечить себя продуктами повседневного спроса. Низкий уровень притязаний населения дал властям дополнительный политический ресурс в осуществлении реформ.

СССР к концу своего существования уже перестал быть передовой технологической державой. Его экономика основывалась на добыче и продаже энергоресурсов, минерального и природного сырья. Именно нефть и газ, которые продавались за валюту, стали ресурсом власти для систематических закупок продовольствия за рубежом, строительства и модернизации оборонного комплекса, поддержания бюджетов дотационных республик. Рост цен на нефть продлил существование социалистической системы.

Время показало, что для выживания вовсе не обязательно овладевать современными технологиями. Нужно идти проторенной дорогой и включиться в международную систему торговли энергоресурсами и сырьем. На этом пути, естественно, было много ошибок и просчетов. Ведь ни один лидер и ни одна республика Центральной Азии не имели опыта внешнеэкономической деятельности. И этот опыт пришел с «Большого Запада».

Казахстан, Узбекистан, Туркменистан быстро превратились из дотационных республик плановой советской экономики в достаточно благополучные независимые страны, способные закупать самую современную технику и технологии. Конечно, в самом трудном положении оказались две страны, не имевшие запасов энергоносителей и экспортного сырья, – Таджикистан и Кыргызстан. Но прогнозы западных и российских специалистов о том, что они прекратят свое существование, не сбылись. Переживая политические баталии, экономические и социальные проблемы, обе республики находятся в перманентном кризисе, но не на грани распада. Считавшиеся немобильными и привязанными к кишлакам и аулам, а следовательно не воспринимающими новации, сегодняшние кыргызы, таджики, узбеки являются едва ли не главной рабочей силой России. Мобильность, способность преодолевать препятствия в борьбе за оплачиваемую работу разрушают прежний стереотип инертного азиата. Естественно, что такая мобильность вызвана отнюдь не позитивными обстоятельствами. Довольно высокий процент миграционных настроений в Узбекистане дает больше оснований для тревоги, чем для оптимизма. Как считают авторы обзора «Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и тендерные аспекты», подготовленного при содействии ПРООН и Тендерной программы посольства Швейцарии в Узбекистане, «около 30 % из числа принявших участие в опросе в той или иной форме желают выехать из страны. Трудовые мигранты, проработавшие несколько лет за рубежом, часто не желают возвращаться обратно».⁴¹ Как видим, миграционный потенциал в прежние годы сдерживался во многом искусственно, например институтом прописки. Сейчас, к сожалению, высокая миграция – показатель плачевного состояния социальной и экономической политики в странах региона.

Не российские, а американские и европейские компании стали инвестировать огромные средства в экономику центральноазиатских стран. Запад стремился создать систему стабильности и безопасности на месте рухнувшего СССР. Азиатские республики были военным, а Казахстан и ядерным арсеналом. Близость Афганистана и пресловутое ирано-турецкое соперничество в регионе могли привести к непредсказуемым последствиям. Погрузившийся в гражданскую войну Таджикистан, массовые выступления различных, преимущественно происламских, сил в республиках на деле могли серьезным образом дестабилизировать ситуацию. Поэтому первая причина активной американской и европейской

⁴¹ <http://uzngo.info/?p=1901>.

политики – безопасность, стабильность. На ее основе можно было строить и демократию. Еще одно слагаемое – энергоносители, сосредоточенные на Каспии, они тоже составили экономический компонент западной политики в регионе.

Эту мысль вместе со своими коллегами сформулировал экс-помощник президента Джорджа Буша-старшего в Совете национальной безопасности Роберт Блэкуилл: «Сейчас, когда из Казахстана выведено все ядерное оружие, у Трехстороннего сообщества не осталось жизненных интересов ни на Кавказе, ни в Центральной Азии. Единственный интерес Запада в этих регионах заключается в крупных запасах энергоносителей в бассейне Каспия».⁴²

Перед азиатскими республиками стояла одна важная проблема – транспортировка энергоносителей. Камнем преткновения здесь стала политика России, которая в начале 90-х годов XX века отличалась большой непредсказуемостью и непоследовательностью. Попытка решения вопроса путем переговоров не приводила к желаемым результатам. Россия сама была крупнейшим экспортером нефти и газа и не желала, чтобы южные республики составляли ей конкуренцию. Решить вопрос за счет интеграционных инициатив, прежде всего со стороны Казахстана, не удалось. В проекте Евразийского союза, выдвинутого Н. Назарбаевым, предлагалось выработать скоординированную политику в области экспорта энергоресурсов, сформировать своего рода ОПЕК для СНГ. Но российский президент Б. Ельцин прохладно отнесся к этой идее. Видимо, тогда российские руководители считали, что Центральная Азия «никуда не денется», тем более что надежды на интеграцию в Европу у России все еще не развеялись. Поэтому вернуть азиатские республики в зону российских интересов, как считали в Кремле, можно было и без экономических реверансов.

Казахстан, имевший значительные запасы энергоресурсов, в силу отсутствия внутриреспубликанских трубопроводов был вынужден «импортировать значительные объемы бензина и нефтепродуктов из России. Россия использует свое монопольное положение не только как потребитель казахстанской нефти, но и как транзитная страна; в результате Россия платит намного меньше за бензин по сравнению с тем, что Казахстан платит России за поставки нефти. Так, например, осенью 1993 года экспортная цена на российский бензин составляла около 58 000 рублей за тонну, в то время как Казахстан получал от 20 000 до 40 000 рублей за тонну своих поставок в Россию. По оценкам Всемирного банка, потери от этого составляли в 1993 году около 150 млн долларов. Кроме того, Казахстан сталкивался и продолжает сталкиваться с отказом российской стороны от перекачки казахстанской нефти через российские трубопроводы, что отрицательно сказывается на продаже казахстанской нефти в третьи страны».⁴³

Об этом говорили и казахстанские аналитики и нефтяники. Например, один из руководителей нефтегазовой отрасли Казахстана К. Кабылдин пишет о том, что «поставка нефти, газа и нефтепродуктов из стран СНГ, в первую очередь России, в любой ситуации будет невыгодна для Республики Казахстан из-за применения дискриминационных цен и сохранения всех видов косвенных доходов стране – производителю энергоресурсов». Кроме того, проблемы с экспортом нефти по российским трубопроводам показали «слабость этого пути», и «должна быть создана возможность экспорта напрямую, независимо от существующей сети

⁴² Блэкуилл Р., Брэйтуэйт Р., Танака А. Навстречу России. Доклад Трехсторонней комиссии. – М., 1995. С. 84.

⁴³ Хоффман Л., Бофингер П., Флассбек Х., Штайнгерр А. Казахстан 1993–2000. Независимые консультанты и МВФ. – Киев: Альфа-Принт, 2001. С. 25.

российского трубопровода».44

Ослабление позиций России в регионе связано с ослаблением привлекательности и возможностей российской экономики. Приверженность СНГ в первые годы независимости во многом и объяснялась идеей о том, что экономическое развитие государств возможно преимущественно в прежних рамках при ведущей роли России. Но этого не случилось.

Как отмечает В. А. Мельянцев в работе «Россия, крупные страны Востока и Запада: сравнительная оценка индексов международной конкурентоспособности, производительности и качества жизни», парадоксальность экономического развития России в 1999–2004 годы в том, что она, войдя в группу тридцати быстро растущих стран (в среднем более 6 % ежегодного увеличения ВВП), имеет по-прежнему сравнительно низкий рейтинг по общему индексу международной конкурентоспособности: в 2004 году – 70-е место из 104 стран. На РФ, доля которой в мировом населении и ВВП (измеренном в ППС) составляет соответственно 2,3 и 2,5 %, приходится лишь 1,6 % мировых расходов на НИОКР, 1 % пользователей Интернета, 0,5 % глобального притока прямых иностранных инвестиций и экспорта готовых изделий и менее 0,3 % (!) мирового экспорта высокотехнологичных товаров. Невысокий уровень международной конкурентоспособности и динамики производительности, отмечаемые в России в последние годы, ассоциируются с весьма низким рейтингом РФ по композитному индексу качества жизни (ИКЖ). Подчеркнем, мы вовсе не считаем отмеченный индекс идеальным. Но поскольку его важнейшими компонентами являются индикаторы материального уровня жизни, здоровья населения, политической стабильности и безопасности, отмеченный комплексный показатель в целом способен отразить общую тенденцию. По состоянию на конец 2004 года РФ по ИКЖ занимала 105-е место (из 111 стран), располагаясь между Ботсваной и Узбекистаном. Уровень неравенства распределения доходов в РФ, измеряемый коэффициентом Джини, как известно, резко вырос: с 0,26 в 1991 году до 0,40–0,46 в начале 2000-х годов. Такой или еще более высокий уровень неравенства характерен главным образом для африканских и латиноамериканских стран с их огромным уровнем социальной поляризации (в Нигерии – 0,506, в Бразилии – 0,591)45

Монополия России на транспортировку энергоносителей в условиях непредсказуемой политики по отношению к центрально-азиатским республикам представляла собой значительную проблему. Начались поиски альтернативных путей доставки нефти и газа на Запад. Запад, просчитавший последствия высокомерного поведения России, не упустил свой шанс. Усилия основных западных и китайских нефтегазовых компаний привели к тому, что появилось несколько экспортных маршрутов и богатый выбор клиентов.

Появление альтернативных трубопроводов вызвало нервную реакцию России. Нарушалась российская монополия на транзит энергоносителей. А значит, и ослабевало влияние на политику южных соседей. Но главным стало то, что нефть и газ проложили дорогу западным компаниям и их правительствам в Центральную Азию.

И этому в немалой степени способствовали США. В оценках каспийской политики США все-таки много стереотипов. Если рассмотреть временные рамки, то окажется, что каспийский бум пришелся на период между двумя иракскими войнами. Это было время определения приоритетов, когда еще казалось, что Каспий – альтернатива Ближнему Востоку. Но со временем стало ясно, что запасы здесь невелики, транзит дорог и опасен, правящие режимы

44 Кабылдин К., Лобаев А., Рахметова К. Нефть Казахстана в центральноазиатском, российском и мировом контексте // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3 (4). С. 11–19.

45 http://iaas.msu.ru/pub_on/vamel/con5.htm

нестабильны. Поэтому установление контроля над энергоносителями Центральной Азии и соответствующими трубопроводами – это не главная цель США. Это средство, промежуточная задача на пути установлению стабильных, желательно демократических, правительств, способных обеспечить безопасность в регионе. Хотелось бы, чтобы эти правительства были способны противостоять авторитарным тенденциям как в своем составе, так и в обществе. Не допустили превращения центральноазиатских стран в диктаторские нестабильные государства, служащие опорными пунктами международного терроризма. Направленность этой политики – предотвратить разрастание талибского Афганистана до размеров Центральной Азии.

Каспийская политика США основывалась еще на одном значительном политическом аспекте, который называется – Иран. В своих воспоминаниях бывший президент США Билл Клинтон пишет: «Я также подписал соглашения с лидерами Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Грузии об участии Соединенных Штатов в строительстве двух нефтепроводов, которые дадут возможность экспортировать каспийскую нефть в обход Ирана. Поскольку политика этой страны на тот момент была непредсказуемой, соглашение о строительстве нефтепроводов стало очень важным шагом как для стран-производителей, так и для стран-потребителей нефти».⁴⁶

Известное высказывание Дэн Сяопина о том, что все равно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей, в Центральной Азии было услышано и реализовано. Туркменский нейтралитет и казахстанская внешнеполитическая многовекторность означали, что они готовы продавать свои ресурсы тому, кто даст за них соответствующую цену. Например, решение России отказаться от импорта туркменского газа привело к тому, что в дело вмешался Иран, который решил закупать туркменский газ в объеме до 8 млрд кубометров.

Туркмения и Казахстан, учитывая российские уроки, не стали ориентироваться только на Запад. Потребителем газа, как уже говорилось, стал Иран, а в ближайшем будущем резко возрастет роль Китая, который уже участвует в дележе нефтяного пирога в Казахстане. Сами китайцы начали строительство газопровода по переброске природного газа с запада на восток Китая в феврале 2008 года. Его сдача в эксплуатацию планируется в конце 2011 года. На западе он берет начало от контрольно-пропускного пункта Хоргос на границе с Казахстаном и тянется на восток через 14 провинций, городов и районов, таких как Чжэцзян, Шанхай, Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район. Общая протяженность трубопровода составляет 9102 километра.

Президент Туркменистана Г. Бердымухамедов лично инспектировал строительство второй ветки газопровода Довлетабад – Салыр Яп. Торжественная церемония ввода в строй проходила с участием глав государств КНР, Казахстана и Туркменистана. Экспорт туркменского газа возрастет с 8 до 14 млрд кубометров, а в дальнейшем и до 20 млрд кубометров. Россия, закупавшая по низким ценам около 50 млрд кубометров газа из 80 млрд кубометров, добываемых ежегодно, конечно, серьезно потеряла как транзитное государство. Благодаря появлению китайского потребителя Туркменистан смог добиться пересмотра российских условий и вновь вернуться к российскому экспорту в объеме 30 млрд кубометров газа в год.

Естественно, что в ряду торговых и экономических партнеров государств Центральной Азии Китай уверенно выходит на первые позиции. И это касается не только Туркменистана и Казахстана, которые получили миллиардные кредиты. По объему товарооборота Кыргызстана с другими странами КНР заняла в 2008 году второе место. Сумма 772,6 тыс. долларов США,

⁴⁶ Клинтон Б. Моя жизнь. – М: Альпина, 2005. С. 983.

конечно, для Китая небольшая, но политическое влияние в регионе позволяет иметь достаточно хорошее.

Распад СССР привел к тому, что нефтью и газом стали распоряжаться сами государства Центральной Азии. Но наличие значительных запасов природных ресурсов вовсе не означает автоматического экономического процветания государства и, как показывает опыт стран третьего мира, вовсе не приводит в обязательном порядке к демократии или политической стабильности. Для Туркменистана и Казахстана энергоресурсы превращаются в препятствие для развития. Незаработанные доходы являются источником огромного богатства и влияния, укрепления неподотчетности власти. Они не стимулируют развитие, поскольку гарантированные доходы позволяют режимам не утруждать себя созданием современной экономики.

Проблемы в странах региона имеют все-таки разный характер. Если отвлечься от энергоносителей, то существует разница в обеспеченности земельными и водными ресурсами. По всем данным демографический рост в Узбекистане является самым высоким в регионе. Растущему государству катастрофически не хватает пригодных для использования земельных ресурсов, источников поливной и питьевой воды. Перенаселенность резко обостряет социальные проблемы и переводит их порой в межнациональную плоскость. Изгнание турок-месхетинцев на закате существования СССР стало первым сигналом о серьезных проблемах в регионе. Столкновения между таджиками, кыргызами, узбеками по поводу воды стали систематическими. Плотность населения в Ферганской и Зарафшанской долинах достигает 140 человек на квадратный километр. В то же время низкой плотностью населения и даже его сокращением в 90-е годы XX века характеризовались Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан. Численность населения в Казахстане практически не менялась в течение последних 20 лет, что говорит о тяжелой социальной ситуации, массовой миграции, сокращении рождаемости и росте смертности.

Уличный торговец. Бишкек. Кыргызстан

Но не нужно думать, что Запад, США пришли в Центральную Азию и согласны мириться с любым режимом. По их мнению, развитие экономики и укрепление стабильности ставит вопрос о развитии демократии. Авторитарный режим, тем болеедвигающийся в сторону репрессивного, – а эта черта присутствует в той или иной степени во всех государствах региона, – не может быть стабильным. Рост внутренних экономических и социальных проблем в сочетании с международной напряженностью в регионе, при наличии альтернативы в виде

организованных оппозиционных сил, стоящих на позициях политического исламизма, только увеличивают степень неустойчивости.

Поэтому отношения и инвестиции носят различный характер. Кыргызстан получал инвестиции для формирования гражданского общества, развития партий и независимых средств массовой информации до тех пор, пока Аскар Акаев культивировал образ центральноазиатского «островка демократии». Но даже до его изгнания было ясно, что кыргызская демократия является не более чем декларацией. Скорее режим был слаб для того, чтобы стать репрессивным, а оппозиция была слаба для того, чтобы свергнуть существующий режим. Баланс был нарушен в результате краха экономической и социальной политики, когда массы пришли в Бишкек и, учинив массовый разгром, заодно и изгнали действующего президента. К власти пришел К. Бакиев, тоже весьма далекий от демократии.

В начале 90-х годов XX века Узбекистан рассматривался как потенциальный лидер региона. Это была самая крупная по численности населения республика. Узбекистан имел серьезный экономический потенциал, древние традиции земледелия и торговли, наукоемкое производство, зачатки политических партий и движений, в том числе и демократических. Все это могло стать серьезным преимуществом в развитии. Правящий режим, еще не ставший вполне авторитарным, декларировал приверженность рынку и демократии.

Но страны региона не смогли реализовать существенные экономические реформы. Государство в Центральной Азии стало инструментом установления контроля над системой распределения национальных ресурсов и накопления богатств членов правящих групп. Корпус государственных служащих формируется на основе личной преданности, а компетентность в ряду их оценок занимает далеко не первые места. Коррупция, неэффективность, пренебрежение государственными интересами, безответственность и неподотчетность обществу стали отличительными чертами центральноазиатской бюрократии.

Иммунитет собственности в странах региона, как и в СНГ, совершенно не развит. Многочисленные изъятия собственности у предпринимателей с использованием власти или самими властями наглядны и показательны. Практически мы можем говорить о возобновлении традиций средневекового Востока. «Наличие на Востоке сильной государственной власти и разветвленной системы налогов обусловили медленные темпы развития административного и судебного иммунитета, а также преобладающую роль податного иммунитета. Напротив, на Западе, как известно, административный и судебный иммунитет играли решающую роль в системе иммунитетных привилегий».⁴⁷

Взаимоотношения бизнесменов и власти сегодня поразительно напоминают отношения средневековых правящих властителей и купцов. Как писали русские путешественники, бухарский эмир «на основании понятий по восточному праву обирает капиталистов, богатство которых высказывается наружу, а для этой цели или просто отписывает на себя все имущество возбуждавшего в нем зависть богача, или церемонно оповещает купцов о доставлении к нему такой-то суммы денег, сверх обыкновенных в краю налогов». Конечно, в этих условиях «считаться богатым капиталистом в Средней Азии чрезвычайно опасно; таковой господин подвергается ежечасной опасности лишиться по приказанию хана не только всего богатства, но и головы».⁴⁸

⁴⁷ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). – М.: Наука, 1966. С. 206.

⁴⁸ Янжул И. В. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией // Хрестоматия по истории СССР. Т. 3 (1857–1894). – М., 1948. С. 246.

В наши дни американский Госдепартамент предупреждал, что «в истории (независимой) Туркмении немало случаев конфискации собственности местных бизнесменов, включая иностранных инвесторов, без всяких объяснений». Такие конфискации характерны для всех стран региона. Бизнесмены вынуждены уступать свое имущество членам правящих кланов и их приближенным под давлением государственных органов, обслуживающих интересы правящей элиты. Тем более что государственный аппарат практически ставит бизнесменов в положение, когда несовершенное законодательство, противоречивые инструкции министерств и ведомств делают их заведомыми нарушителями. Неслучайно президент Казахстана Н. Назарбаев не раз заявлял, что может за нарушения закона посадить за решетку любого предпринимателя. Такое же заявление может сделать и президент любой другой центральноазиатской страны.

Успешное осуществление реформ предполагает наличие базовых элементов. И все они создаются при реальной политической воле правящих групп и поддержке общества. Л. Бальцерович в свое время говорил: «Экономическая система должна опираться на четырех китов: законодательно обоснованную систему собственности, свободную конкуренцию, экономическую открытость, здоровую финансовую политику и, наконец, крепкую, единую исполнительную власть».⁴⁹

В Центральной Азии первые перечисленные «базовые киты» практически отсутствуют. Упор сделан на сильную исполнительную власть, которая превратилась в суперсильную и единственную. Естественно, что и реформы были осуществлены в угоду этой власти. Приватизация необходима для развития нации, строящей рыночные отношения. Но по странному капризу судьбы чудовищно обогатились те, кто был во власти или рядом с ней. Осуществляемые в странах Центральной Азии экономические реформы по своей сути не были либеральными, они были карикатурой на либеральные реформы.

Существующие режимы вполне соответствуют традициям третьего мира, и их можно оценить как политизированные системы распределения ресурсов. Территория освободившихся стран стала превращаться в продолжение их частных угодий и поместий.

Естественно, что граждане, не имеющие возможностей влиять на систему распределения ресурсов и даже иметь достоверную информацию о ней, не доверяют властным элитам. Отсюда и сокращение социальной базы правящих режимов.

Правящие режимы декларируют своей целью создание рыночной экономики, но отрицают независимую от их воли «невидимую руку рынка». Рынок предполагает независимость экономических субъектов, а это недопустимо с точки зрения существующих режимов, ибо экономическая свобода неизбежно ставит вопрос о расширении круга лиц, участвующих в управлении государством. Рынок, по мнению действующих руководителей, должен быть создан по воле и замыслу и во имя правящей элиты, а не в результате действий многих людей. Поэтому в кризисные периоды в странах СНГ усиливается критика фразы Адама Смита о «невидимой руке рынка». Но кризис углубляется именно в силу отсутствия реальных возможностей этой самой «невидимой руки». И в этом заключаются проблемы.

Экономика в результате чрезмерного и неэффективного государственного вмешательства становится неэффективной. Например, такой традиционный для региона вид деятельности, как производство продуктов питания, несмотря на или благодаря усилиям государственных органов, оказывается неконкурентным. В Узбекистане так называемые частные предприниматели не могут самостоятельно выбирать, что им выращивать. Они вынуждены в ущерб себе производить стратегически важные для государства хлопок или пшеницу. В случае

⁴⁹ Литературная газета. 1992. 11 марта. № 11. С. 14.

отказа они не получают воду для полива, а земля может быть конфискована. Цены на сельхозпродукцию устанавливаются государством и составляют обычно треть рыночной цены. В то же время владельцы небольших участков, имеющие большую свободу, имеют в своем распоряжении 10 % пахотных земель, при этом производят около 40 % сельскохозяйственной продукции. В 2003 году свыше 90 % мяса, молочных продуктов и картофеля поставляли маленькие фермы.⁵⁰

Экономическая свобода не может вырасти самостоятельно. Она является результатом либо доброй воли и политики правительств, либо борьбы за права личности, права человека, права собственников против правительств, либо понуждения правительств к реализации этих прав. Политика сокращения экономической свободы уже приводит к негативным последствиям. Об этом явлении писал Л. Бальцеревич: «На мой взгляд, вряд ли стоит сомневаться, что более широкое и лучше защищенное пространство экономической свободы способствует росту, а масштабное ограничение этой свободы государством приводит к катастрофическим последствиям. Развивающаяся страна не может жертвовать экономической свободой ради социального благосостояния – отказавшись от свободы, она закрывает себе путь к благосостоянию».⁵¹

Кстати, в различных теориях построения демократии существует идея первоначального формирования гарантированной от посягательств государства частной собственности, на основе которой будет развиваться демократия.⁵² Но проблема в том, что недемократичное правительство никогда не будет добровольно гарантировать нерушимость собственности граждан. И это будет продолжаться до тех пор, пока государственная машина не будет ограничена в своих действиях оппозиционной партией, объединениями влиятельных граждан, неполитическими объединениями, профсоюзами и т. д. Как только власть, нарушающая права граждан, сталкивается с реальным сопротивлением, угрожающим основам этой власти, только тогда она вынуждена гарантировать нерушимость собственности и прав. А пока нет такого противовеса, никто и ничто не защищено от посягательств властей. И это касается не только традиционных режимов, но и постреволюционных, поскольку всякая революция сопровождается переделом собственности и ресурсов. Уже после революции, когда права и собственность граждан перестают быть гарантированными, начинается резкий упадок экономики. Например, лидер Эфиопии Менгисту Хайле Мариам на Втором пленуме ЦК РПЭ в апреле 1985 года отмечал, что «люди подчас ведут себя безразлично и пассивно, видя, что их богатством и правами распоряжаются отдельные индивидуумы, избранные самим народом руководители».⁵³

Парадокс в том, что репрессивные режимы Центральной Азии, не гарантирующие неприкосновенности частной собственности, пугают своих граждан цветными революциями, которые приведут к новому переделу собственности.

Важной стороной кризиса экономики стал и кризис управления. Распад Советского Союза привел к тому, что в постсоветских государствах на самом верху властных эшелонов оказались

⁵⁰ [⁵¹ *Бальцеревич Л.* Навстречу ограниченному государству. – М: Новое издательство, 2007. С. 28–29.](http://www.centralasia.eu.Петруз С. Парадоксы сельского хозяйства в Центральной Азии. Рабочий доклад EUCAM. № 6. С. 6.</p></div><div data-bbox=)

⁵² См., например: *Бетел Т.* Собственность и процветание. – М: ИРИСЭН, 2008.

⁵³ *Национально-демократическая революция: сущность и перспективы.* – М: Наука, 1990. С. 108.

люди без соответствующей подготовки. И речь вовсе не о том, что в коридорах власти появились представители рабочего класса, крестьянства, науки и культуры. Появились и они. Но главными стали те, кто занимался распределением и дележом бывшей государственной собственности.

Обладать неконтролируемой властью – непосильное испытание для властителя, следовательно, гигантское бремя для подвластных. В странах СНГ сформировалась новая группа «неприкосновенных» управленцев. Почти все встретили свое высокое положение и связанные с этим высокие доходы с нескрываемым удовольствием. Они не видели необходимости жертвовать чем-либо из полученного во имя населения. Они никак не подавали пример бережного отношения к государственному бюджету и сокращения собственных расходов. Скорее наоборот. Этим самым они непроизвольно создавали новый стиль поведения в условиях суверенитета и новые этические стандарты, вернее, отсутствие таковых как норму жизни. Естественно, что остальная часть населения воспринимает это уже как жизненный ориентир. Подрыв моральных устоев вызывает лавинообразное падение эффективности экономики и рост коррупции. В условиях авторитаризма чиновник ориентирован на основополагающий принцип личной преданности. Лень и неэффективность вовсе не являются причиной для увольнений. Зато подозрение в нелояльности могло повергнуть с вершины любого бюрократа. Пожалуй, через много лет, когда период становления государств будет казаться эпическим, полным драматизма и героизма, молодое поколение вряд ли поверит, какие люди стояли во главе государственных органов Центральной Азии. Это время, когда правительства неизменно вставали на сторону богатых, которые желали стать еще богаче, тем более что и сами принадлежали к этому классу.

Такова традиция, скажут некоторые исследователи. И они будут правы, потому что принадлежность к высшим классам означала вседозволенность и безнаказанность во все времена. Например, казахские старшины жаловались императрице Екатерине II на насилия хана Нуралы и султанов в октябре 1785 года: «Ханские дети, с позволения ево, хансково, или без позволения, хороших наших лошадей, меринов и жеребцов нагло и сильно вымогают и многие беды делают...».⁵⁴

Поэтому нельзя говорить о том, что это явление возникло с распадом СССР. На деле одной из причин крушения СССР и Коммунистической партии была коррупция. Пропаганда в массах высоких идеалов сочеталась с беспардонным личным обогащением политической и государственной верхушки Советского государства. История коррупции в Центральной Азии, Российской империи и СССР имеет давние и глубокие традиции. Реформатор Петр Великий боролся с взяточниками при помощи дубины. После него создавались самые разные карательные и проверяющие органы. Но болезнь оказалась неистребимой. При строительстве Сибирской железной дороги первоначальная проектная стоимость магистрали исчислялась в 329 млн рублей, фактическое проведение обошлось казне почти в 1 млрд рублей, или втрое дороже. Министр финансов С. Ю. Витте, курировавший строительство, по воспоминаниям сотрудников министерства, «не брезговал никакими средствами для осуществления всевозможных дел "протекционного характера"». И это один из самых прогрессивных руководителей страны!⁵⁵

После Октябрьской революции 1917 года, казалось бы, с коррупцией будет покончено. Но

⁵⁴ Хрестоматия по истории СССР. XVIII век. – М., 1963. С. 741.

⁵⁵ *Игнатъев А. В.* Витте – дипломат. – М.: Международные отношения, 1989. С. 100, 110.

уже в 1921 году один из руководителей ЦКК РКП(б) А. А. Сольц констатировал, что «выработалась и создалась коммунистическая иерархическая каста».⁵⁶

В годы Перестройки много писали о «предельной разнузданности ряда деятелей и должностных лиц, беззащитно использовавших доверенную им власть для личного обогащения (Брежнев, Щелоков, Насриддинова, Воронков, Рашидов и иже с ними). В тоталитарной стране процветала и так называемая теневая экономика. По данным специалистов НИЭИ при Госплане СССР, в середине 80-х годов годового оборот «теневой экономики» достиг в стране 60–80 млрд рублей.⁵⁷

Но явление перестало быть таковым после 1991 года и превратилось в образ жизни. В совокупности моральный фактор оказал разрушающее воздействие на экономику новых независимых государств, в том числе государств Центральной Азии. Отсюда та черта предпринимательства, которую отметил З. Бжезинский еще в 1994 году: «Нарождающийся капиталистический класс в России удивительно паразитичен, склонен скорее припрятывать свои прибыли за границей, чем делать ставку на будущее России; российские банки инвестируют во внутреннее развитие лишь около 450 млн долларов, тогда как примерно 15,5 млрд долларов отправляются храниться за границу».⁵⁸ Это замечание вполне применимо к любому из государств СНГ.

Традиция коррупции кажется бесконечной во времени. Но, как и любая традиция, она может уйти в прошлое и уступить место новому образу жизни. В этом не должно быть никаких сомнений. История может привести множество аргументов в пользу этого утверждения. Но борьба предстоит серьезная и непростая.

Попытки США и европейских государств, международных институтов подтолкнуть страны СНГ к созданию прозрачной рыночной экономики столкнулись с массовой коррупцией, которая разрушила планы стабилизации экономических систем. Американские политологи в специальной передаче «Радио Свобода» 16 сентября 1998 года все как один отмечали безрезультатность попыток помощи российской экономике. Збигнев Бжезинский говорил: «Я давно уже понял, что прямая финансовая помощь правящей в Москве элите дает два результата. Во-первых, та помощь, которая предназначена для всей России, присваивается и крадется исключительно внутри самой Москвы. Во-вторых, большая часть этой помощи оказывается в карманах нового элитарного класса олигархов, которые не заинтересованы в развитии России. И они направляют большую часть украденных средств на свои счета в западных банках». Поэтому он предложил направлять эту помощь непосредственно в регионы, а сама Россия будет успешно развиваться, если преобразуется в конфедерацию. Но опыт показал, что программы помощи, будучи направлены непосредственно в регионы, расхищаются не менее умело, нежели в центре. Бывший директор Агентства национальной безопасности США, генерал-лейтенант в отставке Уильям Одом считает, что «размеры капиталов, поступавших в страну (Россию), сравнимы, если не равнозначны, тем суммам, которые расхищались и вывозились из страны». Причина, по мнению отставного генерала, в том, что «те кредиты, которые частный сектор и МВФ предоставили России, были растрочены напрасно. И это произошло потому, что в России отсутствуют институты, которые призваны организовывать

⁵⁶ Правда. 1921. 12 ноября.

⁵⁷ Социальные ориентиры обновления: общество и человек. – М.: Политиздат, 1990. С. 339.

⁵⁸ Полис. 1994. № 1.

эффективную работу свободного рынка... Меня потрясли признания некоторых россиян, которые честно и откровенно заявляли, что российские лидеры не заботятся о судьбах России. На словах они говорят, что болеют за Россию. На деле же они крадут из государственной казны, стремясь извлечь для себя пользу из создавшейся ситуации. К сожалению, дела обстоят именно так».

Аналогичная ситуация сложилась и в Центральной Азии. По оценкам «Траспэрэнси интернэшнл», в 2008 году по индексу восприятия коррупции Казахстан занял 145-е место среди 180 стран, Кыргызстан – 166-е, Таджикистан – 151-е, Туркменистан и Узбекистан – 166-е место.⁵⁹ Отсутствие прозрачности экономики из-за коррумпированности властей привело к тому что объемы западных инвестиции будут снижаться. В то же время основным партнером становится Китай, который активно использует негативные жизненные стандарты для продвижения собственных интересов. А такой поворот событий далеко не однозначен и имеет множество непредсказуемых последствий.

Глава третья

Армии, военное сотрудничество и иностранные базы в центральной азии

Политическая «необходимость» во многом создается нами самими.

Фридрих Август фон Хайек

Распад СССР означал для государств Центральной Азии необходимость создания национальных вооруженных сил. Армия является для стран региона жизненно важным инструментом, а не просто атрибутом полноценного государства. Тем более что традиция военной службы и собственных вооруженных сил имела глубокие корни. Армии великих тюркских каганатов, государств Саманидов, Караханидов, империи Чингиз-хана и Тимура были известны всему миру. Но уже в позднее средневековье армии государств Центральной Азии утратили былую славу и величие. Вооруженные силы среднеазиатских ханств в XIX веке были угрозой только для собственных народов и таких же закосневших соседей.

Вот как описывается русскими исследователями, например, армия Хивинского ханства: «Хивинцы не имеют постоянного войска, но в случае надобности узбеки и туркмены, составляющие у них собственно воинственное народонаселение, принимаются, по приказанию

⁵⁹ http://rus.azattyq.org/content/Corruption_in_Central_Asia_/1357251.html

хана, за оружие. Дисциплины в таком сборном войске, разумеется, нет никакой, а вследствие того нет порядка и подчиненности... Списков солдат не ведут... Каждый воин обязан сам заботиться во время похода о содержании своем...». ⁶⁰ Постоянное войско Кокандского хана состояло из 2 тыс. сарбазов и 300 артиллеристов. «И она не могла похвастаться ни дисциплиной, ни хорошей организацией. Она набирается большей частью из бездомных бродяг, ищущих лишь готового пропитания и не годных ни к какой деятельности». ⁶¹

Только географические и климатические условия были препятствием для проникновения завоевателей. Например, суровая зима 1839–1840 годов стала основной причиной неудачи хивинского похода Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского. Четырехтысячный отряд пехоты с 12 пушками и 10-тысячным верблюжьим обозом к 20 декабря добрался до Эмбенского укрепления, потеряв до 2 тыс. верблюдов. 1 февраля Перовский вышел к Ак-Булаку. К этому времени множество участников похода было обморожено, пало еще 5 тыс. верблюдов, а впереди находилось суровое плато Устюрт, замеченное глубокими снегами. Запасы топлива, продовольствия и фуража были на исходе; подножного корма не было. Дальнейшее движение могло привести к гибели всего отряда, и его командир приказал повернуть назад. ⁶²

Слабость была очевидна и для кочевых государств. Например, междоусобица ойратских феодалов в Джунгарском ханстве, вторжение многочисленной армии Цинской империи и эпидемия оспы привели страну и народ к гибели. Из 600 тыс. ойратов в живых осталось 30–40 тыс., спасшихся бегством в пределы Российской империи. Это был важный урок для народов и государств региона. И своеобразное предупреждение на будущее. Но уроки истории чаще всего проходят впустую.

Во второй половине XIX века регулярная российская армия достаточно легко преодолела сопротивление местных властителей и установила господство русских царей над этой частью Азии.

После падения самодержавия и начавшегося экспорта революции средневековая по своей сути армия бухарского эмира не смогла оказать длительного сопротивления Красной армии. Тем не менее взять Бухару за сутки, как предполагал М. Фрунзе, не удалось. Акция, длившаяся с 29 августа по 8 сентября 1920 года, вошла в историю как Бухарская народная революция. Да и после завоевания сопротивление не прекратилось, а продолжалось в форме басмаческой партизанской борьбы еще почти полтора десятилетия. Как писал впоследствии известный советский дипломат Л. М. Карахан: «По опыту Хивы, Бухары (да и самого Туркестана) мы знаем, что степень признательности (восточного) населения к образовавшимся вместо эмиров (советским) правительствам определяется количеством русских штыков, находящихся в этих (новых) республиках». ⁶³

В период колониального господства России казахи, кыргызы, узбеки и туркмены, а также представители других восточных народов Центральной Азии не призывались на службу. Исключение составляли дворяне, лица, имеющие европейское образование, принявшие

⁶⁰ История Средней Азии: Сб. исторических произведений. – М.: Русская панорама, 2003. С. 55–56.

⁶¹ Там же. С. 457.

⁶² Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). – М.: Наука, 1974, С. 277–278.

⁶³ Персии, М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. – М., 1999. С. 87–89.

православие, вошедшие в состав российской бюрократии.

Попытка осуществить массовый призыв «туземного населения» на тыловые работы в 1916 году привела к массовому восстанию, которое подавлено было весьма жестоко. Призыв противоречил условиям подданства народов Средней Азии и Казахстана. Например, в грамоте, высочайше пожалованной султанам Большой Киргиз-кайсацкой (казахской) орды о принятии их в подданство, говорилось, что «султаны и весь киргиз-кайсацкий народ, им подвластный», будут «совершенно свободны от рекрутской повинности во всякое время». Грамота была скреплена Государственной печатью и выдана 13 мая 1824 года в Санкт-Петербурге.⁶⁴

Освобождение от воинской повинности не касалось народов Поволжья. Накануне войны представителей тюркско-мусульманских народов (татар, башкир, мещеряков и тептярей), служивших в регулярной российской армии, насчитывалось: нижних чинов – 38 тыс. (3,1 %), из которых признавали себя мусульманами 35,8 тыс.; штабс-капитанов, поручиков, подпоручиков и прапорщиков – 37; полковников, подполковников и капитанов – 186, генералов – 13 (в том числе «магометанского» вероисповедания – 10). Всего в России было 269 офицеров-мусульман.⁶⁵

Одновременно в царской армии появились и добровольческие части из мусульманских народов. Известна была храбрость текинского (туркменского) полка, татарского (азербайджанского) полка в составе так называемой Дикой дивизии.

Представители народов Центральной Азии после установления советской власти стали призываться на службу. Здесь даже формировались национальные части, особенно в годы Второй мировой войны. Германия и Япония также создавали воинские формирования из колонизированных своими противниками народов, которые должны были бороться против своих угнетателей. В Германии, например, был сформирован Туркестанский легион.

Распад системы социализма означал и окончание военного противостояния между двумя мировыми системами, ликвидацию межгосударственных структур социалистического блока и, прежде всего, Организации Варшавского договора. Страны Восточной Европы освободились от советского военного присутствия и постепенно трансформировались по большей части в «Новую Европу» с активным участием в НАТО. Ликвидация советских военных баз походила больше на бегство, чем на вывод войск, и создала дополнительные проблемы для экономики СССР.

Второй частью ликвидации некогда единой системы вооруженных сил стало разрушение Советского Союза. Метод был предельно простым. Территория республики определяла и границы раздела Советской армии. Все, что находится здесь, принадлежит нам, считали во всех странах СНГ в том числе и в Центральной Азии. Правда, расположение единого командования в Москве и неуверенность региональных руководителей в собственных силах в начале 90-х годов XX века позволили России вывезти из республик очень и очень многое. Затем раздавались жалобы на то, что Российская Федерация провела несправедливый раздел общего имущества. В то же время в горячих точках – на Северном Кавказе и в Закавказье, Таджикистане – происходило разграбление советских военных складов и даже разоружение воинских частей местными военизированными формированиями и криминальными группами.

На основе советских частей, соединений, объединений и округов создавались национальные вооруженные силы. И в этом была своя необходимость. Центральная Азия в

⁶⁴ Букейхенов А. Избранное. – Алматы, 1995. С. 197.

⁶⁵ Исхаков С. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годах // Татарский мир. 2004. № 15.

любой момент могла превратиться в крупный очаг войны – гражданской, как это было в Таджикистане, или между республиками. Встал вопрос о вероятности вторжения моджахедов с территории Афганистана в Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан и Узбекистан. Падение поддерживавшегося СССР режима Наджибуллы в апреле 1992 года означало прекращение российского политического присутствия в Афганистане. Центральноазиатские исламские оппозиционные движения получили возможность использовать территорию Афганистана для формирования боевых групп. Для Раббани и Масуда таджикские беженцы и вооруженные бойцы создавали особенно болезненную дилемму, ибо они претендовали на статус муджахеддинов или мухаджиров, т. е. борцов против атеистического режима. Но при этом оценка их религиозности и соблюдения исламской обрядности была далека от желаемой. Тем не менее Северный альянс, прежде всего узбекские формирования, стали использоваться Узбекистаном как щит, прикрывающий страну от вторжения талибов с юга. Президент И. Каримов оказывал поддержку генералу Дустуму бензином, снаряжением, финансами. Но эта поддержка не могла обеспечить безопасность достаточно эффективно и надежно.

Еще одной проблемой стала общая нестабильность, вызванная формированием новых мировых отношений. Появление новых независимых государств стало стимулом для роста сепаратистских устремлений в разных государствах. В КНР резко обострилась проблема СУАР⁶⁶, где уйгурские движения активизировали свои выступления за воссоздание независимого от Китая государства. Северный Кавказ, прежде всего мятежная Чечня, также воздействовал на общую ситуацию в регионе. Гражданская война в Таджикистане вызывала серьезную тревогу в соседних республиках – Узбекистане и Кыргызстане.

В начале 90-х годов XX века вновь образованные государства Центральной Азии получили в наследство от СССР приграничные проблемы с Китаем, а также между странами региона. Земельно-водные, ресурсные противоречия, существовавшие и в советское время, вырвались наружу и могли спровоцировать межгосударственный конфликт. И в этом плане регион отнюдь не был одинок. Дефицит природных ресурсов к тому времени стал причиной вооруженных конфликтов во многих частях развивающегося мира.

На этом фоне все теоретизирования о создании общих вооруженных сил стран СНГ под фактическим российским командованием отнюдь не успокаивали. Тем более что шла война между Азербайджаном и Арменией, Молдовой и Приднестровьем, шел тяжелый спор о разделе Черноморского флота. В конфликтах, которыми сопровождался распад СССР, было ясно видно вмешательство России. Создание национальных армий, наряду с переговорами о единых вооруженных силах СНГ, стало стратегией практически всех стран бывшего СССР.

Исключение составляли ракетные войска и их вооружение. В Центральной Азии единственным ядерным государством мог стать Казахстан. Но получив гарантии ядерного клуба и экономическую помощь, испытал на себе мощное дипломатическое и информационное давление, Казахстан расстался с ядерным потенциалом. Это был единственно верный шаг.

Как уже говорилось, строительство армий осуществлялось на основе военных округов и армий, сопутствующей инфраструктуры. Исключением стал Таджикистан, вооруженные силы которого являются интегрированными из правительственных сил и сил оппозиции, рождавшихся в ходе формирования ополчений и отрядов полевых командиров.

Материальное положение армий Центральной Азии длительное время было незавидным. Немногие выделяемые средства расхищались коррумпированными чиновниками. Это был

⁶⁶ Синьцзянь-Уйгурский автономный район.

процесс выживания, в том числе и за счет торговли доставшимся в наследство оружием и военным имуществом. Частые смены командного состава, коррупция, систематические реорганизации не позволили армиям стать реальной военной или политической силой. «В большинстве новых независимых государств военные не являются важной политической силой, и главной проблемой вооруженных сил является то, что они не готовы к ведению боевых действий по отражению сколько-нибудь существенной военной угрозы», – считают эксперты.⁶⁷

Разрушение биполярной системы международных отношений привело не только к расширению НАТО и ЕС, распаду СССР, системы социализма, но и к проникновению США на территорию бывшего Советского Союза. США и НАТО прочно обосновались в Восточной Европе. Поначалу это вызывало протесты России и ряда пророссийских организаций в этих странах. Но дело закончилось тем, что выбор между НАТО и Россией был решен не в пользу последней.

К разработке стратегии на центральноазиатском направлении Вашингтон подошел последовательно и системно. В 1992 году американский сенат принял Закон о поддержке свободы, подчеркнувший важность оказания помощи новым независимым государствам. В 1999 году была одобрена «Стратегия Шелкового пути». Эти документы заложили основу для вовлечения Соединенных Штатов в дела региона. Американская Программа военных продаж и содействия, Международная программа военного образования и подготовки (ИМЕТ), программа НАТО «Партнерство ради мира», курсы по изучению проблем безопасности, организованные по инициативе Центра им. Джорджа Маршалла, создание Центральноазиатского миротворческого батальона (Центразбат) – вот лишь некоторые примеры активного старта.

Стратегия НАТО и США заключалась в локализации вероятных конфликтов. А «минным полем» стала территория бывшего социалистического лагеря и его зоны влияния. Это и обуславливало постепенное проникновение в глубь территории бывшего СССР.

Сильным ударом по амбициям России стало создание баз США на территории центральноазиатских государств. Еще как-то можно было смириться с расширением НАТО на восток. Действия американских военных в Афганистане были мотивированы борьбой с терроризмом и находили свое оправдание. Но вот появление американцев в бывших советских республиках Центральной Азии, глубоко в тылу России, стало серьезным ударом по ее престижу. Во всяком случае, патриотические силы России считали это прямым оскорблением своей страны.

Тем не менее нельзя рассматривать американское присутствие только как военное. Оно становится всеобъемлющим и началось отнюдь не как военное. Первыми пришли дипломаты, затем бизнесмены, и только потом появились военные базы.

Проникновение США в Центральную Азию совершенно очевидным образом является источником беспокойства для Москвы. Однако если российские политики и военные недовольны геополитическими изменениями, произошедшими за последнее время, им следует признать, что они сами несут ответственность за присутствие США в центральноазиатском регионе.

Проблема американского военного присутствия в Центральной Азии является неутешительным результатом российской политики в регионе. С момента распада СССР политика России в отношении бывших восточных союзных республик не была сформулирована хоть каким-то образом.

⁶⁷ Блат К. Транспарентность и подотчетность: Россия и новые независимые государства. Взгляд с Запада // Парламентский контроль над военной сферой в новых независимых государствах. – М., 1998. С. 271.

Как отмечал Ариэль Коэн: «После того, как осела пыль войны в Афганистане, независимо от того, каковы цели США в данном регионе, ясно, что российские военные в своем настоящем виде не смогли адекватным образом отреагировать на угрозы глобальной и региональной безопасности, источником которых был режим Талибан. Министерство обороны России и Генеральный штаб мало сделали для того, чтобы пресечь транспортировку наркотиков и действия исламских фундаменталистов в Центральной Азии. Неспособность вот уже в течение более десяти лет отреагировать на эти главные угрозы стала важным фактором, давшим толчок цепи событий, завершившихся возглавляемой США антитеррористической кампанией в Афганистане».⁶⁸

Руководители Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана считали, что Таджикистан никак не препятствует действиям исламистов, в том числе созданию ими баз на своей территории и вторжению боевиков в сопредельные государства. В то же время исламисты не скрывали своих целей. Они тоже выступали за единство региона в рамках халифата. Выбор средств для достижения этой цели был и остается самым широким – от обучения студентов до распространения пропагандистской литературы.

Идея создания исламского халифата на территории Центральной Азии подкрепляется силой оружия. По некоторым данным, обучение в тренировочных лагерях на территории Афганистана проходили до 70 тыс. боевиков из 55 стран мира, в том числе и из государств Центральной Азии.

В 1999 и 2000 годах бойцы Исламского движения Узбекистана проникали на территорию Кыргызстана. Весной и летом 2000 года боевики в течение шести недель вели бои с правительственными войсками на территории Сурхандарьинской области Узбекистана. Экономические трудности, массовая безработица, отсутствие реальной социальной политики, нарастание социальных противоречий было мощным взрывчатым материалом. Боевики, несущие идеологию исламской справедливости, равенства и братства, могли стать детонатором регионального взрыва.

В этих условиях Узбекистан, как основная мишень фундаменталистов, обратился за поддержкой к России. На встрече с В. Путиным И. Каримов заявил, что «Сегодня Россия – единственная страна, которая может обеспечить безопасность Узбекистана. Узбекистан в одиночку не может защитить себя, и мы, естественно, просим Россию помочь защитить нас».⁶⁹

Тем не менее проникновение исламских боевиков произошло и через охраняемую российскими пограничниками таджикско-афганскую границу. Не стоит забывать и о дислоцированной в Таджикистане 201-й российской дивизии. Россия пообещала среднеазиатским странам военную помощь в случае возникновения такой необходимости и объявила о возможности нанесения ударов с воздуха по базам талибов в Афганистане, в случае, если безопасность среднеазиатских стран окажется под угрозой. Президент Кыргызстана А. Акаев также заявлял о возможности вторжения на территорию республики до 5 тыс. боевиков.

Но реальной помощи со стороны России не последовало. Россия, к разочарованию Ташкента, не стала направлять в район конфликта очередной «ограниченный контингент», а только обещала «незначительные поставки некоторых видов военнотехнического имущества». Информация была принята к сведению всеми лидерами Центральной Азии. О своих выводах они не стали распространять.

⁶⁸ Коэн А. США проникают в Центральную Азию благодаря русским. Пресс-обозрение // Иносни. 2002. 29 января.

⁶⁹ <http://fergana.ru/news03/135>

Примером вероятности диалога с оппозицией является Таджикистан. За два года внутреннего конфликта в Таджикистане свыше 30 тыс. человек погибли, 600 тыс. человек пострадали. Казалось бы, в стране создалась совершенно патовая ситуация. Но в результате усилий мирового сообщества стабилизация в этой стране была достигнута за счет формирования смешанного правительства. В него вошли бывшие боевики, что доставило много беспокойства правящим режимам региона. Кстати, это был пример возможности взаимодействия между бывшими противниками, если не сказать врагами. Но он не пошел на пользу. С течением времени и сам Таджикистан отказался от такой модели взаимоотношений с оппозицией, а президент Э. Рахмон постепенно избавился от оппозиционеров во властных структурах и установил режим личной власти. И вновь встал вопрос о стабильности в этой стране.

Очевидно, что размещение 201-й российской дивизии на таджикско-афганской границе наряду с поддержкой, оказанной Россией Северному альянсу, способствовало предотвращению распространения исламского влияния в Центральной Азии. Тем не менее способность российского военного истеблишмента провести ключевые реформы, осуществлять и контролировать процесс мирного урегулирования остается под вопросом. Поэтому российских военных уже не приветствуют в Центральной Азии, да и в других горячих точках СНГ.

Россия после этих событий попросту ничего не может сделать с проникновением НАТО в Центральную Азию, а лидеры этих государств ничего делать не хотят, поскольку американское присутствие выгодно по разным причинам.

Основная причина согласия на размещение иностранных баз для Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана – безопасность. Их лидеры помнят ситуацию, когда происходили многомесячные бои с исламистами в горах Кыргызстана и на юге Узбекистана.

При оценке ситуации в Центральной Азии все-таки не стоит забывать, что иностранные базы появились здесь как наследие советского периода и как результат интеграционных усилий СНГ. В это же время происходило сокращение российского военного присутствия в других странах. Постоянное размещение воинских контингентов и ракет СС-20 в большинстве стран Восточной Европы, прямое вовлечение в афганский конфликт и косвенное участие после 1975 года не менее чем в 10 региональных конфликтах – цена за статус сверхдержавы, которая оказалась непосильной для СССР. СССР проиграл войну за третий мир. Система просоветских государств перестала существовать.⁷⁰

Тем не менее центральноазиатские страны усеяны военными базами, все еще контролируемые Москвой. Некоторые из наиболее засекреченных военных и гражданских космических спутников запускаются с космодрома Байконур в Казахстане. Озеро Иссык-Куль в Кыргызстане используется для испытаний российского военно-морского оружия. В Таджикистане размещена 201-я дивизия.

Дипломатические наблюдатели называют еще одну причину, по которой присутствие американских войск в Центральной Азии не вызывает у россиян энтузиазма, – это гордость. По словам заместителя директора Института США и Канады в Москве Виктора Кременюка, многие россияне не принимают того факта, что их страна не обладает ресурсами, чтобы играть сильную роль в Центральной Азии: «Думаю, что появление американцев и возможность того, что они останутся в регионе на некоторое время, воспринимается как своего рода вызов российскому господству. Не обязательно как угроза, а просто как вызов, пренебрежение или

⁷⁰ *Насиновский В. Е. Скакунов Э. И. Политические конфликты в современных условиях // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 4. С. 9.*

унижение».71

Политика России в бывших республиках СССР имела малопривлекательный характер. Любое государство, даже считающееся верным союзником и пророссийски настроенными, может получить «выстрел» из Москвы. Практически политика России была направлена на восстановление экономического и военного союза по старому советскому образцу но уже без серьезных вложений в экономику социальное развитие и строительство вооруженных сил. Существовало серьезное противоречие между риторикой и реальными действиями российских войск в зонах конфликтов. Аналитики отмечали, что миротворческие усилия России ведут не к стабильности, а к росту напряженности и эскалации конфликтов в Нагорном Карабахе, в Грузии, в Таджикистане, в Приднестровье. Если для США это было своеобразным открытием, то для стран СНГ ничего нового не было. Россия не может, в силу экономических причин, наращивать военное присутствие в государствах СНГ. Неадекватное поведение российских военных, в том числе и миротворцев, подрывает устои новых государств, создает ощущение угрозы со стороны северного соседа.

Разочарование политикой России, например, выразил депутат Милли Меджлиса (парламента) Азербайджана Анар Мамедханов: «После обнародования факта передачи оружия Россией армянам на сумму 800 миллионов долларов я посчитал, что в данном случае к этому факту надо отнести не как просто к факту, а в целом как к внешнеполитической деятельности России на протяжении последних лет. Если говорить чисто с человеческой точки зрения, то это хамство, безбожное вранье и, образно говоря, кидалово... После провокационной политики Кремля в начале карабахского конфликта, после 20 января, Ходжалы, после многого и многого другого мы все еще наивно полагали, что политика Кремля будет гибче, мудрее. Однако всего этого не произошло.

Я не знаю, чем руководствовались кремлевские стратеги, передавая оружие Армении: кроме как хамством и неприкрытым цинизмом это не назовешь. Трудно логически обосновать, почему России, после серии геополитических провалов, после скандальных конфликтов с Эстонией, Грузией, Украиной, нужно было на пустом месте плевать в сторону Азербайджана? Надо особо отметить, что и в ГУАМ, и в отношениях со стратегическими западными партнерами, Азербайджан никогда себе не позволял не только на уровне исполнительной, но и законодательной власти, антироссийской риторики. Всегда с нашей стороны было уважительное отношение, и я бы даже сказал, выразительно сдержанное отношение к внешнеполитическим провалам северного соседа, даже тогда, когда дело касалось наших интересов. И в итоге мы получили то, что мы получили».72

Грузинский писатель Александр Эбаноидзе в своей статье поставил вопрос: «Вот факт, которому трудно найти объяснение: в сообщениях из Цхинвала не было ничего похожего на информационный паритет. За полтора года тенденциозная, односторонняя информация создала у общественности одностороннее представление. В редкие дни, когда "когда кольцо блокады вокруг Цхинвала" не сжималось, считали нужным сообщить, что "терские казаки признали правомерность выхода Южной Осетии из состава Грузии" или что-нибудь в это роде... Воинствующие сепаратисты искали поддержки в России. И нашли ее...» И это было написано не в 2008-м, а в 1992 году73

71 <http://svobodanews.ru/content/transcript/1895719.html>

72 19 января 2009 года. Азербайджанское информационное агентство.

73 Известия. 1992. 29 июня.

Действия военных не получали должной оценки и даже в завуалированной форме поощрялись. Например, в своем интервью «Комсомольской правде» 27 мая 1992 года президент Б. Ельцин говорил: «Мы поздно оценили, что Россия должна обязательно влиять на положение русскоязычного населения в других странах. Что касается положения в Молдове – безусловно, среди офицерского состава 14-й армии имеются сторонники Приднестровья, и они начинают переходить, иногда и с техникой, на сторону приднестровцев. Поэтому Снегур, например, оценивает это как прямую интервенцию. Но это не интервенция России, это – защита живущих там людей по личной инициативе живущих там офицеров. Мне кажется, что если в Приднестровье хотят самостоятельности, то это дело самого народа».

Но действия офицеров в Приднестровье, в Абхазии, в Южной Осетии, на Северном Кавказе оценивались именно как действия российской армии, российского государства. А иначе быть не может. Ни одна армия не допустит, чтобы ее солдаты и офицеры с табельным оружием и техникой уходили «повоевать» за кого-то или с кем-то. Если офицер с подчиненными ему солдатами самостоятельно, без санкции командования вступает в конфликт, то его нужно судить как наемника, перешедшего на сторону другого государства, или как мятежника. Если командование не предпринимает никаких шагов по наведению должного порядка, то действия подчиненных должны расцениваться как выполнение приказа командования. Командование, в свою очередь, получает политическое одобрение руководства страны. Исходя из этой логики, действия 14-й армии президент Молдовы Мирче Снегур охарактеризовал следующим образом: «Открытая военная агрессия против нашего государства стала свершившимся фактом».

Ссылаться на самостоятельные действия армии – не изобретение Б. Ельцина. М. Горбачев, первый и последний президент СССР, неоднократно был не в курсе действий Советской армии. Например, 20 января 1990 года, когда Советская армия штурмом взяла Баку, столицу советского Азербайджана. При этом погибло 134 гражданских и 20 солдат, около 700 человек было ранено. Затем был январь 1991 года в Прибалтике, когда военные штурмом брали гражданские объекты. А ранее были взяты Тбилиси, Алма-Ата и другие горячие точки периода Перестройки.

После террористических актов 11 сентября 2001 года Вашингтон направил войска в Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. С согласия правительств этих государств, поддержавших антитеррористическую акцию, и при одобрении Кремля. 11 августа 2003 года мандат на контртеррористическую операцию в Афганистане перешел от ООН к НАТО.

Поддержка контртеррористической операции США и размещение американских военных баз на национальной территории являются личным выбором руководителей центральноазиатских государств. Дело в том, что роль общества и парламента в этих странах сведена к реализации и легитимизации решений исполнительной власти. Парламентский контроль над вооруженными силами в этих странах представить достаточно трудно. «В Узбекистане, например, нет политической оппозиции, и невозможно вообразить, чтобы парламент бросил вызов президенту. В Казахстане парламент (Мажилис) полностью лишен полномочий, и страна по сути дела находится под контролем президента... Те же суровые слова относятся и к другим среднеазиатским государствам».⁷⁴

⁷⁴ Блат К. Транспарентность и подотчетность: Россия и новые независимые государства. Взгляд с Запада // Парламентский контроль над военной сферой в новых независимых государствах. – М., 1998. С. 272–273.

Учения казахской армии

И все-таки не США пришли в Центральную Азию, а Россия освободила здесь свое место, которое пустовать не может. Вызывает недоумение, что российские средства массовой информации и политики забыли об этом. Между тем негативное отношение многих представителей российской военной и политической верхушки к американскому присутствию не совпадало с точкой зрения президента В. В. Путина. Некоторые наблюдатели считали, что Владимир Путин с самого начала осознавал, что американское присутствие в Центральной Азии – это надолго.

Российскому президенту нужно было убедить россиян, что приход Соединенных Штатов в Центральную Азию не угрожает интересам России. Понятно, что президент России Владимир Путин, вопреки пожеланиям многих поддержавший войну против международного терроризма, скорее хотел сохранить лицо, нежели дать свое благословение американцам. А это не удалось. И тогда вновь и вновь активизируются антиамериканские настроения и проводятся соответствующие пропагандистские акции.

Одной из причин роста американского присутствия в Центральной Азии является необходимость предотвращения установления контроля над регионом террористических организаций. Как заявил президент Дж. Буш-младший в своем выступлении в конгрессе 20 сентября 2001 года: «Каждой нации в каждом регионе предстоит теперь принять решение. Либо вы с нами, либо вы с террористами. С этого дня любая нация, продолжающая укрывать или поддерживать терроризм, будет рассматриваться Соединенными Штатами как враждебный режим».

В ответ государства Центральной Азии единодушно приветствовали появление американских баз. Представители США могли выбирать любое место в любой стране региона, за исключением, возможно, нейтрального Туркменистана, для размещения своих баз. Все страны, включая Россию, согласились на пролеты транспортных самолетов через свою территорию для доставки грузов в Афганистан.

Смена внешнеполитического приоритета в России привела к обострению проблемы военной базы в Кыргызстане. В договоре США и Киргизии было предусмотрено, что срок аренды базы может пролонгироваться на каждые последующие три года. По американским данным, в 2003 году содержание «Ганси» обошлось США в 14 млн долларов. Помимо ренты американцы выплачивали по 7 тыс. долларов за взлет-посадку каждого самолета. В общем, «Ганси» приносил Киргизии около 45 млн долларов в год.

Прозвучавшее в начале февраля 2009 года заявление Курманбека Бакиева о прекращении

функционирования этой базы было неожиданным. Но только на первый взгляд. Кыргызстан в условиях перманентного экономического кризиса нуждается в любых поступлениях средств. Поэтому открытие базы означало пополнение республиканского бюджета. И хотя эти средства неэффективно использовались прежним режимом А. Акаева, но все-таки частично разрешали экономические проблемы страны. Поэтому жесточайший кризис вкупе с давлением нового российского руководства, решившего вновь показать свои возможности по противодействию США, привел к постановке вопроса о функционировании базы «Ганси». Если Россия стремилась закрыть американскую базу, то К. Бакиев хотел получить финансы. Он заявил, «что за это время, за время выполнения коалиционными силами задач по борьбе с международным терроризмом, мы неоднократно с американскими партнерами обсуждали тему об экономической компенсации Кыргызстану за пребывание базы. Но, к сожалению, не нашли понимания со стороны Соединенных Штатов. Мы уже на протяжении трех лет говорим о том, что надо пересмотреть условия соглашения, те вопросы экономической компенсации, которая не устраивает никоим образом Кыргызстан, но мы не нашли понимания со стороны Соединенных Штатов. Это одна сторона, чисто экономическая сторона». В свою очередь американцы выразили недоумение по поводу столь завышенных требований. «У нас на руках действующий контракт с правительством Кыргызстана, они получают миллионы за наше присутствие там», – заявил представитель командования США в Афганистане полковник Грег Джулиан. Заявления президента Кыргызстана о выводе базы, сделанные накануне, на встрече с президентом РФ Дмитрием Медведевым, Г. Джулиан охарактеризовал как «политические маневры». Он отметил, что ежегодно США оказывает Кыргызстану поддержку через различные программы на сумму около 130 млн долларов США, 63 млн из них проходят через авиабазу⁷⁵

Москва понимала, что вывод американской базы может состояться только в обмен на деньги, и в свою очередь пообещала серьезную финансовую поддержку Кыргызстану. Безвозмездная финансовая помощь в размере 150 млн долларов США, льготный кредит в 300 млн долларов США на 40 лет под 0,75 % годовых с льготным 7-летним периодом, инвестиции в размере 1,7 млрд долларов США на строительство Камбаратинской ГЭС и списание 180 млн долларов США в обмен на 48-процентный пакет акций завода «Дастан» выглядели выгодной для Кыргызстана сделкой за вывод американской базы. Но только на первый взгляд. На самом деле для кыргызского президента успех российской политики по «изгнанию» американской базы выглядел как головоломка. Сможет ли Россия реально выделить эти средства, в то время как она сама находится в тяжелой ситуации? Или предпочтительнее те средства, которые уже поступают от американцев, пусть меньшие, но реальные? Или можно поторговаться с новым президентом Бараком Обамой и добиться увеличения помощи? Что лучше – кредит, который нужно будет возвращать, или безвозмездная поддержка США? Тем более что вокруг базы уже сформировалась инфраструктура обеспечения, и многие кыргызы заинтересованы в ее сохранении.

Кыргызстан, как и следовало ожидать, выбрал свой путь. После некоторого торга с американцами база «Ганси» была просто переименована в Центр транзита. Смена вывески обошлась США в 160 млн долларов в год. В свою очередь Россия, которая выделила К. Бакиеву значительные средства за закрытие американской базы, сделала вид, что достигла своей цели, а в утешение получила согласие создать в Оше военную базу.

Громкое заявление кыргызского президента практически все средства массовой информации расценили как победу Кремля в тихом противостоянии с НАТО и США.

⁷⁵ <http://ferghana.ru/article.php?id=6053>

Действительно, заявление Курманбека Бакиева позволило комментаторам говорить о возрождении величия России, восстановлении ее статуса в Центральной Азии, очередной победе над внерегиональными силами. Но так ли это на деле?

Дело в том, что уход американцев с базы «Ганси» никак не мог сказаться на дальнейшем проведении операции в Афганистане. Кыргызстан в этом случае лишился не только постоянных поступлений в бюджет, но и подрывал этим шагом стабильность в регионе.

Поэтому и был найден компромисс в деле с базой. Он удовлетворил практически всех. Россия показала, что может надавить на младшего союзника – Кыргызстан – и он удалит американскую базу. Тем самым Россия еще раз доказала, что для нее тактические выигрыши важнее стратегического планирования. К тому же России ничего не оставалось, как согласиться с сохранением базы в виде Центра транзитных перевозок в аэропорту «Манас». После достигнутой победы в информационной войне вокруг американской базы президент России Д. Медведев смог заявить: «Создание в бишкекском аэропорту "Манас" американского транзитного центра пойдет на пользу общему делу борьбы с терроризмом».⁷⁶

Теперь здесь будут находиться только транзитный военный персонал и сотрудники, обеспечивающие транспортировку грузов в Афганистан. Об этом 25 июня 2008 года на брифинге в Госдепартаменте США в Вашингтоне заявил пресс-секретарь американского внешнеполитического ведомства Иан Келли, отвечая на вопросы журналистов. Кыргызстан выполнил волю Москвы, получив обещание финансовой поддержки, но и не лишился американской военной базы, именуемой Центром транзитных перевозок, которая отчисляет солидные суммы в бюджет. Американцы решили вопрос прагматично – увеличив пожертвования кыргызскому государству и изменив название базы. Никто не потерял лицо, и статус-кво было восстановлено.

Таким образом, в Кыргызстане оказываются две российских и одна американская база. Но проблемы не заканчиваются. В спор вступает Узбекистан, который выразил протест против появления в Ферганской долине российской базы. В российской прессе развернулась волна критики узбекского президента. И. Каримова обвиняют в непоследовательности, попытке в очередной раз «прислониться» к Америке, ревности к успехам других республик в «выбивании» денег из России. Более того, Ислам Каримов также своим заявлением блокирует интеграционный процесс в рамках ОДКБ.⁷⁷ Но все знают, что очередной саммит закончился практически ничем. И в этом сыграла роль отнюдь не злая воля Узбекистана.

Целесообразно ли размещение российского воинского контингента на юге Кыргызстана? Казалось бы, да. Поскольку военная база была бы щитом против вероятных попыток проникновения боевиков из Афганистана. Но совсем недавно, на стыке веков, они спокойно проникали на территорию южного Кыргызстана и Узбекистана. Вели там боевые действия и серьезно угрожали подорвать стабильность в регионе. Казалось бы, это аргумент в пользу российского военного присутствия. Но все дело в том, что боевики проникали через афгано-таджикскую границу, которую стерегли российские пограничники. Они проходили через всю территорию Таджикистана, которую защищали бойцы 201-й российской дивизии. Во время боевых столкновений узбекские военные не получили никакой реальной военной поддержки со стороны России. На исламских боевиков не обрушили свою мощь знаменитые российские ВДВ, силы быстрого реагирования многочисленных специальных служб, не был

⁷⁶ <http://24.kg/politic/2009/06/26/!15485.html>

⁷⁷ Организация Договора о коллективной безопасности.

передислоцирован хотя бы обычный армейский полк или батальон.

Проверка состояния вооруженных сил стран региона в боевых условиях дала неутешительные результаты. О причинах хорошо сказал в своей речи в Королевском институте Лондона 8 ноября 2004 года бывший посол Британии в Ташкенте Крэйг Мюррей: «Давайте трезво посмотрим на вещи. Как может помочь войне с террором тоталитарный диктатор, который сам терроризирует и разоряет свой народ...» Эта оценка применима к любому другому народу в Центральной Азии.

Но и все соглашения о взаимодействии в борьбе с реальными террористическими группами тоже оказались, мягко говоря, недейственными.

Несмотря на активную фазу антиталибанской операции, систематическую охоту и уничтожение лидеров группировок, боевики отнюдь не сдались. И об этом знают руководители стран Центральной Азии. Как пишет британский журналист Ник Филдинг в своем блоге, посвященном ситуации в Афганистане и Пакистане, Исламское движение Узбекистана (ИДУ) имеет серьезную базу в Северном Вазиристане, на территориях, прилегающих к городу Мир Али. Как сообщала пакистанская газета «The News» в сентябре 2009 года, по меньшей мере 5000 узбеков живут в этом регионе, многие из них присоединились к бойцам афганского Талибана в Гельменде. Как заявили власти Пакистана газете, узбекские боевики использовали аэропорт в Исламабаде как транзитный пункт для переброски людей в Северный Вазиристан на протяжении многих лет. Обычно узбекские бойцы прибывали в аэропорт и брали такси до города Мир Али. «Союз Исламского джихада», отколовшийся от ИДУ, базируется также в окрестностях города Мир Али. Члены «зауэрландской ячейки» на суде рассказывали, что деятельность «Союза исламского джихада» заключается в нападениях либо на пакистанскую армию, либо на американских военнослужащих в Афганистане. С боевиками «Аль-Каиды» они обмениваются оружием, с турецкими и арабскими исламистскими группировками поддерживают контакты.

Кардинально проблема разрешилась лишь с началом антитеррористической операции в Афганистане, начатой США. Как бы ее ни оценивали, но лагеря боевиков были уничтожены, а угроза вторжения с юга была ликвидирована, во всяком случае, в обозримом будущем. И сделали это не союзники по ОДКБ или СНГ, а силы внерегионального присутствия. Можно припомнить, что Узбекистан многократно лавировал и в ОДКБ, и в других организациях. И не любит Америку президент Узбекистана, особенно после жестких оценок Андижанских событий. Но фактор влияния определяется и тем, что страны ориентируются не на заявления, а на реальные шаги. Размещение российской военной базы на юге Кыргызстана, который цивилизационно и географически является продолжением Ферганской долины, отягощенной множеством взрывоопасных проблем, может стать спичкой в пороховом погребе. Хрупкая стабильность в этом регионе может быть нарушена действиями слона в посудной лавке – российских военных, которые не отличаются дипломатичностью и корректностью в отношениях с бывшими подданными.

Скорее всего, именно этим и объясняется то, что «узбекская сторона не видит какой-либо необходимости и целесообразности в реализации планов по размещению на юге Кыргызстана дополнительного контингента российских вооруженных сил», о которых говорится в подписанном 1 августа 2009 года меморандуме «О намерениях Российской Федерации и Кыргызской Республики по дальнейшему развитию и совершенствованию двусторонней договорно-правовой базы, регулирующей пребывание российских воинских формирований на территории Кыргызской Республики, и размещению дополнительного российского воинского контингента на территории Кыргызской Республики».

Позиция соседнего Таджикистана по поводу появления российской базы тоже далека от

восторгов. Если официальный Душанбе промолчал, то председатель Социал-демократической партии Рахматулло Заиров заявил, что «в российской базе в Центральной Азии нет никакой необходимости».⁷⁸

Опыт деятельности российских миротворцев в зоне конфликтов хорошо известен руководителям государств СНГ. В Приднестровье они всячески поддерживали сепаратистов. В Грузии российские миротворцы способствовали радикализации позиции руководителей Абхазии и Южной Осетии. Оценку их деятельности дал грузинский парламент: «Резкое увеличение военного потенциала, находящегося в подчинении де-факто властей Абхазии и бывшей Юго-Осетинской автономной области, вместо демилитаризации, резкая активизация террористических и диверсионных действий, полное уничтожение гарантий безопасности мирного населения, перманентные попытки узаконения результатов этнической чистки, неоднократно признанной международным сообществом, массовые посягательства на фундаментальные права человека, усиление международных криминальных угроз, характерных для неконтролируемых территорий, – такова реальность, создавшаяся в результате проводимых миротворческих операций». В постановлении «О миротворческих силах, размещенных на территории Грузии» от 18 июля 2006 года констатировалось, что «разработанный грузинской стороной, поддержанный ОБСЕ и Евросоюзом миротворческий план для бывшей Юго-Осетинской автономной области был практически отвергнут Российской Федерацией. Продолжение Россией действий, упомянутых в постановлении Парламента Грузии от 11 октября 2005 года № 1927-Пс, а также фактическое блокирование миротворческого плана могут оцениваться только как поддержка сепаратизма и носящая перманентный характер попытка аннексии части территории Грузии».

Есть и другая сторона. Некоторые аналитики пишут о том, что в отсутствие возможностей инвестирования Россия пытается влиять на Центральную Азию за счет торговли оружием. Но уже есть примеры непродуктивности политики России в СНГ. Азербайджанцы, например, весьма недовольны тем, что происходит вооружение Армении за счет поставок из России, хотя Азербайджан является самым верным союзником России в Закавказье и всячески поддерживает политические шаги Москвы. Злополучная война с Грузией наглядно показала, что «маленькая победоносная война» для повышения рейтинга российских руководителей важнее, нежели долгосрочная и планируемая политика. Расчленение Грузии, не признанное международным сообществом, стало уроком и для Центральной Азии. И если бы на карте мира возникла объединенная Осетия, то Россия считалась бы в большей мере борцом за независимость угнетенных народов. Но Северная Осетия остается в составе России. И никто в Кремле не помышляет о предоставлении ей независимости. В то же время что делать с Южной Осетией, в Кремле не представляют.

Одно из заявлений президента Д. Медведева вызвало нервную реакцию в Таджикистане. А другое – в Туркмении. Идея некоторых российских политиков «вернуть Крым», используемая в информационной войне с братским украинским народом, тоже не вызывает понимания в государствах СНГ. Даже сами российские политики, депутаты говорят об отсутствии внятной политики в центральноазиатском регионе. Естественно, что Узбекистан в заявлении Министерства иностранных дел, распространенном 3 августа 2009 года национальным информационным агентством, по поводу размещения российской военной базы в непосредственной близости от собственных границ не скрывает опасений.

Дело в том, что «реализация подобных проектов на достаточно сложной и

⁷⁸ <http://inosmi.ru/>, 13 сентября 2009 года.

труднопредсказуемой территории, где непосредственно сходятся границы трех среднеазиатских республик, может дать импульс для усиления процессов по милитаризации и возбуждения различного рода националистических противостояний, а также выступлений радикальных экстремистских сил, могущих привести к серьезной дестабилизации обстановки в обширном регионе».

Экономика Кыргызстана постоянно балансирует на грани дефолта. Правительство и парламент постоянно изобретают способы привлечь любые зарубежные инвестиции. Даже пара миллионов долларов, поступающих в казну, важны для бедной страны. Для этого можно даже согласиться на создание иностранной военной базы. Но это опасный путь. Если есть чужие военные на национальной территории, то они могут и начать стрельбу. И отнюдь не по приказу или пожеланию Бишкека, Ташкента или Душанбе. Ислам Каримов это понял и об этом сказал. Остальные промолчали. Но наверняка думают о том же.

Расстрел в Андижане и резкая критика США подтолкнули Узбекистан к новому витку сотрудничества с Россией. Но это вовсе не означает, что, указав на дверь американцам, И. Каримов бросился безоглядно в объятия России, которая не столь трепетна к жестоким действиям властей в отношении своих граждан. Он все-таки предпочитает лавировать между великими державами мира и добиваться уступок.

Заявление Ташкента по поводу российской базы в непосредственной близости от своей территории выглядит еще более актуальным после 9 сентября 2009 года, когда Государственная дума РФ приняла поправки к Закону об обороне в первом чтении. Они предусматривают использование Вооруженных сил России за пределами национальной территории в случае отражения нападения на вооруженные силы, в том числе дислоцированные за пределами России, а также для защиты российских граждан за рубежом. Можно говорить, что эти поправки станут еще одним средством давления на друзей по СНГ, прежде всего на Украину.

Американское присутствие в Узбекистане было свернуто после андижанских событий 13 мая 2005 года. Как известно, Соединенные Штаты и другие западные государства, а также ряд международных организаций расценили действия узбекских властей по подавлению террористического мятежа как «неразборчивое применение силы», повлекшее многочисленные жертвы среди мирного населения. Запад потребовал проведения международного расследования этих событий. Ташкент ответил отказом, ссылаясь на то, что речь идет о внутреннем деле суверенного государства. В результате санкций со стороны Запада Узбекистан оказался в полуизоляции на международной арене, а его отношения с США резко ухудшились.

В свою очередь, согласно официальной узбекской пропаганде, именно Вашингтон инспирировал андижанский бунт. В авторитарных государствах считают, что народы с любовью, уважением и трепетом относятся к собственным правителям. А выступления против власти являются следствием коварных происков зарубежных центров, которые играют на политической близорукости и детской наивности некоторой части населения. К внешним «интриганам» можно отнести исламистов, ваххабитов, террористов, США и кого угодно. Узбекские власти увидели в андижанских событиях руку Вашингтона, который воспользовался временными трудностями и, подкупив часть населения, спровоцировал бунт.

По требованию Ташкента американский воинский контингент в конце 2005 года был выведен из Узбекистана. Тем не менее позиция Вашингтона не изменилась и сегодня: требование о проведении международного расследования событий в Андижане сохраняет силу. Но и узбекские власти не остаются в долгу. К настоящему времени в республике прекратили деятельность практически все американские неправительственные организации. Со временем санкции в отношении Узбекистана были отменены. Но политические проблемы в отношениях все-таки остались.

После заявления К. Бакиева о закрытии базы на территории аэропорта «Манас» косвенную поддержку американцам выразили практически все среднеазиатские президенты. Перенос базы мог быть осуществлен, например, в Таджикистан или в Казахстан. В случае передислокации в Айни, расположенный в десяти километрах от Душанбе, расстояние до Кабула сокращается вдвое – с 1000 до 450 километров. Более того, отсюда самолеты коалиции имеют возможность долететь до любой точки Афганистана. Тем более что в Душанбе уже разместились военно-воздушная база НАТО. В основном здесь располагается французский воинский контингент. На авиабазе постоянно находятся военно-транспортные самолеты ВВС Франции и свыше 120 военнослужащих.

Но этим сотрудничество стран НАТО с Таджикистаном не ограничивается. Например, Великобритания с 2001 года финансирует программу по изучению английского языка в Военном лицее и Военном институте республики, а в специализированных учебных заведениях британских вооруженных сил ежегодно стажировались группы таджикских офицеров.

В Душанбе побывала делегация бундесвера во главе с бригадным генералом Юргеном Борнеманном. В ходе визита обсуждались вопросы укрепления военного и военно-технического сотрудничества между Германией и Таджикистаном, а также отмечена необходимость скорейшего заключения двустороннего соглашения в военной сфере. На полигоне Фахрабад (в 25 километрах к югу от Душанбе) прошло совместное тактическое учение подразделений Вооруженных сил Таджикистана и Франции. Оно состоялось в соответствии с планом военного и военно-технического сотрудничества двух государств на 2004 год.

Повышенный интерес к Таджикистану проявляют и США. Успешно действует американская программа иностранного военного финансирования. Так, в 2003 году помощь Белого дома республике составила порядка 100 млн долларов США, значительная часть которых пошла на расширение военного и военно-технического сотрудничества.

В начале февраля 2009 года американский посол в Душанбе Трейси Энн Джейкобсон после встречи с президентом Эмомали Рахмоном заявила, что он «подтвердил готовность Таджикистана в оказании содействия США в транспортировке коммерческих грузов в Афганистан через свою территорию». В списке грузов горюче-смазочные, строительные материалы, продовольствие и «прочее», как сообщила посол.⁷⁹

В Казахстане также рассматривался вопрос о размещении баз НАТО в самом начале антитеррористической операции в Афганистане. В частности, велись переговоры о размещении военной авиации. Казахстанская сторона предложила аэродром в городе Шымкенте или в селе Луговом, ныне Кулан. Но качество взлетно-посадочных полос не устроило западных военных. Также звучала информация о возможности размещения вблизи Караганды американской мотопехотной бригады численностью до 5 тыс. человек. Но и от этих планов отказались из-за технических проблем.

При содействии США в Атырау были построены казармы для военнослужащих республики. Американцы затратили на их строительство 19 млн долларов. Неоднократно выделялись гранты и на создание казахстанского флота на Каспии.

Двоякость ситуации приводит порой к неожиданным заявлениям и действиям руководителей региона. Президент Н. Назарбаев в марте 2007 года заявил о том, что в Казахстане никогда не будет американских баз. В то же время в стране размещены несколько военных баз России. Но американцы в тот период и не рассматривали вопрос о размещении

⁷⁹ Свободная пресса. 2009. 25 февраля.

своих баз в Казахстане. Но им нужен был запасный аэродром в случае различных непредвиденных ситуаций. В декабре 2008 года такое согласие было получено, и казахстанский парламент ратифицировал соответствующие договоры. Заместитель министра иностранных дел Казахстана Кайрат Сарыбай 2 декабря 2008 года разъяснил, что «ратифицированные документы прописывают порядок и условия предоставления аэропорта Алматы вооруженным силам США и НАТО, а также предоставляют американским самолетам возможность бесплатно получать от Казахстана аэронавигационное обслуживание». Конечно, формально это не предоставление базы, но все-таки она остается на месте.

Уход американцев из региона и прекращение их присутствия в Афганистане – «черная» картина будущего для лидеров Центральной Азии. В их памяти все еще свежи прорывы боевиков в пределы Кыргызстана и Узбекистана. Тогда обвиняли руководство Таджикистана. Но никто не поднимал вопрос о том, где же были российские пограничники, прикрывавшие таджикско-афганскую границу? Почему боевики прошли через территорию, на которой дислоцирована 201 – я российская дивизия, которая должна была оберегать республику от поползновений террористов?

Уход американцев в реальности означает немедленное падение режима Карзая и новый виток войны. А значит, южные рубежи СНГ вновь станут подвержены атакам боевиков, хорошо обученных и оснащенных, способных разгромить армейские подразделения практически всех стран региона. Тем более что к настоящему времени талибы присутствуют на 70 % территории Афганистана. Конечно, они не контролируют всю территорию страны, но само присутствие уже выглядит пугающе.

Таким образом, единственный щит, прикрывающий государства региона с юга, окрашен в цвета американского флага.

В целом можно говорить о том, что появление западной коалиции в регионе сыграло свою позитивную роль. Угроза нарастания проникновения боевиков из Афганистана устранена благодаря военной операции. После американского вторжения в Афганистан базы основного возмутителя спокойствия – Исламского движения Узбекистана – были уничтожены, а его лидер Джума Намангани был убит.

Если ранее на пути талибов был Северный альянс, поддерживаемый Россией, Узбекистаном и Таджикистаном, то в настоящее время эта миссия досталась правительству Карзая. Все понимают, что оно опирается на штыки американцев и их союзников. Но для руководителей стран Центральной Азии решена важная проблема – ликвидирована угроза военного вторжения с целью поднять против властей недовольное гражданское население. И заслуга в этом принадлежит Западу, но не России, ОДКБ или Централь-ноазиатскому союзу. Поэтому попытки воссоздания КСОП⁸⁰ или подобных структур не вызывают горячего энтузиазма в странах региона. Понятна бессмысленность создания совместных с Россией сил реагирования на угрозы, которые уже ликвидированы американцами.

Борьба против терроризма и продвижение демократии являются, по существу, адекватными задачами. Американцы убеждены в том, что «демократии не воюют друг с другом». Данный тезис, которого придерживаются все последние американские президенты, подтверждается и эмпирическими данными. Политолог Рудольф Раммел подсчитал количество войн с 1816 по 1991 год и описал их участников. Согласно его подсчетам, за этот период демократии не вступали в войну с другими демократиями ни разу; демократии воевали против

⁸⁰ Коллективные силы оперативного реагирования.

недемократических режимов 155 раз; недемократии сталкивались между собой 198 раз.⁸¹

Альтернатива – США или Россия – вполне разрешима. Но для Центральной Азии гораздо более важны последствия этого выбора. Американцы уже давно ведут операцию по принуждению к демократии. Суть заявлений госсекретаря США Колина Пауэлла и его помощника по странам Европы и Евразии Элизабет Джоунс, министра Дональда Рамсфелда сводится примерно к следующему: «Когда конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых средств массовой информации».

Поэтому нужно выбрать что-то одно – безопасность в сочетании с принуждением к демократии или нестабильность при совместном выживании недемократических режимов. Но еще жестче выбор между длительным и упорным сопротивлением «демократическому нажиму» США или утратой суверенитета вследствие жесткого вмешательства России.

Правящие режимы продолжают сопротивляться «принуждению к демократии», хотя условия для демократизации все-таки существуют. Проблема вторжения талибов отпала, поэтому нужда в западном союзнике также перестала быть актуальной. Отсюда и усиление влияния России, во всяком случае, церемониальное. Но это не победа Кремля. Запад отложил решение в долгий ящик, поскольку появились более важные задачи. Дело в том, что сохранение светских режимов, препятствующих, пусть даже неэффективно, развитию международного терроризма, позволяет США в некоторой степени уступить свои позиции в регионе. Теперь они могут сосредоточить свои усилия и средства на разрешении проблемы создания устойчивых и дееспособных режимов в Афганистане и Ираке. Именно эти страны являются ключевыми в обеспечении региональной и глобальной стабильности и безопасности.

Глава четвертая **Демократия в песках Центральной Азии**

*Знай, что у подданных мусульман имеются права, с которыми
государь обязан считаться.*

Мухаммед Хайдар Дулати

⁸¹ Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. С. 157–158.

Центральная Азия в политологической литературе и оценках специалистов, политиков и аналитиков считается регионом, обреченным на существование в условиях тоталитаризма, в лучшем случае – «просвещенного авторитаризма». Эти оценки не новы. Они отражают давнюю тенденцию части западных политологов, которые жестко связывают понятие «Восток», прежде всего исламский, с косностью, патернализмом, традиционализмом, склонностью к тоталитарным моделям существования. Успех «дальневосточных тигров» объясняется конфуцианской ментальностью и особым поведенческим стереотипом японцев, корейцев и китайцев. Примеры относительно удачного демократического развития на Востоке имеют свои недостатки. Демократия в Турции сочетается с особой ролью армии в сохранении кемалистских конституционных основ. Япония подает пример демилитаризации и демократизации под воздействием оккупировавших эту страну США. Тем не менее японская демократия имеет клановый характер и периодически поражается коррупционными скандалами. Демократия в Корее – результат многолетних усилий США и серии экспериментов с правлением военных. Не свободная от недостатков демократическая модель Индии досталась в наследство от английского колониализма.

К сдерживающим факторам в построении демократических обществ относится религия. В оценках экспертов звучит как аксиома утверждение о несовместимости ислама и демократии. Так ли верно данное утверждение? Ведь еще полвека назад считалось, что страны с сильной католической церковью не способны создать демократическое общество. Но пример крушения каудилизма в Испании и Португалии показал, что сильные позиции католической церкви вовсе не являются тормозом на пути демократии. В Польше и Литве оказалось, что католическая церковь вполне может поддержать борьбу за суверенитет, права человека и демократию. Буддийские монахи в Таиланде стали движущей силой и моральным авторитетом в борьбе против коррумпированного правительства.

Утверждение о том, что ислам несовместим с демократией, весьма спорно. Как спорны оценки уровня исламизации Центральной Азии. Окончание «стан» в названии страны не является основанием для отнесения ее к фундаменталистским государствам.

Центральная Азия унаследовала все «родимые пятна» политологических оценок. Автоматически все пять республик стали «исламскими», хотя конституционно они являются светскими государствами. Доля европейского, неисламского населения в республиках колеблется от значительной в Казахстане до небольшой в Туркменистане, что все-таки не позволяло говорить однозначно о мононациональном и моноконфессиональном характере

стран. Кроме того, ислам в Кыргызстане и Казахстане носил поверхностный, обрядовый характер. В современной истории только Таджикистан и Узбекистан отличились созданием партий на религиозной основе.

Нельзя забывать и того, что все 15 советских республик вышли из одного тоталитарного атеистического государства – СССР. Отличительной чертой этой страны было идеологическое господство Коммунистической партии. Как пишет Том Бетелл: «В коммунизме примечательно то, что люди, не верившие в Бога, поверили в возможность сконцентрировать в едином центре богоподобное знание. Они поверили, что правительство может быть всеведущим и всемогущим. А чтобы оправдать идею о том, что все люди должны жить по единому плану, все коммунистические режимы занимались обожествлением своих вождей – Ленина, Сталина, Мао или Ким Ир Сена».⁸²

Здесь происходит сочетание и противодействие фундаменталистской, оппозиционной и светской авторитарной тенденций. А это вовсе не препона демократии. Авторитарные режимы Центральной Азии вполне атеистически считают, что они и только они способны регулировать все процессы, происходящие в обществе и экономике. «Это, разумеется, иллюзия. Ни один человек и ни один правитель не в состоянии охватить весь процесс социальной эволюции, а тем более в столь быстро меняющемся обществе». А «те, кто думает, что порядок вещей изменится лишь потому, что приходят более настойчивые и умелые, совершает громадную концептуальную ошибку». И все потому что правительства заседают, а производит народ.⁸³

В то же время в беззащитности частной собственности исламские страны и Советский Союз, а после его распада и новые государства, оказались достаточно близки. Разрыв между правом и практикой в этих странах оказался очень значительным, а беспомощность перед возможным секвестрованием государством личной и частной собственности, даже у влиятельных людей, абсолютной.

Ситуация в Центральной Азии еще раз подтверждает истину о том, что не существует универсального и однолинейного пути к демократии. Дорога слишком сложна и требует наличия множества составляющих. Необходимо преодолеть один существенный стереотип, что народы Центральной Азии все еще не готовы к демократии. Этот тезис с уверенностью повторяют и исследователи, и оппозиционеры, и правящие элиты. Это странное объединяющее начало для сторонников авторитаризма и либерализма, демократии и автократии скрывает слабость, неверие, безволие, апатию тех и других. Одним выгодно сохранить статус-кво, другим – объяснить свое неумение и отсутствие воли, третьим важно иметь аргумент, объясняющий все с точки зрения науки.

Как был сформирован этот аргумент?

Все началось еще в советские годы, когда в политической литературе господствовала идея привнесения социализма в отсталые окраины Российской империи. Она была выведена из некоторых замечаний К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности построения социализма в отсталой России при поддержке победившей европейской социалистической революции. На этой основе был сделан уже другой вывод – поддержка передового российского пролетариата должна была стать решающей силой в построении социализма в восточных отсталых окраинах, в осуществлении скачка от феодализма к социализму, минуя капитализм. Зарубежные исследователи шли в фарватере этой теории. Но о социализме и его качестве мы уже говорили.

⁸² Бетелл Т. Собственность и процветание. – М: ИРИСЭН, 2008. С. 197.

⁸³ Сото Э. де Иной путь. – Челябинск: Социум, 2008. С. 254–255.

В период Перестройки схема осталась прежней – демократия привносилась в национальные республики Востока извне, из российского центра. Само местное население, по мнению аналитиков, не способно было самостоятельно воспринимать демократические ценности, а тем более воспроизводить их. Традиция не нова. В годы революционных потрясений в восточных колониях считалось, что удел демократии – бремя белого человека. После Октябрьской революции 1917 года европейское население Центральной Азии отказывало в равных правах мусульманскому большинству на том основании, что оно было «авторитарным и малограмотным. Демократия представлялась им как фундамент ценностей меньшинства, а не как признание прав большинства. Полная независимость и власть большинства (автохтонного), по мнению меньшинства (русского), привела бы к отрицанию демократии как главного завоевания Февральской революции». Вывод был в том, что туземцы не способны к самоуправлению.⁸⁴

Отсюда и теория о том, что «независимость свалилась» на республики Центральной Азии как результат противоборства в Москве. Но это ошибочное представление. В годы позднего социализма помимо воли советского руководства шло формирование институциональных структур независимости. Например, узбекские политологи А. Арапов и Я. Уманский пришли к выводу, что лидеры советского Узбекистана Файзулла Ходжаев, Акмаль Икрамов, Усман Юсупов, Шараф Рашидов «заложили кадровый, социально-экономический и культурный базис независимости. Их противоречивая и драматическая деятельность может быть расценена как особая форма национально-освободительного мирного пути, адаптированного к условиям протектората сверхдержавы над Узбекистаном».⁸⁵ На самом деле в каждой союзной республике СССР был свой парламент, правительство, судебная система, даже Министерства иностранных дел и другие атрибуты самостоятельного государства. Можно констатировать, что они в своем большинстве были не рабочими органами, а атрибутами, поскольку реальная власть сосредотачивалась в партийных органах. Но во время Перестройки и ослабления КПСС атрибуты стали наполняться реальным содержанием и пришли в движение.

Лидеры советской Средней Азии и Казахстана, такие как Д. Кунаев, Ш. Рашидов, Т. Усубалиев, М. Гапуров, конечно, и не мечтали о независимости. Но об объективном росте экономического и интеллектуального потенциала восточных республик, изменении демографической ситуации в пользу «исламских» народов, росте межнациональных и внутринациональных противоречий, протестных настроений среди «репрессированных» народов уже много писали западные исследователи. Гласность дала возможность поставить многие вопросы, на которые так не нашли ответов в рамках советской Конституции, политической модели и коммунистической теории. Социализм как система уже изжила себя, а вместе с ним и национальная политика КПСС. Нельзя забывать и о том, что борьба с различными формами проявления национального самосознания, которые характеризовались как националистические, велась практически все годы существования СССР. Разоблачение и уничтожение султан-галиевщины, ходжановщины, мендешевщины, пантюркизма, национальных феодально-байских эпосов, правозащитных организаций продолжалась от революции до Перестройки.

Миф о неготовности народа к демократии, созданный российскими учеными путем

⁸⁴ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. – М.: Звенья, 2007. С. 162.

⁸⁵ Арапов А. Уманский Я. Азийство: внешнее и внутреннее проявление этнополитики // Свободная мысль. 1993. № 8. С. 50.

использования аргументов западных коллег, примененный к народам Центральной Азии, сегодня достаточно активно используется представителями правящих режимов. Складывается впечатление, что только они имеют особый доступ к неким барометрам, показывающим политическую погоду и степень готовности народа к демократии.

Но куда деть историю? Еще в годы колониальной зависимости в Средней Азии возникло влиятельное реформистское движение джадидов, которые видели выход из отсталости в современном образовании и открытости достижениям других народов, прежде всего европейских. Формировалась идеология пантюркизма на основе просвещения, прогресса и единения перед лицом колониализма. Как только в Российской империи были объявлены выборы в Государственную думу, мусульмане стали активно организовывать избирательную кампанию. В четырех Государственных думах мусульмане были представлены 79 депутатами. Было избрано 25 депутатов в Думу первого созыва, 37 мусульман – во вторую, 10 – в третью и 7 – в четвертую Думу. Нужно учесть, что Средняя Азия подверглась дискриминации и не смогла избрать соответствующее количество депутатов.⁸⁶

Поскольку отдельные депутаты избирались дважды и более, то интересы мусульманского населения страны представляли всего 67 персон, объединившихся в самостоятельную мусульманскую фракцию. Во второй Думе уже была мусульманская фракция, которая в своей основной массе ориентировалась на конституционных демократов.

В начале XX века в мусульманских регионах России издавались десятки газет и журналов, пропагандирующих самые разные политические взгляды. В среде местного населения возникли самые разные политические течения – от пантюркизма, панисламизма, джадидизма, социал-демократии до крайнего национализма. Спектр партий был весьма широк.

Активным было движение на Востоке в 1917 году. Во время выборов в Учредительное собрание население Центральной Азии проголосовало против большевиков. Они отдали предпочтение умеренным партиям. Оценка деятельности большевиков была дана лидером казахского освободительного движения Алиханом Букейхановым в известной «Памятке крестьянам, рабочим и солдатам» от 1 декабря 1917 года. Он писал: «Ульянов-Ленин, председатель народных комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желает давать отчета ни перед кем, контроль народа над распоряжениями правительства называет буржуазным предрассудком».⁸⁷

Возникали попытки формирования государственности в виде автономии в составе демократической и федеративной России до объявленного джихада против нее. Кокандская и Алашская автономии, движение басмачей, профсоюзы, левые и правые организации являются показателем того, что еще сто лет назад Восток был вовсе не тихим и послушным. Даже после беспощадного подавления всех противников Советской власти коллективизация вызвала новую волну выступлений, в том числе и с оружием в руках. Значительный урон нанесли массовые репрессии 30-х годов. В послевоенные годы в СССР шла борьба с тенденциями, которые выражались в «протаскивании в произведения литературы и науки теории "единого потока", идеализации исторического прошлого, в игнорировании совместной борьбы народов нашей страны против общих внутренних и внешних врагов, в сознательном подчеркивании именно тех

⁸⁶ См.: Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917) / Ред. Тагиров И. Р (науч. ред.). – Казань: Мастер Лайн, 1999.

⁸⁷ Букейханов А. Избранное. – Алматы, 1995. С. 414.

моментов, которые разъединяют трудящихся разных национальностей». ⁸⁸

Весь период существования СССР шла неустанная борьба против национальных движений. И попасть в ряды националистов можно было в любой момент и по любому поводу. В Записке ЦК КПСС при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС «О так называемом национал-уклонизме» говорится следующее: «Одних считали "национал-уклонистами" за то, что они выступали за ускорение темпов коренизации государственного и партийного аппарата в национальных районах, других – за то, что они определяли темпы индустриализации в восточных районах страны как недостаточные, третьих – за критику упущений в работе руководящих органов и отдельных руководителей, четвертых – за выступления в пользу ускоренного изучения языка коренного населения некоренными жителями республик и областей, пятых – за ошибки в национальном вопросе, шестых – за мнимую связь с контрреволюционными элементами». ⁸⁹

В восточных республиках основными обвинениями были пантюркизм, попытки создания «Туранского» государства из Татарии, Башкирии, Казахстана и Средней Азии, покровительство кулакам и баям, выступление против национально-государственного размежевания и поддержка джадидов. ⁹⁰

В годы Перестройки в Средней Азии и Казахстане были созданы различные политические и общественные объединения. Практически Перестройка декларировалась как реконструкция системы, не более того. Даже самые «демократические» по содержанию сборники имели то же содержание – размышления о реформировании социализма, придании ему «человеческого лица». Об этом говорит хотя бы название, данное прогрессивными авторами своему первому сборнику статей «Иного не дано». Например, А. Бовин в статье «Перестройка и социализм» писал: «Мы поворачиваем не в сторону от социализма, а именно к социализму, заменяя одну исторически изжившую себя форму другой, то есть модернизируем, совершенствуем социализм применительно к новым условиям». ⁹¹

Но альтернатива Перестройке и созданию обновленного СССР все-таки была. Представители национальных республик первыми заговорили о рынке без социализма, самостоятельном существовании вне СССР. Балтийские политики заговорили о выходе из состава Советского Союза Эстонии, Латвии и Литвы и вхождении в состав «Большой Европы». В республиках Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане и Узбекистане, все чаще поднимали вопрос о создании исламских государств. О создании «самостийной Украины» открыто говорили на майданах. Из всех окраин шли сигналы о возможности альтернативного социализму пути.

Попытки М. Горбачева воспрепятствовать тенденциям выхода из состава СССР были подкреплены силовыми действиями, когда идеологических аргументов не хватило. Жесткие действия осуществлялись в Алма-Ате, Баку, Ташкенте, Вильнюсе. Активное использование силовых структур, расхождение между провозглашенным вновь принципом равенства наций и игнорированием их интересов в период Перестройки быстро привело к пониманию того, что у

⁸⁸ Национальная политика КПСС. Очерк историографии. – М.: Политиздат, 1981. С. 163–164.

⁸⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 79.

⁹⁰ *Титов А. Г., Смирнов А. М., Шалагин К. Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917–1934 гг.). – М: Высшая школа, 1974. Глава «Разгром национальных уклонов в ВКП(б)».

⁹¹ В кн.: Обратного хода нет. – М: Политиздат, 1989. С. 39.

социализма уже нет необходимого потенциала для совершенствования. Либо система завершит реформу новым витком репрессий, либо она распадется.

О возможности перехода политических процессов в силовое противостояние говорили лидеры центральноазиатских республик. Например, на заседании Политбюро ЦК КПСС 30 января 1990 года при обсуждении вопроса о подготовке референдума о сохранении СССР Ислам Каримов поддержал мнение прибалтийских руководителей о том, что референдум может привести к обострению национальных отношений. Тогда он был сторонником Союза и проведения референдума, но предупреждал, что «в процессе подготовки референдума страсти разгорятся. Будет вестись обработка населения. Среди него есть какая-то часть, которая сегодня сидит спокойно, но говоря о которой нужно помнить узбекскую пословицу "Не наступай на хвост спящему льву". Если сядем им на хвост, то они начнут будоражить. Какой-то процент населения, возможно, себя проявит. Почему? Я убежден, что в Узбекистане обстановка ухудшится. И лучше провести его сегодня, чем завтра. Потому что завтра появятся силы, которые будут говорить о пантюркизме... Прибалтика – это одно дело, а Средняя Азия – другое. У нас, если этот взрыв произойдет, то его трудно будет остановить. Большой кровью он обойдется».⁹²

Начало 90-х годов XX века характеризовалось тем, что впервые на политическую арену Центральной Азии стали выходить различные политические движения. Они не всегда были демократическими и даже чаще всего – не были. Под флагами борьбы с советской системой выступали движения, считавшиеся исламскими, освободительными, демократическими, а иногда и просто ставленники криминальных структур. Тем не менее это была альтернатива существующим режимам. И в большинстве случаев исламизм был идеологической альтернативой, но не политической программой, ведущей к установлению фундаменталистских режимов. В конце 80-х и начале 90-х годов в политической оппозиции Центральной Азии все-таки преобладали демократически настроенные лидеры. И напор их был достаточно серьезным. Исламская оппозиция заняла лидирующие позиции в Таджикистане. Казахский Верховный совет, избранный на альтернативной основе, представлял собой реальный центр власти. Несмотря на заверения руководителей угольной отрасли, казахские шахтеры поддержали своих российских коллег и вышли на улицы Караганды. ЦК Компартии Кыргызстана был отстранен от власти, а президентом был избран тогда демократический альтернативный кандидат, академик А. Акаев. В странах региона стремительно росла численность партий, общественных объединений и неправительственных организаций (НПО). Появились и набирали популярность негосударственные издания. В парламентах заседали независимые депутаты, активно участвовавшие в дебатах. В органы власти приглашались представители науки, журналисты, предприниматели.

Казалось бы, набирает силы благоприятная тенденция, которую необходимо поддержать. Опыт Кыргызстана, который представлялся в начале 90-х годов XX века «островком демократии», внушал определенные надежды. Определение «островок демократии» было с максимальной возможностью использовано режимом А. Акаева для получения различных преференций. Тем не менее оно вызывало скепсис у жителей этой страны. Кыргызцы видели стремительное падение собственного уровня жизни по сравнению с Узбекистаном и Казахстаном, неэффективность государственной системы, слабость жизненно важных институтов – социальной политики, образования, системы жизнеобеспечения, правопорядка и

⁹² Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. – М., 2007. С. 261.

т. д. Тем не менее в Кыргызстане демократизация зашла дальше, чем в соседних государствах. Но время показало, что на деле это была не демократизация, а ослабление государства как регулирующего органа при отсутствии ресурсных возможностей вести активную экономическую политику. Внутренние противоречия – клановые, географические, экономические, социальные, региональные и многие другие – нашли свое внешнее отражение в формировании более 100 политических партий, что весьма чрезмерно для пятимиллионной страны. Но такая раздробленность не привела к установлению реальной демократии, а продлила существование режима личной власти А. Акаева, пользовавшегося противоречиями противников и соратников, которые весьма часто переходили из одного лагеря в другой.

Как видим, уже в 90-е годы формировалась и альтернатива демократическому, плюралистическому вектору развития. Стоящие у власти всегда имеют преимущества. Недемократические режимы, а они не могли быть демократическими хотя бы в силу самой ситуации распада тоталитарного государства, могут развиваться в любом направлении. «С одной стороны, они могут уважать права собственности и поощрять экономический рост... С другой стороны, недемократические режимы порой просто плюют на все заботы об экономике. Правители, не тревожась о следующих выборах, могут обогащаться, разграбляя богатство и отправляя добычу на счета швейцарских банков... Разве можно предсказать, какой путь выберет недемократический режим?»⁹³

Центральноазиатские режимы предпочли в итоге избрать второй путь. Но отражением борьбы между авторитарной и демократической моделью стало то, что во всех государствах Центральной Азии в те годы были сформированы атрибуты демократических государств – парламенты, партии, общественные объединения, судебная система, приняты демократические в целом конституции и заявлены права человека, созданы негосударственные средства массовой информации. Но со временем парламенты превратились в декоративные органы народного представительства, призванные обеспечивать легитимность решений исполнительной власти. За последнее десятилетие парламенты стран региона стали де-факто однопартийными, представляющими интересы существующей власти. Представители оппозиции и независимые депутаты не смогли преодолеть многочисленные препятствия в виде законодательных ограничений, запретов, фальсификаций и т. д.

Оппозиционные партии и движения были задвинуты за пределы поля принятия решений, а само понятие «оппозиция» под воздействием официальной пропаганды приобрело негативный оттенок. Но даже в этой ситуации находятся люди, которые если не требуют, то ставят вопрос о реализации полномочий парламента, средств массовой информации, партий и движений. А это уже говорит о возможности привести эту парализованную систему в действие. Поэтому политические режимы предпочитают не иметь сильных политических институтов, даже если они создают их сами.

Часто встречается утверждение, что старая восточная традиция не предполагает разделения власти, а тем более ее перераспределения, наличия сдержек и противовесов. В этом утверждении есть доля истины. Советская система жесткой централизации власти также не признавала никаких компромиссов, тем более политических. Уступки воспринимаются как слабость, которая позволяет оппоненту не довольствоваться частью власти, а захватить всю ее полноту. Отдать власть или хотя бы ее часть – значит потерпеть поражение и сделать шаг в сторону политической пропасти. Сделать еще одну уступку – значит оказаться в глубине пропасти. Это верно. Но верно относительно авторитарных систем, независимо от того, где они

⁹³ Беттел Т. Собственность и процветание. – М.: ИРИСЭН, 2008. С. 453–454.

произрастают – на Востоке или на Западе. Но в условиях перехода от авторитарных систем к демократическим важна сумма воздействий и единство воли всех участников процесса. Важен диалог, который позволяет выработать общие цели, методы их достижения, механизмы согласования и многое другое.

Важный фактор в условиях отсутствия демократических традиций и гражданского общества, партий и плюрализма – политическая воля правящего режима и политической оппозиции, которые формируют общественное мнение. В провале демократического вектора развития вина лежит не только на правящем классе, но и на оппозиции, которая мало чем отличалась от своих оппонентов. К сожалению, в Центральной Азии и большинстве стран СНГ политика оценивается как борьба, цель которой – уничтожение противника. Модель, унаследованная из прошлого, заключается в краткой формуле: «Горе побежденным!» А в такой борьбе все средства хороши. Политическая борьба как соперничество на основе конституции все еще далека от Центральной Азии, как от правящих кругов, так и от оппозиции.

Можно согласиться, в основном, с Б. Ю. Кагарлицким, который писал, что «ни одна массовая общественная группа в России (СССР) 80-90-х годов не смогла выработать собственной идеологии и видения перемен, альтернативных тем, что предлагали те или иные круги номенклатуры. Это объясняет и поразительную легкость, с которой "социализм с человеческим лицом" можно было поменять на "свободный капитализм", лозунг "Вся власть Советам" – на "сильную исполнительную власть" и "десоветизацию", не теряя управления процессом. Большинство населения покорно шло в фарватере реформаторов точно так же, как оно привыкло подчиняться любой иной власти».⁹⁴

Фактически вся политическая борьба свелась к противоборству элит, время от времени пытавшихся привлечь массы к решению собственных задач. А поскольку к низам за поддержкой обращалась слабейшая сторона, в любых столкновениях элит массам отводилась роль жертв.

О такой ситуации можно говорить применительно ко всем странам Центральной Азии. Например, Бахадыр Мусаев пишет по поводу узбекской оппозиции следующее: «В новейшей политической истории страны репрессии против демократической светской оппозиции начинаются с октября 1989 года. Именно тогда создалась конфликтная ситуация в среде оппозиции, связанная с тем, что в движении "Бирлик", точнее в ее руководстве, создалась нездоровая обстановка. На наш взгляд, оппозиция и оппозиционность были совершенно неизвестными явлениями в новейшей политической истории Узбекистана. В республике, думается, она (оппозиция) начинала только зарождаться. Нужно было время и терпение для работы, чтобы оппозиция стала развиваться, т. е. обозначаться структурально... Начиная с 1989 года и по сей день вместо терпеливой и долгой работы для дальнейшего структурирования и консолидации сил в среде оппозиции начались интриги, разборки и соперничество».⁹⁵ Это частное мнение, которое может быть оспорено, но оно вполне применимо ко всей светской оппозиции стран Центральной Азии.

Становление государств Центральной Азии происходило в условиях отсутствия гражданского общества. Орудием интеграции общества здесь были государственные структуры, а средством становились насильственные методы. Стабильность как несменяемость

⁹⁴ Кагарлицкий Б. Ю. Латиноамериканские сюжеты в российской политике. – Латинская Америка. 1995, № 6. С. 55.

⁹⁵ Мусаев Б. Андижанский веер – машина для убийства // <http://ca-oasis.info/analitic/?p=4&cont=148&id=22>

власти стала не только лозунгом государственных структур и правящих режимов, но и практикой деятельности, мерилем отношения к любым общественным и политическим явлениям. Все, что противоречило или даже ставило под сомнение провозглашаемую стабильность, должно было исчезнуть.

Отличительной чертой диктатуры в таких условиях является бесконечность политических процессов. Важен не результат, а процесс. И организация этого процесса имеет своей целью удержаться во власти. Процесс демократизации, по мнению правящих режимов, имеет множество стадий. Это утверждение не вызывало бы возражений, если бы на каждом этапе происходили позитивные изменения, если бы демократии становилось бы больше, законы совершенствовались, а права человека наполнялись реальным содержанием. Но все наоборот. Демократизация оказалась процессом, не меняющим ситуацию, поскольку реальная демократия означает возможность смены власти. А это, в понимании правящих групп, – нарушение стабильности. Развитие парламентаризма никогда не закончится формированием парламентской республики или созданием реального парламентаризма, поскольку это также означает смену власти или ее возможность, или, во всяком случае, ограничение существующей власти. И это также ведет к нарушению стабильности в понимании авторитарных режимов. В такой парадигме не могут существовать реально оппозиционные партии. Поэтому партийная система фактически сводится к существованию партии власти, которая практически одна представлена в парламенте. В свою очередь вся политическая деятельность «правлящих партий» контролируется и направляется исполнительными органами власти.

Наличие других партий разрушает стабильность и порядок. Поэтому их просто нет или они рассматриваются как болезнетворные вирусы, разрушающие здоровый организм. Поскольку на дворе XXI век и без оппозиции нельзя, она создается самой властью для того, чтобы всегда проигрывать выборы. Порой доходит до курьезов, когда оппозиционные кандидаты предлагают голосовать за своих противников из стана провластных партий.

Демократическая избирательная система означает непредсказуемый итог выборов, что является признаком нарушения порядка. Поэтому контроль выборов является еще одним существенным признаком авторитарной системы. Доверить такое важное дело, как выборы, самим избирателям нельзя ни в коем случае. Поэтому уроки И. Сталина о том, что важно не как голосуют, а как считают, остаются актуальными.

Организованная правящая система в своей политической практике рассматривает демократию как неизменность собственной победы на выборах. Попытки международных организаций изменить ситуацию сталкиваются с различными преградами. Поскольку необходимо авторитетное международное подтверждение легитимности выборов, СНГ даже создало систему собственных международных наблюдателей, которые во время выборов неизменно подчеркивают их соответствие демократическим нормам. В то же время наблюдатели из других государств и организаций, допущенные к выборам, дают противоположную оценку.

Невозможность реальной демократизации властями объясняется «неспособностью народа на данном этапе развития к восприятию демократии». Весьма часто используется тезис о том, что демократическими процедурами могут воспользоваться различного рода экстремисты, фундаменталисты и даже криминальные группы. Естественно, что все они при попустительстве «недоросшего до демократии» народа будут раскачивать лодку стабильности.

Например, 28 апреля 2009 года председатель сената парламента Казахстана Касым-Жомарт Токаев встретился с делегацией Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (БДИПЧ/ОБСЕ) во главе с Янешем Ленарчиком. В ходе беседы Касым-Жомарт Токаев информировал гостей о том,

что рекомендации организации внимательно изучаются и учитываются. При этом спикер сената добавил, что «рекомендации не могут быть учтены в полном объеме в силу существования страновой специфики». В противном случае рекомендации обретут характер «инструкций», что противоречит духу конструктивного сотрудничества. Но «страновая специфика» не позволяет реализовать базовые принципы демократии. С точки зрения Е. Ертысбаева, советника президента Казахстана, Касым-Жомарт Токаев, возможно, имел в виду то обстоятельство, что социально-политическая культура Казахстана довольно сильно отличается от культуры стран Западной Европы. Потому что там демократия в полном объеме – это не только права человека, разделение ветвей власти. Это еще и продажа легких наркотиков, эвтаназия, однополые браки, которые законодательно закреплены. Казахстан, по словам Ермухамета Ертысбаева, в значительной степени азиатская страна, и у него есть специфические особенности, которые делают невозможным в полном объеме пока, на данном этапе, функционирование западноевропейских не только демократических, но и культурологических ценностей на территории Казахстана. Таким образом, в ответе советника проблема легких наркотиков или гомосексуализма используется для ухода от обсуждения вопроса о правах человека, разделении ветвей власти и т. д.

Пресловутая «страновая специфика» в Центральной Азии является региональной болезнью правящих авторитарных режимов, исключающих возможность конституционной смены власти. На деле вся специфика заключается не в отторжении идеи и практики демократии обществом, а в подавлении общества авторитарными режимами.

Сложившиеся в Центральной Азии однопартийные авторитарные режимы, по мнению правящей элиты, наиболее адекватны местным традициям, соответствуют восточной ментальности народов. Однопартийная система, по их мнению, позволяет преодолеть разобщенность общества, предотвратить политизацию этничности и конфессий, консолидировать нации в развитии экономики и политической системы, реализации различных социальных программ. Естественно, и оппозиция нужна. Ее существование является показателем демократичности государственной системы. Но обязанность этой оппозиции – критиковать отдельные недостатки, а не всю систему. Более того, она должны быть «системной», то есть встроенной в авторитарную систему отношений и занимающей отведенное место.

И в этом также нет ничего нового. Руководители современной Центральной Азии повторяют те же доводы, что приводили лидеры стран третьего мира. Например, президент Египта Насер был убежденным противником плюрализма, а многопартийность расценивалась им как синоним нестабильности. Египетский писатель Тауфик аль-Хаким, убежденный либерал, вспоминал, как в период принятия Национальной хартии (май 1962 года) он через своих друзей высказал Насеру мысль о целесообразности создания в стране двух партий – умеренной и радикальной, с тем чтобы «ослабить давление масс», снять «непосильную ношу ответственности» с президента, «правлящего единолично». В ответ Г. А. Насер выразил опасение, что подобный шаг «мог бы вызвать противоборство в стране, замедлить ее движение, основной же заботой каждой партии станет уничтожение конкурента».⁹⁶

Но даже доминирующие или правящие партии в Центральной Азии не являются в реальности политическими институтами. Ни одна партия, «правлящая» в государствах региона, не имеет права на самостоятельные политические действия, кадровые назначения даже в собственном аппарате, не может производить и реализовать собственную программу или

⁹⁶ Национально-демократическая революция: сущность и перспективы. – М: Наука, 1990. С. 141–142.

политические установки. На деле такие партии являются довеском к институтам исполнительной власти и согласовывают все свои действия с ними. Вместо задуманной политической организации, связующей лидера с массами, появляется еще одна бюрократическая структура. Тем более, что сами партии в Центральной Азии создаются правительством, в то время как однопартийные диктатуры в XX веке в других странах создавались партиями.

Несмотря на государственное происхождение «правлящих партий», они вполне укладываются в классификацию, предложенную М. Дюверже. «Единственная партия имеет тенденцию превращаться в клиентелу диктатора, связанную с ним теми привилегиями, которыми пользуются ее члены...» Партийная дисциплина, обожествление вождя и широко принятое здесь самовосхваление весьма быстро приводят к изоляции членов партии от масс, и они начинают скрывать их подлинные настроения. К тому же необходимость «угождать» всем иерархическим инстанциям обязывает искажать истину по мере передачи от одной инстанции к другой, заменяя ее вымышленными сведениями, которые можно было бы выдать за мнение низов». ⁹⁷

Мы можем считать правильным применение к Центральной Азии утверждения М. Дюверже о том, что «однопартийность – естественное следствие марксистской доктрины и политического строя Советского Союза». ⁹⁸

Опыт стран третьего мира показал, что существование однопартийных авторитарных режимов вовсе не гарантирует социальный и экономический прогресс, демократию и права человека. Все они привели свои страны к экономическому краху, гражданским войнам и столкновениям, катастрофическому падению уровня жизни. Даже советские ученые в период Перестройки были вынуждены признать, что «большинство стран, придерживающихся в настоящее время социалистической ориентации или вступивших на этот путь временно в недавнем прошлом, относится к числу наиболее отсталых в социально-экономическом отношении». ⁹⁹ В этой череде – Эфиопия, Ангола, Ливия, Вьетнам, Бирма и многие другие.

В длительном споре о зависимости демократии и свободного предпринимательства можно согласиться с одним фактом: диктаторы редко приветствуют свободные рыночные отношения. Бирма, Куба, Ливия, Северная Корея и Зимбабве – страны с наименее свободной экономикой по данным «Индекса экономической свободы 2008», выпущенного «Уолл стрит джорнэл» и «Фондом наследия». «Концентрированная власть такого рода, который позволяет выжить этим политическим системам, предполагает централизованную, командную экономику, которая вознаграждает приверженцев данного режима и наказывает всех остальных». ¹⁰⁰

Успех демократизации в значительной, но не в определяющей мере зависит от внешнего фактора. Не секрет, что Восточная Европа, Прибалтика своим быстрым продвижением к демократическим ценностям во многом обязаны зарубежной поддержке. Многочисленные западные институты, оппозиционные лидеры, получившие европейское или американское образование, волонтеры способствовали интенсивному заполнению политического пространства идеями прозрачных и справедливых выборов, защиты прав человека,

⁹⁷ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000. С. 321–322.

⁹⁸ Там же. С. 325.

⁹⁹ Национально-демократическая революция: сущность и перспективы. – М: Наука, 1990. С. 27.

¹⁰⁰ Journal USA. Госдепартамент США. 2008. Июнь. Т. 13. № 6. С. 20.

ответственности политиков и государства перед обществом, формирования объединений граждан, свободной прессы и многого другого.

Восточные республики не имели такой широкой поддержки. В начале 90-х годов XX века основным локомотивом демократизации в постсоветском пространстве должна была стать Россия. Здесь были сосредоточены основные демократические силы, интеллектуалы и институты, свободная пресса. Но именно здесь была сильная консервативная тенденция. Несмотря на все усилия и поддержку деятельности Бориса Ельцина президентами США Джорджем Бушем-старшим и Биллом Клинтонем, а также странами ЕС произошли расстрел российского парламента, недемократическая передача власти, подавление политической оппозиции, несправедная приватизация и многое другое. И вместо демократических уроков Россия преподала странам Центральной Азии навыки авторитаризма.

В то же время американская сторона все более настойчиво призывала руководство стран Центральной Азии ликвидировать репрессивный характер их политических режимов, ускорить демократические реформы и выполнить обязательства в сфере соблюдения прав человека. Императивом в Стратегии национальной безопасности США названа «поддержка демократии и личных свобод в России, государствах, образованных на территории бывшего СССР, и странах Восточной Европы. Успех этих демократических преобразований повышает нашу безопасность. Он является лучшим ответом агрессивному национализму и этнической ненависти, которые проявились после окончания холодной войны. Нигде успех демократических преобразований не является... более важным, чем в этих странах». Речь вовсе не идет о немедленном установлении демократических режимов, как это иногда трактуется. «Это потребует усилий нескольких поколений. Здесь будут иметь место ошибки, и даже откаты назад, как это уже бывало во многих странах в ходе исторического развития. Однако до тех пор, пока эти государства будут продолжать свое движение к демократии и уважать права своего и других народов, своих национальных меньшинств и соседей, мы будем настойчиво их поддерживать».¹⁰¹

Политика США в отношении республик Центральной Азии считает приоритетом оказание помощи в «обеспечении суверенитета, независимости и территориальной целостности». Эти глобальные цели США намеревались достичь путем создания демократических политических институтов, осуществления рыночных экономических реформ для ускорения экономического развития, развития сотрудничества между государствами региона и интеграции в мировое сообщество, проведения эффективной политики в области безопасности, включая борьбу против терроризма и торговли наркотиками.

«В идеале нужно создавать институты, обеспечивающие свободу личности, а затем строить демократию. В сорока двух из сорока восьми стран Африки проводятся выборы, но часто это оборачивается приходом к власти абсолютно антилиберальных режимов. Но в таких странах, как Южная Корея, Тайвань, Малайзия и Таиланд, где сначала утвердилось верховенство закона, возник класс предпринимателей и независимый средний класс, а затем уже – демократия, результаты впечатляют».¹⁰²

Но при этом нельзя забывать, что в дальневосточных государствах политические элиты подвергались мощному побуждению к демократии со стороны США. Без этого давления они

¹⁰¹ Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире // США: экономика, политика и идеология. 1995. № 2. С. 121–122.

¹⁰² Фарид Закария. Как утвердить либеральную демократию в Ираке // <http://inliberty.ru/stady/341>

вряд ли самостоятельно выбрали бы путь обеспечения прав и свобод рядовых граждан.

Для властных структур в развивающихся странах характерно то, что они призывают народ к выполнению политических, социальных, экономических и культурных решений и планов в осуществлении собственных властных амбиций. В то же время они не позволяют ему участвовать в принятии решений. Такой подход объясняется властями тем, что массы неграмотны и невежественны, а потому не готовы к осуществлению властных функций.

«Критики демократии аргументируют свою точку зрения с помощью многих доводов, среди которых отметим следующие:

а) прежние публицисты обычно квалифицировали демократию как опасный государственный строй, который-де создает условия для распространения беспорядков и анархии и порождает трудности в работе государственных учреждений; б) критики более позднего времени исходят из того, что народ будто бы не способен управлять. По их мнению, демократия приводит к власти невежд, ибо всеобщие выборы, короткий срок действия полномочий избранных на руководящие посты лиц и их ротация будто бы препятствуют накоплению необходимого опыта и отдаляют людей, обладающих выдающимися способностями, от осуществления власти; в) противники демократии считают, что она приводит к индивидуальной свободе и создает серьезную угрозу возникновения тирании большинства, а широкие полномочия, которыми пользуются демократические правительства, еще более усиливают эту угрозу, в особенности, если эти правительства привержены фанатизму и не обладают необходимыми способностями. В таком случае свобода людей оказывается игрушкой в руках судьбы; г) некоторые публицисты отмечают, что в течение нескольких лет подряд в условиях демократического строя трудно проводить последовательную политику, поскольку государственное руководство постоянно меняется. Это, в свою очередь, затрудняет разработку планов на будущее, в особенности во внешнеполитической области; д) легкость манипулирования убеждениями широких масс с помощью средств пропаганды осложняет получение рядовым гражданином правдивой информации, и ему трудно прийти к правильным заключениям по самым общим вопросам. Группы, в чьих руках находятся средства массовой информации, обладают преобладающим влиянием и авторитетом в условиях современных демократий». ¹⁰³ Властные структуры, которые внедряют в авторитарных странах демократию, перекраивают ее так, как им заблагорассудится. Вследствие этого появляется искаженная, карикатурная и формальная демократия. Такая демократия становится в руках властей инструментом подавления оппозиции и ограничения свободы политической и общественной жизни. ¹⁰⁴

Ирония судьбы в том, что, поддерживая существующие режимы в борьбе с исламистами, США также внесли свой вклад в их укрепление. Государственный секретарь США Дж. Бейкер в своем выступлении перед участниками программы Фулбрайта в марте 1999 года говорил: «Мысль о том, что демократия фактически подпитывает движения, основанные на религиозном, этническом или языковом партикуляризме, быть может, является главной иронической чертой нынешней эпохи. В бывшем советском блоке и на Ближнем Востоке ультранационалисты и исламские экстремисты небезуспешно обрядились в одежды демократов. Отдельные лица и группы пытаются использовать демократический процесс для

¹⁰³ Тауфик Абдель Тани ар-Рассас. Основы политологии в свете шариата. – Б. м., 1986. С. 88–89.

¹⁰⁴ Шамири Самир Абдулрахман Хайл. Демократия и общество в развивающихся странах // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 76–77.

прихода к власти только с целью монополизировать ее. Мы не должны поддаваться обману». ¹⁰⁵

Обман не удался. Но вместо исламских сил у руля власти оказались светские авторитарные режимы. Легче от этого не стало.

Тем не менее американская сторона все более настойчиво призвала руководства центральноазиатских государств ликвидировать репрессивный характер их политических режимов, ускорить демократические реформы и выполнить свои обязательства в сфере соблюдения прав человека.

Руководители государств Центральной Азии, располагающих энергоресурсами или размещенными на национальной территории американскими базами, глубоко ошибаются, когда считают, что это заставит США и их союзников мириться с антидемократическими режимами. Уже не раз представители США подчеркивали, что считают политические режимы Центральной Азии несущими реальную угрозу стабильности. Комментируя итоги визита в регион, Мадлен Олбрайт пришла к выводу, что авторитарные режимы, созданные в этих государствах, предоставляют идеальные условия для коррупции и фактической отмены всех действующих законов в интересах властей.

Практическое прекращение деятельности «светской» оппозиции, которое произошло под давлением властей в большинстве центральноазиатских государств, чревато серьезными последствиями. Тем более что одновременно происходит сокращение социальной базы правящих режимов. Как пишут С. Корнелл и Р. Спектор, «...руководству центральноазиатских республик трудно бывает определить разницу между теми, кто стремится к свержению существующего строя, и теми, кто мечтает быть интегрирован в структуру власти. В настоящее время любое проявление инакомыслия считается противозаконным и подвергается репрессиям, что вызывает ответный протест и, следовательно, льет воду на мельницу исламских радикалов». ¹⁰⁶

В конечном счете, борьба против всякого инакомыслия ведет к неустойчивой диктатуре, опирающейся на две составляющие – неэффективную бюрократию и репрессии. В Центральной Азии отсутствует возможность на основе декларированных законов выразить протест или простое недовольство некоторыми сторонами социальной политики или отсутствием таковой, не говоря уже о политических требованиях. Практически полный запрет на оппозиционную деятельность, любой легальный протест ведет к росту социальной и политической напряженности в обществе.

Коррупция и произвол властей еще более стимулируют недовольство, которое прорывается в виде стихийных выступлений. Особое возмущение и недовольство вызывают масштабы ограбления государства. А они выражены популярным экс-лидером группы «Ленинград» Сергеем Шнуровым, который заметил: «Коррупция – это когда в умеренных масштабах. Коррупция – это десять процентов. Ну, хорошо, двадцать. Но когда семьдесят процентов от бюджета! Коррупция – она за границей. А у нас просто прут безбожно». ¹⁰⁷

Исламская радикальная оппозиция предлагает популистскую идеологию, основанную на идеях равенства, братства, взаимопомощи и борьбы с коррумпированными режимами, эксплуатирующими народы. Эта идеология, близкая и понятная, широко пропагандируется

¹⁰⁵ Вашингтонская папка. 24 марта 1999 года.

¹⁰⁶ Корнелл С, Спектор Р. Средняя Азия: не только исламский экстремизм // Казахстан и Россия: аспекты национальной безопасности. – М., 2004. С. 39.

¹⁰⁷ Комсомольская правда. 2009. 8 июля. С. 10.

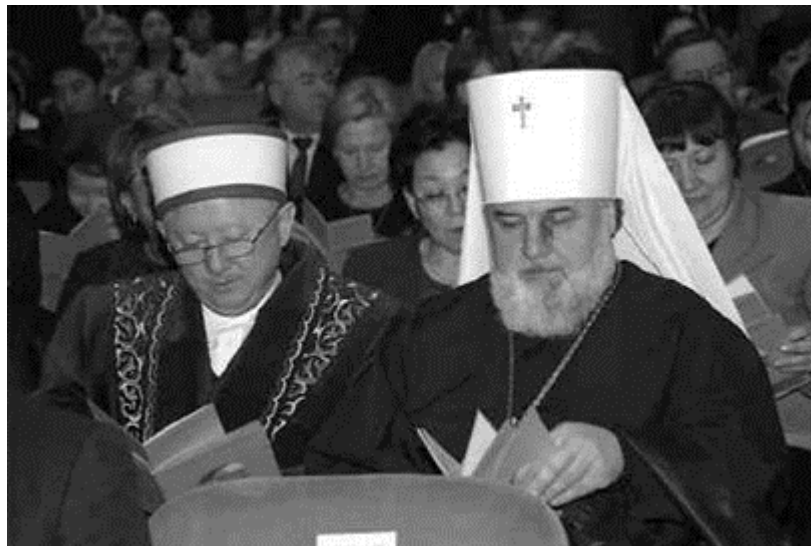
различными методами. Эффективность возрастает в силу адресного обращения к конкретным людям, испытывающим реальные проблемы. На их стороне убежденность в правоте, вера в светлое будущее. Близкие и понятные идеи исламистов находят почву быстрее, нежели абстрактные теории светской оппозиции или призывы к стабильности властей. Пропаганда от двери к двери реальна и масштабна. Боевые силы исламистов имеют навыки ведения военных действий, апробированные в различных «горячих точках». Их противостояние с правительственными силами – армией, специальными частями, оказывалось не в пользу последних. Долговременная стратегия рассчитана на окончательную победу, и исламисты идут к этой цели изо дня в день.

Все это актуализирует еще один вопрос, который так и не получил ответа в теоретических рассуждениях политологов. Является ли признаком демократии выход на политическую арену исламистов? Должна ли демократия рассматривать ортодоксальных исламистов как безусловных противников и считать, что демократия существует только для демократов? Попытка изменить светские основы Турции со стороны происламских политических партий встречает активный отпор со стороны армии – гаранта турецкой конституции. Отмена результатов выборов в Алжире, где победу одержали исламисты, также показывает, что им не место в демократии. Но ведь сторонники исламского фундаментализма составляют значительные слои населения, которые таким образом отторгаются от политики и свободного волеизъявления. Опыта легализации исламистских группировок и их включения в политический процесс пока нет. Но ведь есть опыт перехода террористических группировок и партий в европейских государствах на позиции парламентских партий и вполне легальных организаций.

Видимо, нельзя исключать эволюцию подпольных фундаменталистских организаций, борющихся против правящих режимов, во вполне умеренные парламентские партии при достижении политического консенсуса после изменения политической ситуации в регионе.

В любом случае и политики, и руководители государств региона, и аналитики говорят о необходимости оппозиции. Конечно, все они вкладывают в это свое понимание оппозиционной деятельности. Но мне кажется, что главную идею оппозиционной деятельности выразил Милован Джилас: «Радикальная оппозиция (парламентская или внепарламентская) жизненно необходима любому обществу, по меньшей мере для того, чтобы защитить его от застоя, критиковать действия правительства, корректировать допущенные им ошибки – словом, пробуждать совесть». ¹⁰⁸

¹⁰⁸ Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. С. 518.

Руководители мусульманской и православной конфессий Казахстана

С распадом СССР произошло и изменение американцами оценок ислама и исламских движений. В период холодной войны исламизм рассматривался США как еще одно средство борьбы с коммунизмом. С конца 70-х годов XX века ЦРУ оказывало поддержку различным движениям с целью раздуть пламя исламизма в советских восточных республиках. По мнению Г. Киссинджера, эта стратегия частично основывалась на идее, согласно которой ислам носит намного более антикоммунистический характер и явно ближе капиталистической этике, чем католицизм и православие. Поощряя суннитский фундаментализм, американцы стремились не только нанести поражение советским войскам в Афганистане, но и помешать экспорту иранского шиитского варианта исламской революции. Поэтому когда говорят о том, что суннитский интернационализм сформировался благодаря американцам, в этом есть доля правды. Тем более что американцы привлекли в воюющий против СССР Афганистан многих мусульманских полевых командиров.

Но приоритеты изменились. Атеистический СССР вывел свои войска из Афганистана, а затем и прекратил свое существование. И этот факт можно рассматривать как победу мусульман. Теперь «безбожные» США остались единственной мировой державой, следовательно, война с Америкой стала приоритетом для ислама. Одновременно исламисты выступают за свержение «безбожных» режимов Ирака, Сирии, Туниса.¹⁰⁹

После 1991 года в список безбожных государств вошли пять государств Центральной Азии, поскольку их правящие режимы выросли из атеистического СССР. Они также являются мишенями исламистов. В этих условиях создается питательная среда для создания неофициальных структур, распространения альтернативных идеологических установок, прежде всего фундаменталистских, политизации ислама. Конечная цель таких организаций вполне определена – захват власти любым путем, а в существующих условиях – это путь вооруженной борьбы, создание нового политического устройства на основе заповедей Священной книги. В этой ситуации для народа альтернатива смещается от подавленной светской демократической оппозиции, пытающейся действовать в рамках провозглашенной конституции, к подпольной, но более эффективной и идеологически привлекательной исламской оппозиции.

В большинстве стран Центральной Азии процесс разгрома или ослабления светской

¹⁰⁹ Мусульманские страны на пороге XXI века: власть и насилие. Реферативный сборник. – М, 2004. С. 16.

оппозиции практически завершился. Попытки реализации демократического проекта и открытой деятельности официально признанной оппозиции закончились ее жестоким подавлением. Но ситуация не стала стабильной. Политическое сопротивление перешло в иную плоскость – скрытого сопротивления: организационного оформления, мобилизации сторонников, вооружения и подготовки к насильственному свержению власти. Нужно сразу оговорить, что клерикальная оппозиция не обязательно является антидемократической. В исламе отсутствует религиозная властная вертикаль, присущая католикам и православным. Здесь нет папства или патриархата, кардиналов и епископов. Парадокс в том, что именно светские власти СССР создали, а государства СНГ продолжают укреплять властную религиозную вертикаль, чтобы контролировать ситуацию в исламских религиозных кругах. В Узбекистане правительство контролирует Духовное управление мусульман, назначая и снимая имамов, и содержание учебных программ медресе, проверяя духовную литературу. Любой устраивающийся на работу в мечеть должен пройти тест на «политическую грамотность»: он обязан знать национальный гимн, содержание письменных работ И. Каримова, а также подтвердить поддержку существующего строя и президента.¹¹⁰ Аналогичная ситуация сложилась и в других государствах региона.

Нужно помнить, что представители религиозных кругов могут быть демократами и реакционерами, консерваторами и либералами. Победа «Солидарности» в Польше была бы невозможной без поддержки католической церкви. Религиозные деятели внесли свой вклад в крушение тоталитарных режимов по всей Восточной Европе. Участие духовенства в политической борьбе в Иране, Пакистане, Индонезии и других странах показывает вероятность появления демократического ислама. Лидеры исламской уммы часто выражают мнение о необходимости борьбы против авторитаризма. Например, Сейид Мухаммад Хатами, рассуждая о свободе и равенстве, писал: «В течение веков наша история развивалась не на основе продуманных действий народа нашей страны, а под руководством деспотичных и своевольных правителей, и именно из-за существования авторитаризма и его центральной роли в нашем обществе наш народ не имел возможности быть активным в своем собственном обществе. Свобода мысли, которая является высшим символом существования и ключевым условием нашего пребывания на сцене истории, а также главным стимулом роста и динамизма в жизни, не пользовалась уважением».¹¹¹ Но демократический ислам все-таки только перспектива. Реалии сегодняшнего дня таковы, что политический ислам тоталитарен и далек от общепринятого понимания прав человека. В Центральной Азии мечети, прежде всего независимые от духовных управлений мусульман, стали местом формирования антиправительственного общественного мнения и организаций. На религиозной основе формируются идеи борьбы с коррупцией, за социальное равенство, социальную ответственность, взаимопомощь, чистоту нравов и многое другое. В борьбе против демократической и светской оппозиции правящие режимы расчищают дорогу для подобных непримиримых настроений, основанных на идее насильственного свержения «безбожных и продажных» режимов. В связи с этим правящие режимы стремятся взять под контроль религиозные институты, пресечь деятельность различных миссионерских организаций, видя в них источник нестабильности и пропаганды чуждых идей. В то же время еще в большей степени ведется борьба против неподконтрольных мусульманских общин. Их представителей

¹¹⁰ Адиб Халюид. Политика антитерроризма в Центральной Азии <http://intelros.ru/readroom>

¹¹¹ Хатами С. М. Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 107.

обвиняют в связях с террористическими фундаменталистскими зарубежными организациями, в распространении идеологии ваххабизма и подвергают репрессиям. По данным, приведенным в докладе о свободе вероисповедания, выпущенном Государственным департаментом США в 2002 году, в Узбекистане по религиозным и политическим обвинениям в местах заключения содержится более 7 тыс. человек.¹¹²

Конечно, можно утверждать, что мусульмане убеждены в своей правоте и неполноценности иноверцев. С этим трудно спорить. Но они не одиноки в своих убеждениях или заблуждениях. Иудеи уверены в собственной богоизбранности. Это постулат веры. Также убеждены в собственной правоте и исключительности, в божественном предпочтении католики, православные, протестанты, буддисты... Все они осуществляли или осуществляют крестовые походы, миссионерство, обращение иноверцев, борьбу против еретиков и т. д. Мировые религии распространялись не только мирными средствами, но и огнем и мечом. Отнюдь не мусульмане начали мировые войны, сбрасывали атомные бомбы, создавали концлагеря, осуществляли холокост... Поэтому не ислам является злом современного мира, а нечто другое.

В развивающихся странах мира происходит демографическая революция, которая захлестывает политику. Альтернативная, несветская оппозиция существующим режимам произрастает на самом мощном социальном пласте – стремительно растущих социальных низах городского населения. Развитие рыночных отношений, бедность, коррупция, конфликты, экологические катаклизмы вызвали приток в города населения из сельской местности. Урбанизация сопровождается самозахватом земель, формированием новых городских окраин, не обеспеченных хотя бы элементарными правами и возможностями. Не случайно именно эта категория «новых горожан» является зоной самых ожесточенных столкновений между властями и населением практически во всех крупных городах Центральной Азии. Особенно ярко это проявилось в Алматы, Бишкеке во время столкновений вокруг самопроизвольно возникших поселков. Новые бедняки имеют прочные, действенные и реально функционирующие внутренние связи на основе землячества, рода, религии, способа выживания, профессиональной принадлежности. Они считают традиционные отношения и религию основой выживания. Одновременно эти качественные характеристики выделяют их неинтегрированность в современные отношения. Поэтому именно здесь легко находят распространение различные формы религиозного фанатизма, национальной ксенофобии.

Пауперизация населения, подстегиваемая периодическими экономическими кризисами, неэффективностью государственных социальных программ, коррупцией, делают эти слои мощной и активной социальной опорой религиозных экстремистов.

Кто придет на смену нынешним правителям? Этот вопрос постоянно обсуждается в различных аудиториях. Однажды индийского министра по делам продовольствия и сельского хозяйства Садашива Каноджи Патила, во время его пребывания в Лондоне, спросили, кто придет на смену Дж. Неру, которому уже было за 70 лет. Он ответил: «Кто может знать? Премьер-министр – как большой баньян. Под ним укрываются тысячи, но ничего не растет».

Смена политических режимов стран Центральной Азии, как и в других государствах третьего мира, может быть произведена в соответствии с классификацией, предложенной П. Шредером. В своей работе «Элиты: стимул или тормоз на пути политического развития? Уроки демократизации в Африке» он выделил шесть сценариев перехода к демократии.

1. Смена режима путем многопартийных выборов. Но как считает сам автор, даже постоянное проведение таких выборов вовсе не гарантирует институирования и консолидации

¹¹² См.: <http://state.gov/g/drl/rls/irf/2002>

демократии. Существующие правящие партии, благодаря поддержке исполнительной власти, государственных средств массовой информации и многим другим факторам, могут выигрывать даже самые открытые выборы.

2. Смена режима посредством национальной конференции. Оппозиция собирает общенациональную конференцию, включающую все активные политические силы страны. Принимает на себя верховную власть, формирует переходное правительство, которое ведет диалог с правящим режимом, ограничивает власть президента, преобразуется в законодательное собрание и избирает органы власти. Временное правительство принимает новую конституцию и проводит парламентские и президентские выборы. Правящие элиты приняли народный вердикт и мирным путем передали власть. Но расстрел в Андижане и использование силовых структур против народных выступлений в других государствах региона показывает невозможность мирного перехода власти в руки оппозиции.

3. Кооптированный переход. Правящий режим перехватывает инициативу у оппозиции, быстро осуществляет конституционные изменения, легализует многопартийную систему и, не дав времени оппозиции организовать, проводит выборы и, как правило, добивается успеха, узаконивает свою власть в новых условиях.

4. Управляемая демократизация. Этот вариант осуществляется в тех странах, где популярный военный лидер жестко контролирует политическую ситуацию и сам определяет темпы и масштабы демократизации.

5. Авторитарная реакция. Авторитарный режим использует весь набор средств, включая насилие, подтасовки, поощрение этнических противоречий для победы на выборах.

6. Гражданская война и проблема целостности государства. В экстремальных случаях репрессивная политика авторитарных режимов может привести к гражданской войне и краху государственности, когда ни одна из борющихся сторон не в состоянии утвердить свой контроль над всей территорией страны и создать легитимное правительство.

Далее Шредер, подводя некоторые итоги демократизации в Африке, констатирует нарастание пессимизма: «Новые африканские демократии весьма хрупки и, что особенно важно, наталкиваются на сопротивление гражданских или военных правящих элит, более заинтересованных в личной власти, чем в соблюдении демократических принципов... Во многих случаях переход к демократии либо застопорился, либо ставится под контроль правящим режимом, либо полностью пускается под откос правящими элитами, стремящимися сохранить свою власть... Но самый важный вывод состоит в том, что ни правящие элиты, ни приходящие им на смену в случаях успешной демократизации не упускают бразды правления из своих рук, поскольку борьба за политическую власть в Африке все еще идет преимущественно в рамках одной и той же группы претендентов – очень немногочисленной элиты (гражданской или военной), которая предпочитает политическое самосохранение политике и политическим структурам, действительно приносящим пользу бесправному большинству населения. Правящие элиты продолжают препятствовать процессу более широкого раздела политической и экономической власти».¹¹³

Современная ситуация такова, что существует два наиболее вероятных сценария. Во-первых, уже апробированная смена лидера при сохранении основных характеристик режима. Она может быть осуществлена вполне мирным путем после естественной кончины лидера, как это было в Туркмении. Отказ от самых одиозных нововведений Туркменбаши вовсе не означает либерализации. Это избавление от одних крайностей, но не гарантия от новых

¹¹³ Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 1996. № 1. С. 56–59.

особенностей.

Второй путь – массовый бунт или организованное выступление, приводящие к смене элит. Это опыт Кыргызстана.

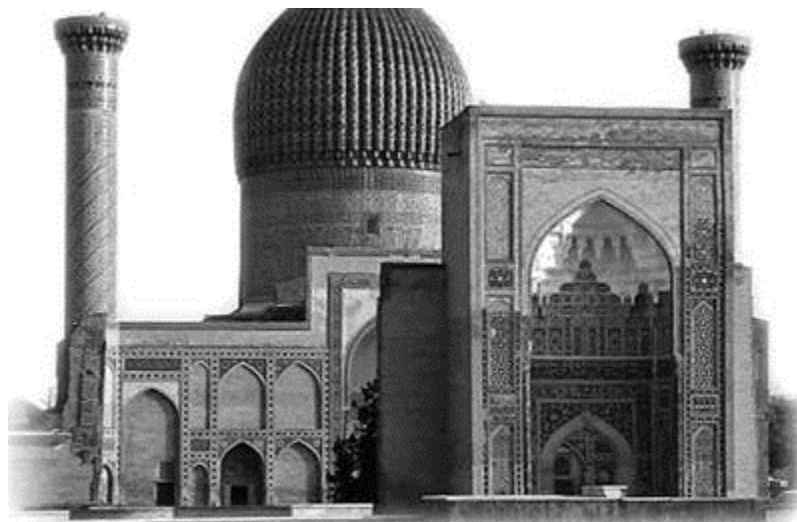
Но в обоих случаях, как видим, демократических и правовых путей воздействия на политику руководителей нет. И видимо, еще долго не появится. Не потому, что народы Центральной Азии особо увлечены революциями или переворотами. Существующие режимы сформировали системы, которые не предоставляют возможность иных, легальных, открытых, демократических путей смены власти.

Глава пятая

Борьба идей: от фундаментализма до либерализма

Беда радикалов в том, что они читают только радикальную литературу, а консерваторов в том, что они вообще ничего не читают.

Томас Никсон Карвер

Сфера идеологии, мнений и суждений важна для любого государства – демократического, авторитарного или тоталитарного. «Во все времена сами диктаторы лучше всех понимали, что даже самая могущественнейшая диктатура рушится, когда ее перестает поддерживать мнение. Именно по этой причине диктаторы так заинтересованы в манипулировании мнениями через имеющиеся в их распоряжении средства контроля над информацией».¹¹⁴

В Центральной Азии все это прекрасно понимают. Тем более что безальтернативность мышления и политического поведения формировалась уже давно. Парадокс заключается в том, что даже в годы плюрализма, гласности и Перестройки господствовала формула нетерпимости к инакомыслию. «Иного не дано» – стало лозунгом Перестройки. И эта формула стала орудием идеологического подавления инакомыслящих. Все, кто выражал альтернативное мнение, записывались во враги Перестройки. И благо, если бы это были реальные реакционеры и коммунистические ортодоксы, которые группировались вокруг сторонников так называемого манифеста Нины Андреевой. Но в эти ряды попали демократы, социалисты, либералы,

¹¹⁴ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. С. 111.

независимые профсоюзные лидеры, правозащитники, религиозные деятели, фундаменталисты, националисты и многие другие.

Инерция была такова, что подлинными носителями прогрессивных идей и их реализации считались действующие руководители. Любая альтернатива, даже постановка вопроса об альтернативной программе, становилась объектом жесточайшей критики.

Отсутствие конституционных, процедурных возможностей изменений в социальной и политической системе является миной замедленного действия и ведет к ее краху. Негибкие системы, в конечном счете, ломаются. Александр Дубчек после краха СССР написал, что Советский Союз был обречен из-за одного существенного порока: «Эта система запрещала изменения».¹¹⁵

Практически все политические силы государств Центральной Азии заняты поиском так называемой национальной идеологии. Причем не только сторонники существующих режимов, но и оппозиционеры, в том числе демократы. Идейной консолидации граждан должны служить книги руководителей этих стран, которые призваны объединить правых и левых. Кыргызстан провозглашает 2 тыс. лет кыргызской государственности. Туркменистан получил «Рухнаму», которая была призвана дать ответы на все вопросы. В мае 2001 года пресс-секретарь С. Ниязова объявил, что «Сапармурат Туркменбаши – национальный пророк, ниспосланный туркменскому народу в третьем тысячелетии». Большинство мусульман расценило это как богохульство. В 2004 году имамам было приказано разместить «Рухнаму» в мечетях рядом с Кораном. Когда Насрулла ибн Ибадулла, долгое время бывший верховным муфтием Туркменистана, возразил против этого, его уволили и арестовали.

Таджикистан является наследником арийской цивилизации, которая находилась у истоков современного государства, дала толчок культурному развитию всех народов региона. Казахстан получил национальную программу «Казахстан-2030». Тем не менее существует понимание, что все это не консолидирует все общество. Тем более что все современные руководители имеют только один опыт идейной консолидации – советский, коммунистический, означающий тотальный охват населения. Нет понимания того, что государство и общество должны быть и всегда были разноплановыми системами. Поэтому они должны быть плюралистическими и свободными. Единая государственная идеология является основой подавления, а не объединения общества. Отсутствие опыта плюралистической демократии и стремления к ней объясняет то, что правящие круги расценивают существование иных оценок и точек зрения как угрозу стабильности и безопасности.

Несмотря на кажущееся обилие идеологических установок и пропагандистских материалов, центральноазиатское общество не находит реальных ответов на ключевые вопросы от лидеров политических партий и движений, в том числе оппозиционных, руководителей правительств, парламентариев, провластных структур. Ощущается острый дефицит в новых политических идеях и программах, которые отличались бы реализуемостью, доступностью для населения и были бы обеспечены возможностями страны. Естественно, что в этих условиях население уходит от политики в область профессиональных, социальных или региональных объединений. Постепенно формируется новая субкультура, не признающая авторитета политиков и пытающаяся сформировать собственные воззрения на развитие государств. В этой сфере основой для подобных настроений выступает причудливое сочетание ислама, демократии и традиционных национальных ценностей.

Советский тип модернизации не изменил коренным образом структуры экономики и

¹¹⁵ 2 Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. – М., 2008. С. 531.

социальной структуры центральноазиатского общества. Как пишет Марко Буттино, в среднеазиатских «колониях случилась странная революция. Она произошла внутри иммигрантского меньшинства, характеризовалась враждебностью против местного населения и нуждалась в сильном государстве, которое защищало бы колониальное меньшинство от угрозы голода и мусульман. Это была "революция наоборот", поскольку ее главные действующие лица принадлежали к доминирующему меньшинству, и это была контрреволюция, потому что она ломала демократический курс, принятый Временным правительством, и вновь утверждала силой зависимость Туркестана от России».¹¹⁶

Политика развития рыночных отношений и демократизации, которую проводят во всех государствах Центральной Азии, можно назвать поверхностной «вестернизацией». Она, в конечном итоге, привела к массовому обнищанию населения, росту социального недовольства и протестных настроений, резкому имущественному расслоению общества.

Во всех странах, от самого продвинутого Казахстана до закрытой Туркмении, видны признаки вестернизации. Это новые автомобили, компьютеры, спутниковые антенны, мобильная связь и еще многое другое. Особенно популярны американский образ жизни и стандарты, которые стали широко распространяться здесь задолго до крушения СССР. Збигнев Бжезинский писал в 1970 году: «Если Рим дал миру право, Англия – парламент, Франция – культуру и республиканский национализм, то современные США дали миру научно-технический прогресс и массовую культуру».¹¹⁷ Американский экспорт массовой культуры вызывал и вызывает множество негодующих оценок. Еще в 1982 году министр культуры Франции Ж. Ланг, выступая в ЮНЕСКО, отмечал, что культура и творчество в Западной Европе стали жертвами системы финансового засилья транснациональных корпораций. Соответственно министр культуры Бразилии также говорил о том, что коммерческое телевидение навязывает молодежи такой тип культуры, который не имеет ничего общего с бразильской культурой. Сегодня к этому негодующему хору присоединяются центральноазиатские традиционалисты.

Несмотря на предупреждения о культурной гомогенизации мира, все страны сохранили свое своеобразие, хотя продукция Голливуда и международных вещательных корпораций стала частью повседневности в большинстве государств мира. Одновременно распространялись идеи демократии, прав человека и гражданина, сопротивления диктатурам и борьбы с авторитарными правительствами. И это имело весьма важные последствия. Люди в разных частях планеты поняли, что мир един, интересы бизнеса вышли за национальные границы и превратили международное общение и реализацию проектов в повседневность для миллионов людей. Обмен информацией, который уже не контролировался правительствами, превратился в повседневную реальность для миллионов простых граждан. Благодаря этому множество народов и государств стали двигаться к демократии, верховенству закона, экономической свободе и т. д. Все это подкрепляло особый статус Америки в мире и служило зримым опровержением тезисов тех ученых, что говорили об упадке США.

Одновременно происходит этап идентификации нового поколения, которое в определенной мере идеализирует прошлое. Молодежь, не знающая практики тоталитарной системы, под воздействием разных обстоятельств, в том числе и несогласия с пороками

¹¹⁶ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. – М.: Звенья, 2007. С. 172.

¹¹⁷ Массовые коммуникации в контексте современных культурно-информационных процессов. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 33.

существующей системы, неприятия фундаменталистских ценностей, поддается идеализации социалистического прошлого. Молодежный идеализм, умноженный на политическую прямолинейность, приводит к успеху этого направления политического мейнстрима в некоторых кругах. Это характерно для различных стран и времен. Например, Вилли Брандт говорил: «Тот, кто в двадцать лет не был коммунистом, никогда не станет хорошим социал-демократом».¹¹⁸

Причуды сознания неоднократно проявлялись во время референдумов. Например, с 30 июня по 10 июля 1968 года в Чехословакии во время референдума 89 % населения однозначно отдали свое предпочтение социализму. Только 5 % высказались за капитализм. На вопрос о том, удовлетворительна ли деятельность правительства, треть голосовавших, 33 %, ответили положительно и 54 % были удовлетворены правительством частично. Лишь 7 % были настроены отрицательно.¹¹⁹ В 1991 году на пике обнищания и кризиса население СССР голосовало за сохранение прежнего государства.

Патриархальное мышление и практика во многом присуща народам Центральной Азии. И это нашло свое отражение в политической риторике и зачатках идейных конструкций, используемых как оппозицией, так и правящими режимами. Лидеры используют мотивы патриархальности в отношениях власти и народа и стремятся выступать в качестве «отцов нации», знающих секреты успешного развития страны. В соответствии с этой традицией между лидером и народом не должно быть преград в виде партий, тем более оппозиционных, лидер не должен быть скован никакими, в том числе и конституционными, ограничениями, поскольку он – единственный выразитель чаяний народа. Поэтому реформы не должны подрывать фундаментальную патриархальность, а тем более подвергать сомнению или даже обсуждению положение лидера в государственной и политической системе страны.

Эта идеология во многом схожа с идеологией национальных лидеров освободившихся стран послевоенного периода. Один из ярких политиков третьего мира Сукарно говорил: «Для нас глава государства ничем не отличается от главы семьи. По мусульманскому обычаю, отец принимает все решения за свою семью, деревенский староста несет все бремя управления деревней. Этот обычай существует в Индонезии многие века».¹²⁰

Вторая составляющая – представление об исконной нерасчлененности общества по социально-имущественному признаку, которая была возможна в теоретических построениях начала XX века, а через сто лет уже выглядит полным анахронизмом. Хотя бы потому, что такое расслоение в современных обществах региона является просто ужасающим. Бедность и богатство стали полюсами жизни, между которыми просто нет среднего класса. Патриархальность отношений ушла в прошлое, а если и существует, то скрывает достаточно современные отношения в деле ведения бизнеса или использования власти как средства развития бизнеса.

Но даже в этом случае от власти ожидается улучшение жизни народа, иначе власть лишается благодати и становится нелегитимной. Во всяком случае, такова традиция. А она в патриархальном обществе сильнее закона и действеннее принуждения.

Выбор – это ключевое слово для разрешения существующих проблем. В современной

¹¹⁸ Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. – М., 2008. С. 221.

¹¹⁹ Там же. С. 348.

¹²⁰ Другое А. И. Сукарно (К 100-летию со дня рождения) // Восток. 2001. № 3. С. 98.

Центральной Азии чаша весов склонилась к авторитаризму. Тем не менее руководители государств говорят о создании демократических обществ, что закреплено в конституциях всех стран Центральной Азии. Парадокс в том, что демократия понимается ими как бессменное личное правление при непрерывном народном одобрении в виде единодушного голосования при отсутствии альтернативных кандидатов.

Если Запад пытается внедрять в Центральной Азии идеи демократии, то Россия не несет за собой никакой позитивной и привлекательной идеологической конструкции. В основном это ностальгия по СССР, которая не вызывает желаемого отклика у народов суверенных государств. Идея особой роли великой России основана на старом империализме, который пугает не только народы, но и правящие элиты СНГ.

О влиянии России и роли суверенной демократии, экспортируемой в Центральную Азию, написал В. Рыжков: «Многие в Бишкеке рассказывали мне, что якобы уже более года администрацию кыргызского президента консультируют откомандированные из Москвы политтехнологи, передавая накопленный Россией опыт успешного построения «суверенной демократии» в отдельно взятой стране. Еще недавно самая открытая и свободная страна Средней Азии, «центральноазиатская Швейцария», при прямой поддержке Москвы и ориентируясь на сложившуюся модель российского авторитаризма, все глубже погружается в трясину традиционного азиатского деспотизма, вставая в общий строй с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном».¹²¹

США считают, что Россия занимается поддержкой недемократических режимов в пространстве СНГ. На слушаниях в комитете сената об «Отходе России от принципов демократии» 17 февраля 2005 года Ричард Лугар обвинял Кремль в «неудачных попытках влиять на результат выборов на Украине и поддержании сепаратистских регионов в Грузии». Россия, согласно сенатору, также «оказывает поддержку стремлениям президента Лукашенко удержать власть в Беларуси и помощь правительствам Средней Азии в их борьбе с демократическими преобразованиями».¹²²

Американская неправительственная организация «Фридом хаус» по итогам проведенного исследования назвала Россию страной, использующей свое богатство и влияние для подрыва глобальной демократии.¹²³ И эта политика является продолжением внутренних изменений в стране. Восстановление вертикали власти в России, которое пропагандируется Кремлем как важный шаг к восстановлению державности, больше похоже на укрепление режима личной власти. Закручивание гаек вызывает недовольство не только рядовых граждан, оппозиции, но и региональных лидеров. Президент Башкортостана Муртаза Рахимов резко критиковал руководство России, которое проводит политику недоверия и неуважения к местным властям. По его мнению, уровень централизации даже хуже, чем в СССР, что при таком подходе не позволит построить нормальное гражданское общество и правовое государство.¹²⁴

В период становления государственности особенно важна самооценка народа, отраженная в исторических исследованиях. Она нередко носит гипертрофированный характер, но в целом

¹²¹ <http://ryzkov.ru/pg.php?id=8097>

¹²² В кн.: Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. С. 258–259.

¹²³ <http://inosmi.ru> 11 июня 2009 г.

¹²⁴ <http://inosmi.ru>, 10 июня 2009 г.

это болезнь роста, которую переживают практически все народы. В то же время эта болезнь может усугубиться в зависимости от политической конъюнктуры. Российские исследователи и политики могут позволить себе резко негативные характеристики исторического прошлого народов, ранее входивших в состав СССР. Наряду с позитивной критикой возможно отрицание или негативная интерпретация очевидных фактов. Если состояние отношений между Россией и бывшей союзной республикой оставляет желать лучшего, то российская пропагандистская машина продуцирует и распространяет огромное количество негативных материалов не только о современном состоянии нового государства, но и о его прошлом и будущем. Методология достаточно проста и ярко проявилась в период грузино-российского конфликта. Появились многочисленные грузиноведы, которые оценивают историю этой страны как сплошное недоразумение и тоннель в никуда. Как пишут в своей книге М. Леонтьев и Д. Жуков: «Вместе с тем давно замечено, что чем ничтожнее государство, тем сильнее пафос его летописцев. Жалкие фигуры царьков и князьков, имена которых равным счетом ничего не значат для мировой истории, с помощью остро отточенных перьев шовинистически настроенных горлопанов-пропагандистов превращаются в фигуры едва ли не вселенского масштаба, в титанов, от одной мысли которых замирал ход небесных светил». Такой подход не может не привести к заранее определенным выводам относительно грузинской истории: «Бесконечные столетия дремучего варварства, перманентная оккупация со стороны более (а иногда и менее) развитых этносов и государств, кровопролитные столкновения с соседями, весьма примитивная культура и сельское хозяйство». ¹²⁵

Естественно, что в случае необходимости аналогичные оценки может получить история и культура любого из соседей России. И получает...

Но вместо ожидаемой реакции получается совершенно иное. Например, Нафис Кашапов, один из лидеров Татарского общественного центра, считает, что «агрессия России в Грузии с применением самого современного оружия, лицемерное и провокационное признание Абхазии и Южной Осетии как "независимых государств" показали не только татарам и башкирам, но и всему миру: со времен Ивана Грозного в политике имперской России мало что изменилось». ¹²⁶

Казалось бы, какое отношение история с Грузией имеет к Центральной Азии? Самое прямое. Осознание суровых реалий внешнеполитического курса путинской России и ее действий в случае «непослушания» еще раз подтвердило для лидеров стран региона необходимость избегать резких движений в отношении России. Кроме того, в Туркменистане, Казахстане, Азербайджане, крайне заинтересованных в диверсификации нефти и газопроводов, считают, что это была война не России с Грузией, а война за Центральную Азию. Если перекрыть трубопроводы, идущие в обход России через Тбилиси, то «азиаты» уже никуда не денутся. Заодно можно показать закавказцам и всем остальным соседям возросшую мощь российской армии. Так, на всякий случай, чтобы знали...

Отражением целого спектра колебаний и комплексов российского идеологического аппарата стала концепция суверенной демократии. Коротко говоря, ее значение и идея в том, что Россия является демократическим государством. Но со своей местной, «страновой» спецификой. Демократия в России имеет собственные национальные корни и пределы роста. Запад не должен понуждать и критиковать российский вариант демократического государства. Данная концепция далека от совершенства, но, озвученная В. Сурковым и поддержанная В.

¹²⁵ Леонтьев М., Жуков Д. «Независимая Грузия»: бандит в тигровой шкуре. – М: Яуза-Пресс, 2008. С. 22–23.

¹²⁶ <http://avesta.tj/articles/45/90692.html>

Путиным, стала официальной идеологией правящего режима. Концепция суверенной демократии близка центральноазиатским режимам. «Суверенная демократия» не только позволяет вождям управлять своими странами как им нравится, но и не требует выполнения порой обременительных международных обязательств Евroatлантического союза.¹²⁷

Второй составляющей теории является идея России как наследницы великого СССР и Российской империи. Поэтому определение «суверенная» является доминирующим. Суверенный вариант демократии означает на практике противодействие попыткам Запада навязать России универсальные демократические ценности. С точки зрения российского руководства, претензии Запада являются вмешательством во внутренние дела, обозначением ведомой позиции российского государства, не соответствующей статусу России как великой державы. Поэтому российская «суверенная демократия» означает отрицание демократии как права выбора, демократических свобод и добровольное, безоговорочное следование за национальными «суверенами».

Исходя из такой постановки вопроса, статус державы поддерживается на деле только восточной политикой в отношении слабых государств Центральной Азии и Закавказья, которые должны ориентироваться на российский образец суверенной демократии, а отнюдь не на универсальные демократические принципы.

Другая Россия – либеральная, демократическая, оппозиционная, также не отличилась выдвижением привлекательных идей. Последний всплеск в рядах российских либералов был связан с концепцией либеральной империи. Но что это такое, было трудно понять. Тем более что и объяснения были невнятными.

Выступая в телевизионной передаче «Основной инстинкт», Анатолий Чубайс провозгласил долгосрочной целью российского общества – или даже национальной идеей – строительство либеральной империи. В ходе опроса общественного мнения был задан вопрос: «Как понимают россияне выражение "либеральная империя"?» Вопрос оказался трудным – решились дать свои интерпретации лишь 18 % опрошенных. По мнению 4 % участников опроса, «либеральная империя» – это сильное, свободное, высокоразвитое государство («это свободная империя во взглядах и действиях»; «могущественная держава»; «страна с высокоразвитой экономикой»). У 4 % «либеральная империя» ассоциируется с демократией («много демократических свобод у граждан»; «демократическая империя»). Другие (4 %) полагают, что речь идет об определенном политическом устройстве, но о каком именно, судя по ответам, представляют не очень отчетливо («где либералы у власти»; «возвращение царей»; «анархия»; «объединение олигархов»; «похоже на республику, но централизация власти»). По мнению 1 % опрошенных, «либеральная империя» характеризуется торжеством социальной справедливости, и такая же доля респондентов опасается тотальной социальной несправедливости («забота власти о простых людях»; «одни жируют, а другие с голоду умирают»). Некоторые респонденты, стремясь объяснить смысл понятия «либеральная империя», обращаются к примерам. Диапазон образцов чрезвычайно широк: «Англия»; «как в Китае»; «США только можно назвать либеральной империей»; «то же самое, что и Советский Союз»; «что-то похожее на какие-то арабские страны» (1 %). Некоторые упрекают автора термина «либеральная империя» в алогизме («империя не может быть либеральной»; «несочетаемое понятие»; «эти два слова несовместимы»; «это противоречивое выражение»)¹²⁸

¹²⁷ Лукас Э. Новая холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу. – СПб.: Питер, 2009. С. 182

¹²⁸ Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту

Митинг

В самой России идея либеральной империи не была понята. Империя должна быть империей, но она никак не может быть либеральной. Если имперские амбиции тешат национальное самолюбие россиян, то в Центральной Азии это вызывает отнюдь не позитивные настроения. Имперские амбиции, даже в либеральной оболочке, здесь не приветствуются.

Заявления о поддержании стабильности во имя будущего, отрицание политических крайностей во имя общей консолидации народов характерны для всех правящих лидеров Центральной Азии. Идея нейтралитета даже стала государственной доктриной Туркменистана. Отказ от принципов и «измов» во имя будущего, опора на прагматизм и технологии на деле означает отказ от фундаментальных свобод и прав граждан. После крушения социалистической идеологии попытки создать «универсальную» идеологию также оказались тщетными. Метания от «китайского пути», «шведской социал-демократической модели» до либеральных ценностей закончились разочарованием во всякой идеологии, не ведущей к авторитаризму.

Распад СССР означал, что сбылись прогнозы тех, кто делал ставку на рост национализма в этой стране как на фактор дезинтеграции. В советологии немало внимания уделялось тюркскому или исламскому фактору в распаде Советского Союза, в том числе и в демографическом росте восточных народов. «Развитие пантюркизма прямо направлено в первую очередь против славянско-православных народов. В России с населением 150 млн человек мусульман насчитывается 22,5 млн человек (15 % населения). Поэтому для этой страны исламизм может стать не только внешним, но и внутренним врагом... Даже в советский период мусульмане (за исключением татар) оказались неподатливыми к насаждаемой коммунизмом лаицизации повседневной жизни. Возникновение в 90-е годы тысяч мечетей в СНГ – всего лишь выход наружу той реальности, которая в советское время и не исчезала. По близким к ЦРУ источникам, в 1999 году на территории бывшего СССР функционировало более 50 500 мечетей (и только 18 250 приходов Русской православной церкви)».¹²⁹

Начало мусульманизации России было положено завоеваниями Ивана Грозного. После

жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %. 18 октября 2003 года. 1500 респондентов // <http://bd.fom.ru>

¹²⁹ Дель Валь А. Исламизм и Соединенные Штаты: союз против Европы // Мусульманские страны на пороге XXI в.: Власть и насилие. Реферативный сборник. – М, 2004. С. 26–27.

сокрушения Казанского и Астраханского ханств в титулатуре российских царей и затем императоров стало все больше «восточных» именовании. Царь всея Руси, одновременно царь Казанский и Астраханский, после походов Ермака становится еще и царем Сибирским.

Решительный шаг был сделан в XIX веке, когда Россия приобрела огромные территории, в том числе и ранее принадлежавшие шиитскому Ирану и суннитской Турции. Тогда произошло подчинение миллионов мусульман, в том числе Центральной Азии, православному царю, который стал и государем Туркестанским. Современные исламисты подчеркивают, что это расширение российской империи означало покорение территории правоверных мусульман, которую необходимо освободить. Даже провозглашение СССР как союза равных государств не могло изменить ситуацию. На деле все прекрасно понимали отсутствие равенства и возможности конституционного выхода из состава СССР. Коммунистическая идеология и политика к тому же вели антирелигиозную войну и преследовали все виды религиозной жизни.

Идеология государств Центральной Азии, официальная и оппозиционная, во многом основаны на традиционализме. Большинство жителей региона связаны с патриархальной общиной, имеют тесные родовые, племенные и земляческие связи, патриархально-клиентальные отношения. Это связь далеко не сентиментальная, а вполне реальная и функционирующая даже в современных условиях. Люди, принадлежащие к патриархальным группам, склонны воспринимать падение своего статуса, ухудшение условий существования как следствие отхода от традиционных ценностей. В Центральной Азии в последние двадцать лет огромные массы людей в результате передела собственности и изменения форм хозяйствования вынуждены были покинуть сельские регионы и переселиться в города. Здесь их ждут трущобы, нужда и отсутствие перспектив. Урбанизация протекает здесь по модели стран третьего мира. «Беднейшие жители восточного города тесно связаны с традиционными институтами именно потому, что в рамках современных укладов они особенно остро ощущают свою инородность и неинтегрированность, а в жестокой сутолоке городской жизни не находят ни устойчивости, ни достатка, ни надежного места в социальной иерархии». ¹³⁰

Бедность и отсутствие перспектив, безразличие правительств и местных властей создают условия для формирования целого класса городских низов, готовых к восприятию идей равенства, справедливости в исламской оболочке. Если в России характерно обращение к идеализированному социалистическому прошлому, то для коренных жителей Центральной Азии социализм ассоциирован с колониальной историей. И здесь преобладают идеи национального возрождения, почвенного ислама, зовущего к идеалам добра, взаимопомощи и справедливости.

Идеализированное прошлое в виде политической программы, сформулированной на основе религиозных лозунгов, вполне способно поднять широкие народные массы на свержение, казалось бы, самых устойчивых режимов, в том числе опирающихся на репрессивный аппарат. И это показывает не только удачный опыт исламской революции в Иране, но и свержение режима А. Акаева в Кыргызстане, массовые народные выступления, пусть даже и подавленные, например в узбекском Андижане. Мечети становятся центрами недовольства, а религия – идеологией политического освобождения.

Альтернатива в виде исламских организаций ставит еще один вопрос. Совместим ли ислам с демократией, рынком и вестернизированным образом жизни? Ответом может послужить пример Турции, которая доказала, что ислам вовсе не может служить препятствием

¹³⁰ Национально-демократическая революция: сущность и перспективы. – М: Наука, 1990. С. 55.

на пути к позитивным изменениям. Более того, даже современный Иран показывает, что ислам не препятствует технологическому прорыву страны, в том числе и к ядерным технологиям.

Глава шестая «Цветные» революции и новая контрреволюционная мифология

Всякое поверженное государство выглядит жалким.

Джон Гэлбрайт

Кошмаром для правящих режимов СНГ стали так называемые «цветные» революции. Краткий период революционной волны пошел на убыль и совсем затих. Но все прекрасно понимают, что новый революционный порыв неизбежен. В Центральной Азии уже есть опыт смены власти революционным путем, сформированы легальные и нелегальные оппозиционные силы, существует развитая сеть неправительственных организаций. Но в отличие от других государств СНГ здесь более широкое понимание демократии – от классической модели западного образца до теократического государства.

Идеологический аппарат государств СНГ много сил отдал для того, чтобы сформировать негативный образ лидеров этих движений, а также самих революций. Демонизация революции как неуправляемой стихии, разрушающей светлый мир, вносящей хаос, беспорядок, погромы и грабежи, – таково основное содержание оценок «цветных» революций. Насильственная смена правящих режимов объясняется не внутренними причинами, которых вполне достаточно, а результатом внешних заговоров и воздействия зарубежных сил. И в этом также нет ничего нового. Великая французская революция объяснялась заговором внешних врагов и безнравственным поведением королевы Антуанетты, иностранки по происхождению. Легендарная фраза о пирожных, которые вполне могут заменить отсутствующий хлеб, в действительности никогда не сказанная казненной королевой, вошла во все учебники истории.

Ноябрьская революция 1918 года стала ударом в спину для кайзеровской Германии и Генерального штаба. И этот удар нанесли заграничные эмиссары и масоны, обманувшие честных немецких бюргеров.

Октябрьская революция 1917 года в России произошла благодаря немецким деньгам и заговору евреев. Во всяком случае, так утверждала американская комиссия, расследовавшая эти

события.¹³¹

Во время студенческих волнений во Франции в 1968 году президент де Голль был убежден в существовании международного заговора против Франции; ходили слухи о финансировании его из-за рубежа. Подозрение пало на ЦРУ и Израиль.

Через сорок лет современные «цветные» революции также объясняются происками США, которые различными средствами, в том числе и финансовыми, нарушают стабильность и подрывают веру народа в свои правительства.

21 июля 2001 года Генеральный директор Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров заявил: «Ни в одной из постсоветских стран в настоящее время нет потенциала для "цветных" революций. Скорее, возможны "контрцветные" революции. Если говорить о перспективах "цветных" революций, то они ничтожно малы. Основной их гегемон – США – сейчас не в том состоянии. США сами думают о кризисе, а зачем им дестабилизировать ситуацию в странах, с которыми они заинтересованы сотрудничать».¹³²

Одним из самых главных аргументов властей является то, что США финансируют оппозиционные партии и движения, что расценивается как вмешательство во внутренние дела и нарушение законодательства. В государствах Центральной Азии запрещено финансирование политической деятельности из-за рубежа. По этому поводу в эксклюзивном интервью «Независимой газете» (26.07.2005 года) Дмитрий Сайме, президент Центра Никсона (Вашингтон), пишет: «Я лично считаю, что это ненормально, когда приезжают люди из-за границы, все эти неправительственные организации, с таким чувством, будто они исполняют некую миссию, с горящими глазами и начинают вмешиваться во внутренние дела того или иного государства, во внутренней политике которого они, во-первых, мало разбираются, а во-вторых, не отвечают за последствия своих действий. Во времена холодной войны, особенно в 40-х – начале 50-х годов, КГБ и ЦРУ занимались подобного рода секретными политическими операциями, например в Европе. Тогда ЦРУ являлось официальным органом американского правительства. За его действия отвечал президент, который должен был думать о последствиях своих поступков, причем не только для конкретной неправительственной организации и для конкретной страны, но и для международной политики в целом. Это создавало чувство ответственности и сдержанности. А сейчас у нас появился целый ряд организаций, которые, с одной стороны, получают деньги от американского правительства или финансируются напрямую американским конгрессом, но с другой стороны – никак правительством не контролируются, делают то, что хотят, и часто ломают дрова. Эти организации привлекают людей с определенным темпераментом, с определенным подходом, который не всегда является наиболее рациональным для того, чтобы правильно понимать ситуацию в том или ином государстве и последствия их действий для отношений этого государства с США. Но есть и другая сторона медали: в Америке у политических партий нет никаких проблем с получением финансирования без всякого вмешательства со стороны государства. Никто не наказывает, допустим, при республиканской администрации тех, кто дает деньги демократам. Никаких наездов налоговой полиции на них нет и не предполагается, и соответственно – когда у власти демократы, нечего опасаться республиканцам. Проблема с Россией состоит в том, что понятно, почему иностранное финансирование плохо, а вот где можно получить альтернативное

¹³¹ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. – М: Профиздат, 1990.

¹³² Интерфакс. 2001. 21 июля.

финансирование, неясно. Поэтому для того, чтобы заявление президента Путина воспринимали как желание сохранить суверенитет России, а не как попытку задавить оппозицию, важно услышать также, что будут предприняты меры, которые позволят оппозиции иметь адекватный доступ к финансированию внутри своей страны. Пока, как мне кажется, такой адекватной возможности в России нет».

Практически во всех государствах Центральной Азии существующие информационные и пропагандистские структуры проводили широкомасштабную разъяснительную работу о пагубных последствиях «цветных» революций. Их аргументы можно сгруппировать следующим образом.

1. Все действия оппозиционных сил привели к нарушению порядка, массовым погромам и грабежам, которые повлекли за собой материальный ущерб для рядовых граждан и пагубно сказались в целом на экономике.

2. Оппозиция безосновательно отказывалась признавать итоги выборов, признанных справедливыми состоявшимися международными наблюдателями, прежде всего из стран СНГ, а также некоторыми представителями национальных общественных объединений и партий.

3. Оппозиция своими действиями нарушала национальное законодательство о проведении демонстраций, шествий или иных действий, связанных с привлечением большого количества людей.

4. Оппозиция сознательно провоцировала противостояние с властями, отказываясь идти на конструктивный диалог в рамках действующей Конституции.

Тем не менее власти не дают никаких разъяснений о том, каким образом, не нарушая законов и административных запретов, оппозиция может осуществлять свою деятельность и доводить до народа свое мнение по различным вопросам, как может действовать оппозиция в условиях массовых фальсификаций результатов выборов, запрета издания и распространения оппозиционной литературы и прессы, преследований по политическим мотивам активистов, арестов под вымышленными предлогами лидеров этих партий и движений.

Несмотря на то что в «цветных» революциях участвуют значительные массы людей, власти по-прежнему видят в них «руку Запада». Вмешательство извне – это главный критический аргумент, который должен «сразить», по мнению официальных пропагандистов, все альтернативные точки зрения. Этот аргумент опирается на несколько следующих утверждений.

1. Лидеры оппозиции, пришедшие к власти в результате «цветных» революций, являются ставленниками Запада, прежде всего США. Подтверждением является обучение лидеров оппозиции в зарубежных учебных заведениях, заграничные родственные связи, контакты с иностранцами или самыми разными организациями – от ЦРУ до различных фондов.

2. Действия оппозиционеров опираются на финансовую, материальную и информационную поддержку из-за рубежа, прежде всего из США и стран ЕС.

3. Лидеры оппозиционных организаций и их помощники прошли соответствующую подготовку в различных западных организациях, где обучались методам совершения «цветных» революций.

4. Оппозиционеры, пришедшие к власти, легитимизировались путем признания со стороны США и государств ЕС.

5. В конечном счете, отличительной чертой «цветной» революции является то, что ставленники Запада из среды оппозиционеров, получая значительные средства из-за рубежа, вывели обманутых или подкупленных граждан, которые массивными действиями сокрушили законные власти.

6. Результатом «цветной» революции является установление неэффективных

правительств, которые раздираются внутренними противоречиями, отличаются неспособностью решить существующие экономические и политические проблемы, настроены против СНГ и прежде всего против Российской Федерации, ориентируются на НАТО и мечтают о вхождении в Евросоюз.

Традиция видеть иностранное влияние в любых событиях, вызывающих недовольство властей, далеко не нова. Российские колониальные власти были уверены, что «инородцы могут задурить» под влиянием турецкой пропаганды. Многие национальные кадры в годы сталинизма были уничтожены как агенты иностранных разведок. Среди репрессированных в Узбекистане – первый секретарь ЦК КП(б)У А. Икрамов, предсовнаркома Ф. Ходжаев и многие другие. В Казахстане были уничтожены Т. Рыскулов, С. Мендешев, У. Кулумбетов, С. Сей-фуллин, У. Джандосов, С. Садвокасов. Был расстрелян бывший предсовнаркома Киргизской ССР Ю. Абдраманов по обвинению в попытке отторжения республики от СССР и создания буржуазно-националистического государства с ориентацией на Англию. Слушателя Плановой академии, бывшего предсовнаркома Таджикской ССР Н. Максума также обвинили в подготовке вооруженного отторжения от СССР и создания буржуазного таджикского государства под протекторатом одного из капиталистических государств. За ним последовали Ш. Шотемор, А. Рахимбаев. В 1932 году по делу националистической организации «Свободный Туркменистан» проходило 33 человека.¹³³

Нельзя отрицать того факта, что США и их союзники имеют собственные планы расширения демократии в мире и установления соответствующих режимов в разных частях планеты. Но и они понимают, что демократия требует длительных подготовительных мероприятий и она не возникает на пустом месте. После падения диктаторского режима возникает проблема перехода власти к прогрессивным силам, способным преодолеть авторитарную или тоталитарную инерцию и создать демократические институты, ввести демократические процедуры и препятствовать новым диктаторским устремлениям.

Ирак и Афганистан еще раз подтвердили, что военная операция по свержению режимов – не самая трудная задача. В обеих странах в результате длительной войны и жестокой диктатуры, преследований политических противников и их физического уничтожения практически не осталось альтернативных лидеров демократической направленности. Они просто истреблены физически. Нужно время, для того чтобы сформировались новые лидеры, новые демократические организации. А в их отсутствие нужны силы, поддерживающие порядок и законность. Соответственно продлевается присутствие иностранных военных сил, которые формируют условия для создания демократических национальных правительств. Иначе все начнется сначала. Вместо одного диктатора придет другой.

Поэтому формирование национальных демократических сил – одна из первоочередных задач. Этим и объясняется поддержка различных неправительственных организаций, придерживающихся либеральных, демократических ценностей, в том числе и средств массовой информации. Различные школы и институты демократии, финансируемые из-за рубежа, призваны объяснить населению или его активной части необходимость противодействия диктатурам, консолидации во имя свободы и прав человека. Именно эти силы должны превратить политику в демократический процесс, а не в борьбу за власть различных авторитарных сил.

В отличие от революций XX века, сегодняшние лидеры делают упор на ненасильственные действия. Создание ситуации, когда режим падает в результате массовых ненасильственных

¹³³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 82–84.

акций и массированного информационного, психологического давления, оказывается главным в «цветной» революции.

Революции не возникают на пустом месте. Идея о том, что «цветная» революция – результат подкупа части населения западными институтами, которые сформировали и будущих лидеров, не выдерживает критики. В основе революций лежат внутренние противоречия обществ, в том числе падение уровня жизни, накопление социального недовольства, разочарование в деятельности правящих групп, коррупция, ужесточение внутренней политики, реакция на репрессии в отношении оппозиции и протестующих граждан, подавление свободы слова и собраний, гигантский разрыв между бедными и богатыми слоями населения и многое другое. В то же время политический курс правящих режимов и его объяснение нередко носят характер заведомой обреченности. Те или иные действия правительств считаются неизбежными и безальтернативными. «Причем любопытно, что если люди, выдвигающие этот аргумент, одобряют принятые меры, то он принимается и служит их оправданием. Но когда события принимают нежелательный оборот, всякие предположения о том, что случившееся было необходимым результатом прежних решений, а не следствием неподконтрольных нам обстоятельств, с негодованием отвергаются».¹³⁴

Важным фактором является и то, что люди просто устают от всех проблем, которые возникают и усугубляются непрофессиональной деятельностью властей, широкомасштабной коррупцией и игнорированием нарастающих социальных и иных значимых проблем. Взрыв начинается в тот момент, когда широкие слои населения в силу какой-либо причины, связанной с обнародованным фактом непопулярных или просто бездарных действий власти, начинают спонтанные протестные акции. Они могут быть возглавлены оппозицией, и движению может быть придан организованный характер, или оппозиция пользуется последствиями широкой народной инициативы, порой принимающей характер неуправляемого бунта, как это было в Бишкеке и Кишиневе.

В Киеве сторонники Виктора Ющенко протестовали против фальсификаций выборов правящим режимом. Под давлением массовых выступлений Верховный суд Украины признал наличие нарушений законодательства о выборах, отменил решение ЦИК о победе Виктора Януковича и назначил новые выборы. Если бы не было фальсификаций, то и не было бы никакой «оранжевой» революции. Казалось бы, простой вывод. Но дело в том, что фальсификации избирательного процесса стали неизбежной чертой государств СНГ, в которых правящие режимы не собираются уступать власть ни под каким видом. А выборы с заведомо определенным результатом являются формальным актом легитимизации существующих режимов. Поэтому так отличаются оценки выборов со стороны наблюдателей от СНГ и других стран.

Не менее важна и другая причина, нередко приводящая к массовым акциям протеста. Это провал экономической, социальной политики правящих постсоветских режимов и массовое недовольство существующим положением. В различных периодических изданиях режим Л. Кучмы оценивался как циничная клептократия, которую приходилось поддерживать репрессиями. Люди, уставшие от безысходности, были готовы на все, лишь бы протестующие не уходили с майдана и добились смены власти. Безальтернативность правящей верхушки ставит перед оппозицией дилемму – перейти к внепарламентским действиям либо признать свое бессилие и фактически покинуть политическую сцену. «Если режим таков, что ротация

¹³⁴ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. С. 77.

власти в нем невозможна, это не значит, что ротации не будет, но это значит, что она произойдет революционным путем». ¹³⁵

Переход к рынку рядовым гражданам постсоветских и постсоциалистических государств принес одно за другим несправедливые последствия. Более образованные, имеющие обширные связи во властной элите представители бывшего коммунистического правящего класса получили значительные преимущества и вновь заняли господствующие высоты в политике, а значит, и в экономике. Революция «завлабов» произошла потому, что на момент Перестройки и распада СССР в сфере науки, как наиболее престижной, оказались отпрыски правящих партократов, которые и пришли во власть, сменив на властном Олимпе своих отцов и дедов.

Не является открытием то, что на постсоветском пространстве так и не была решена проблема легитимной передачи власти. Отсутствие этой традиции, которую считают важнейшей в европейской и североамериканской политике, является причиной «цветных» революций.

Концепция развития рыночных отношений при игнорировании гражданских прав населения, идея «сначала рынок – затем демократия» оказались дорогой в пропасть. Безудержное и бесконтрольное обогащение за счет приближенности к власти или обладания властью привели к резкому социальному расслоению общества, нарушениям прав граждан, массовому недовольству населения и быстрому росту протестных настроений.

На общем фоне готовности активной части населения к действиям запалом служит организованная оппозиция. И она, действительно, во многом формируется благодаря вложениям с Запада. Это средства, выделяемые на различные демократические фонды и формирование демократической культуры и мышления. Это не прямая оплата революции, а поддержка демократических взглядов, позволяющих перейти к действиям в поддержку демократизации общества. Как пишет Дэниел Вульф: «Однако чтобы достичь того, чего достигла команда Ющенко, ей понадобилась не только неудовлетворенность существующим положением вещей и решимость добиться перемен. Кроме этого, ей понадобилось довольно много денег (в данном случае большая часть денег пришла из Америки – в частности, по заявлению Государственного департамента США, за последние два года на Украине было потрачено 35 миллионов фунтов, а вложения русских с противной стороны, по различным оценкам, составили в общей сложности до 160 миллионов фунтов)» ¹³⁶

Но все-таки «кроме денег, любая демократическая революция по оранжевой модели требует долгосрочного планирования, четкой организации и наличия харизматичного лидера. Ну и, конечно, она должна быть обращена к народу, готовому понять и поддержать ее». ¹³⁷

На этом фоне появление активной и пользующейся широкой поддержкой оппозиции неизбежно. Расширение рядов оппозиции происходит в значительной мере за счет раскола в правящих кругах. К оппозиции примыкают прогрессивно настроенные чиновники, а также те, кто, образно говоря, «не вписался» во властную вертикаль на очередном повороте государственной политики. Даже если оппозиция представляет собой часть правящей элиты, перешедшей в другой лагерь, ситуация не меняется. Показателем непопулярности власти являются колебания силовых структур, которые в условиях «цветных» революций занимают

¹³⁵ Фурман Д. Первый шаг к реальной демократии // Дружба народов. 2004. № 3.

¹³⁶ Дэниел В. Революция XXI-го века // The Guardian. 2005. 13 мая.

¹³⁷ Там же.

нейтральную позицию. В случае выхода народа на улицы они предпочитают поддерживать порядок, а не спасать тонущий режим. Но и противоположный лагерь не всегда понимает необходимость привлечения в свои ряды реформаторски настроенных представителей государственного аппарата. Тем самым оппозиция ограничивает возможности привлечения в свои ряды людей, имеющих опыт государственного управления. По этому поводу Марта Олкотт писала, что в странах СНГ «американские поборники демократии считают ниже своего достоинства работать с реформаторскими слоями правящего режима». ¹³⁸

В украинской ситуации была явственно видна «рука Москвы», которая поддерживала кандидатуру Виктора Януковича. И его скандальное поражение воспринималось как рост антироссийских настроений под влиянием Запада, удар не только по интересам РФ, но и по ее престижу. С этих позиций российские средства массовой информации занимают соответствующие позиции и критикуют новые украинские власти. Информационная война не способствует укреплению и нормализации отношений между двумя странами.

В «цветных» революциях есть и успокаивающий фактор. Практически никто из прежних руководителей после отречения от власти не пострадал. Шеварднадзе получил высокое государственное содержание и даже сохранил за собой госрезиденцию. На Украине Леонид Кучма руководит собственным фондом, сохранил свою собственность и даже собирается выступить в качестве примиряющей силы в дебатах между президентом и премьер-министром. Аскар Акаев покинул страну, но не оставляет надежды на возвращение в качестве президента. С 2005 года в Кыргызстане возбуждено 98 уголовных дел в отношении семьи Аскара Акаева. В то же время Генеральный прокурор страны Э. Сатыбалдиев отметил, что «статуса неприкосновенности с первого президента Кыргызстана никто не снимал и в стране Акаеву ничто не угрожает». ¹³⁹ Свергнутый Курманбек Бакиев при посредничестве Казахстана, России и США смог покинуть страну и получить убежище в Беларуси. После поражения на выборах «оранжевый» президент Виктор Ющенко уступил свое место оппоненту Виктору Януковичу. И это огромный шаг вперед в достижении целей революции. Тест на передачу власти демократическим путем оппозиционному кандидату пройден. Укрепление этой тенденции создаст демократическую традицию.

Если украинские события можно считать позитивным сценарием, открывающим дорогу демократии, то существует и негативный вариант. Кыргызские события также привели к смене власти и бегству Аскара Акаева из страны. И они также начинались в связи с грубыми фальсификациями результатов парламентских выборов. Недовольство вспыхнуло на юге и прокатилось по всей стране. После краткой схватки с силами порядка восставшие захватили резиденцию президента и правительства страны и разгромили их.

В отличие от Киева и Тбилиси, в Бишкеке отсутствовала единая система оппозиционных организаций и координация действий группировок. В Кыргызстане существует около сотни политических партий и столько же оппозиционных лидеров, претендующих на руководящие посты в стране. Кроме того, здесь сильны региональные и трайбалистские настроения. Эти факторы не позволили решить вопрос о едином оппозиционном кандидате и едином руководстве оппозиционным движением. Поэтому политики не смогли контролировать ситуацию, толпа превратилась в неуправляемую силу, занимавшуюся грабежом и мародерством. Вместо революции в стране произошел мятеж, который сопровождался

¹³⁸ Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии. – Москва – Вашингтон, 2005. С. 315.

¹³⁹ Общая газета. 2009. 18 ноября.

погромами, насилием и спонтанным выбором нового лидера государства. Об этом феномене писал знаменитый Лоуренс Аравийский: «Мятежники, в особенности победившие мятежники, являются, естественно, дурными подданными и еще худшими правителями». ¹⁴⁰

Очередная смена власти и изгнание из Кыргызстана Куманбека Бакиева практически повторили ситуацию. Режим Бакиева показал, что смена власти при отсутствии демократических лидеров не дает желаемого результата. А таких лидеров необходимо готовить заранее.

Бездействие сил правопорядка во время событий в Бишкеке также объяснялось просто: подкупом западными спецслужбами кыргызских силовиков. Как пишет Александр Князев, на протяжении ряда лет в Министерствах обороны, внутренних дел, Службе национальной безопасности, Национальной гвардии под видом сотрудничества активно действовали представители зарубежных структур, чаще всего спецслужб. Именно они содействовали деморализации личного состава. В 2004-м финансовом году США выделили 50,8 млн долларов на поддержание демократических реформ в стране, в том числе и в сфере безопасности. Как считает автор, отступившие перед толпой органы правопорядка находились на содержании США. Применение силы армией было блокировано «псевдогуманистической, псевдодемократической и антиправовой догмой: «Мы никогда не применим силу против собственного народа». ¹⁴¹

Трудно спорить с таким аргументом. Но ведь широко известно, что сам президент Аскар Акаев, а затем и Курманбек Бакиев заключали многочисленные соглашения с западными, в том числе и американскими партнерами по модернизации собственных органов правопорядка и вооруженных сил. Без этой поддержки кыргызские силовики пребывали бы в очень плохом состоянии.

Армия может отказаться стрелять в собственный народ, как это было в Бишкеке или, например, в Бухаресте. А может выполнить приказ, как это было в Андижане, а еще раньше в Баку, Вильнюсе или Новочеркаске.

Если у Виктора Ющенко была программа, пусть даже популистская, то у кыргызских оппозиционеров таковой не было. Людей должны были объединять лидеры и идеи. Но лидеры не могли договориться между собой, а общей идеи после бегства А. Акаева не стало.

Смена власти привела к новым противоречиям, которые восстановили ситуацию. Вместо А. Акаева под прицелом оппозиции оказался К. Бакиев. Его режим определяется как коррумпированный и репрессивный, а подавление оппозиции приняло еще более жесткий характер. Некоторые политики под угрозой расправы вынуждены были просить политического убежища за рубежом. Ситуация такова, что появились сторонники возвращения бежавшего из страны Аскара Акаева.

¹⁴⁰ Лоуренс Аравийский. Семь столпов мудрости. – СПб.: Азбука, 2001. С. 332.

¹⁴¹ Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. – Бишкек, 2007. С. 34.

Присяга бывшего президента Кыргызстана Курманбека Бакиева

Роза Отунбаева

Иначе сложилась ситуация в Узбекистане. Широкие волнения в Андижане, где жители изгнали представителей власти, были жестоко подавлены. Ислам Каримов не считает, что происходила реализация «оранжевого» сценария. По его мнению, речь идет о выступлении экстремистов исламистского толка.

Отличительной чертой вероятных выступлений является то, что в них активным элементом могут выступить мелкие торговцы и предприниматели. В условиях после распада СССР крупные промышленные гиганты прекратили свое существование. Основным сегментом экономики, впитывающим значительные слои населения, является мелкий и средний бизнес, а его основой является торговля, ввоз продукции из-за рубежа мелкими партиями и продажа на многочисленных базарах и торговых центрах. События в Андижане, в Бишкеке показали быструю мобилизацию «околобазарных» слоев занятого населения. Можно вспомнить и о том, что на Востоке базар и его настроения были барометром спокойствия или недовольства народа. Не случайно аятолла Хомейни писал: «Базар – ядро обездоленных масс. Мученики революции вышли из рядов базара и среднего класса, а также из городских трущоб». На парламентских выборах 1984 года Хомейни заявил, что революция погибнет, если утратит поддержку базара, который, по его словам, сыграл решающую роль в свержении шаха и является главной опорой

исламского правительства.¹⁴²

Тем не менее даже эти слои вряд ли будут рассматривать ислам как единственную программу борьбы за свои права. До тех пор пока существует альтернатива в виде политических партий и движений, неправительственных организаций, профсоюзов, исламское движение будет иметь ограничения. Если же ислам станет последним прибежищем оппозиции авторитарному режиму, то вероятность его победы резко возрастает.

Все эти события показали еще одно важное обстоятельство – ни в одной стране СНГ власть не умеет вести конструктивный диалог не только с оппозицией, но и с народом. Власть оказалась сильной только на своем поле, в собственной среде. Стоит выйти за пределы подготовленных мероприятий, как вся пропагандистская машина дает сбой.

В условиях реального идеологического столкновения власти стремятся «замолчать» ситуацию, создать видимость отсутствия проблем. А это подогревает накал страстей. Разные уровни власти соревнуются в уходе от ответственности за принятие решений, что еще более усугубляет ситуацию.

Одной из главных особенностей новых революций является преимущественно ненасильственный характер действий организованных масс. Многие годы предполагалось, что авторитарные режимы можно свергнуть только путем народного вооруженного восстания или иностранного военного вмешательства. «Если в XIX веке власть захватывали с помощью военных мятежей, в XX веке власть захватывали с помощью политических партий, то сегодня власть захватывают с помощью неправительственных организаций, сетей, экспертных центров и средств массовой информации».¹⁴³

Недавнее академическое исследование 323 крупных мятежей в поддержку самоопределения и свободы от авторитарного правления за последнее столетие показало, что массовые ненасильственные кампании приводили к успеху в 53 % случаев, тогда как кампании с преимущественно насильственным сопротивлением были успешными лишь в 26 % случаев.¹⁴⁴

Плохо или хорошо, что оппозиция в государствах СНГ учится современным методам борьбы? Чтобы ответить на данный вопрос, нужно осознать, что смена власти в «больных» авторитаризмом странах неизбежна. Она может произойти путем вооруженной борьбы, привести к многочисленным жертвам и материальным потерям. Но смена власти произойдет. Однако если есть процесс мирного захвата власти, то он предпочтительнее. Если условия для революции созрели, то, конечно, предпочтительнее цивилизованная, мирная, «цветная» революция. Конечно, никто и ничто не поможет, если условий для смены власти нет.

Черeda «цветных» революций оказалась короткой. Это Кыргызстан – первый в Центральной Азии. Грузия – первая в Закавказье. Украина – первая среди славянских государств СНГ. Но это только начало большого процесса. На деле «цветная» революция скрывает одно важное обстоятельство: происходит смена элит. На место лидеров, сумевших удержать власть или прийти к власти после распада СССР, приходит новая генерация. На место стереотипов советского времени, которыми руководствуются нынешние лидеры, объективно

¹⁴² Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 1995. № 4. С. 62

¹⁴³ Марков С. Предисловие // Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М: Европа, 2007. С. 13.

¹⁴⁴ Социальные изменения без насилия. Электронный журнал. Государственный департамент США. 2009. Март. Т. 14. № 3. С. 5

приходят новые представления о мире и политике. И эта перемена вовсе не означает свободное и поступательное развитие. Вовсе нет. Это кризис постсоветских систем. Смена власти может создать условия для болезненного, но все-таки развития. А может привести к новому витку стагнации. Как, например, в Кыргызстане, который становится все более авторитарным.

Несмотря на ход времени для представителей правящих классов ответ на вопрос: «Почему происходят "цветные" революции?» остается прежним. В начале июня 1995 года лидер партии «Асар» и депутат парламента Казахстана Дарига Назарбаева, выступая на внеочередном съезде своей партии, заявила следующее: «Если задать самим себе вопрос, который сейчас беспокоит многих людей: возможно ли у нас такое же, как в Киргизии, – придется ответить: да, возможно». Но причиной возможной революции она считает «внешнее демократическое давление». «Возможно, потому что в мировой практике возникла новая форма экспансии – экспорт демократии. Это, по сути, новая технология внедрения управляемых правительств на территориях, представляющих стратегический интерес», – подчеркнула Д. Назарбаева.

Внешнее воздействие, в том числе информационное, имеет огромное значение. Но существуют разные точки зрения на процесс содействия развитию демократии в самих США. В своей книге Патрик Дж. Бьюкенен утверждает, что Америка должна сотрудничать со всеми государствами в борьбе против терроризма. Одновременно «следует устранить основную причину ненависти – имперское присутствие Америки в исламском мире. США должны отозвать своих солдат из стран Персидского залива и Средней Азии, вообще из любой страны, в которой жизненные интересы США не находятся под угрозой». Он задает риторический вопрос: «Что делают американские войска в этих странах, которыми деспотически управляют бывшие коммунисты и которые рано или поздно станут ареной столкновений между Россией, Китаем и исламом?». ¹⁴⁵

Победа этого течения американской политики и уход из региона означали бы для Центральной Азии катастрофу. Талибанский ренессанс последовал бы незамедлительно. Слабые авторитарные режимы оказались бы в сложной ситуации. Тем более что исламисты считают их «безбожными». К этому определению, как это ни парадоксально, они добавляют еще одно – «проамериканские». Благодаря северной сети поставок, которая создана в государствах Центральной Азии, доставляется около 30 % грузов для дислоцированных в Афганистане войск. Таким образом, это прочное основание для того, чтобы зачислить правящие режимы Центральной Азии в число ставленников американского империализма, воюющего против ислама. Тем более что сами американцы считают, что благодаря северной системе поставок миллионы долларов оседают в карманах правящих семей региона.

В течение двадцати лет Европейский союз и США убеждали Россию, предлагали ей опыт, экономическую помощь и волонтеров для того, чтобы стать открытой и демократической страной. Но Россия выбрала другой путь. Пример России показывает, что ресурсы авторитарных режимов могут быть достаточными для собственного воспроизводства и предотвращения «цветных» революций.

Но вот возможен ли экспорт демократии или авторитаризма, если нет подготовленной почвы? Нет. Можно даже сказать, что экспортировать авторитарные тенденции в новые независимые государства все-таки легче, нежели демократию. Советская традиция и постсоветская действительность создали для этого серьезные условия. Если поставить вопрос так: что лучше – экспорт демократии или авторитаризма? – то для большинства ответ очевиден. Потому что демократия, даже импортированная, всегда лучше авторитаризма, даже

¹⁴⁵ Бьюкенен П. Правые и не-правые. – М.: Транзиткнига, 2006. С. 328.

национального и местного.

Глава седьмая Центральноазиатская интеграция как битва под ковром

Гора – это гораздо больше, чем бескрайняя зеленая степь.

Омар Кабесас

Отношение к единству региона – это «лакмусовая бумажка» для проверки истинных намерений любых внешних геополитических игроков. Все за интеграцию, но все понимают ее по-своему. Интеграция стала священной коровой для государств Центральной Азии. Даже Туркмения, занявшая позицию нейтралитета, не отрицает необходимости интеграции. Все другие государства региона являются неперенными участниками различных объединений.

Но так было не всегда. Идея создания Большого Туркестана была серьезным политическим обвинением в Советском государстве. Одним из главных инициаторов создания Туркестанской федерации был М. Султан-Галиев. В полемике со Сталиным он выступал за расширение прав автономий и повышение их статуса. «Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики? – спрашивал он. – Отличается тем, что там в несколько раз больше населения, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики, и, кроме того, по своему стратегическому и политическому положению Туркестан занимает в отношении "независимости"... которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия». Создание Туркестанской Федерации с предоставлением ей «элементарнейших основ государственности» М. Султан-Галиев расценивал как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и привлечению трудящихся местных национальностей к советскому строительству... Он рассматривал возможность «образования Турана с тяготением к нему остальных прилегающих к нему тюркских территорий: Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, тюркских частей Афганистана и Персии». ¹⁴⁶

Интеграционные усилия в Центральной Азии напоминают поведение людей, сидящих за одним столом, но играющих в разные игры. При этом они стремятся не только получить дополнительные бонусы, но и определять исход партии.

¹⁴⁶ О так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 75–88.

Несмотря на двадцатилетние интеграционные усилия дело мало сдвинулось с мертвой точки. Единственная проблема, по которой достигнуты реальные результаты, – определение границ с Китаем. На этой основе выросла новая международная организация – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В состав ШОС даже вошел Узбекистан, не имеющий границ с КНР. Важным событием стало вступление в состав организации Пакистана. Кроме всех прочих выгод, по словам премьер-министра Ш. Азиза, Пакистан получил в лице ШОС «трибуну, с которой он может объяснять свою позицию другим странам и преодолевать недопонимание по отношению к себе».¹⁴⁷

Тем не менее в приграничных с Китаем государствах периодически раздаются голоса о несправедливом разделе спорных территорий.

Вопросы использования ресурсов трансграничных рек остаются болезненными. Надежды на то, что Китай сможет преодолеть собственный эгоцентризм и поделиться водой со своими центральноазиатскими соседями, иллюзорны. Широкомасштабная программа освоения Синьцзяна, основанная в том числе и на сельскохозяйственном развитии, не оставляет надежды на улучшение ситуации. Вердикт прост и безысходен: ШОС способна решить водную проблему, но только в пользу Китая.

Несогласованная транспортная политика также остается камнем преткновения для экономического развития региона. Попытки оказать давление и поиграть тем или иным «дефицитом» приводят к ответным шагам. На открытии газоконденсатного хранилища под Андижаном президент И. Каримов жаловался на высокие тарифы казахстанских железнодорожников, из-за которых оборудование приходилось завозить российскими самолетами. В свою очередь узбекские газовики систематически «играют» ценами на дефицитный для Южного Казахстана и Кыргызстана газ. В ответ кыргызские власти сбрасывают воду в зимний период, чтобы произвести электроэнергию. А от этого страдают земледельцы Узбекистана и Казахстана. Таджикские исследователи считают причиной обострения отношений между Узбекистаном и Таджикистаном желание Узбекистана быть региональным гегемоном. Для этого он использует в качестве рычага давления газ и транспортные пути.¹⁴⁸

Многочисленные комиссии и саммиты не могут разрешить проблему водных ресурсов. В Кыргызстане 29 июня 2001 года был даже принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики», по которому вода объявлялась собственностью государства. Соседние государства, по мысли кыргызского правительства, должны были покупать эту воду. Зимний сброс воды в целях получения электроэнергии для отопления в Кыргызстане и Таджикистане приводил к сокращению набираемой воды на водохранилищах и их поставок для полива в Узбекистане и Казахстане. Координировать водную политику оказалось невозможным. Слишком разными были интересы стран. Планы строительства Коксарайского контррегулятора в Казахстане, внутреннего туркменского моря, являются большой и жирной точкой в попытках хоть как-то координировать водные вопросы. Несмотря на существующие проблемы, И. Каримов высказался против участия России в урегулировании водной проблемы. В пресс-релизе посольства Узбекистана в Душанбе от 28 февраля 2009 года по итогам встречи руководителей Туркменистана и Узбекистана приводится высказывание Ислама Каримова:

¹⁴⁷ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. – М: ИВ РАН, 2008. С. 473.

¹⁴⁸ Холики А., Рахимов Н. Т. Водные ресурсы – источник конфликтов в Центральной Азии // Казахстан-Спектр. 2003. № 2. С. 58.

«Есть даже одно толкование, прежде всего, которым отличаются российские политологи и печать. Делаются заявления, что эта проблема, якобы, – неразрешимая проблема региона. Это определение заключается в том, что государства и народы, которые живут в регионе, не договорятся между собой. Необходимо участие третьей стороны, располагающей большими ресурсами, чтобы разрешить эту проблему». Узбекистан считает такую постановку вопроса абсолютно недопустимой. Как подчеркнул Ислам Каримов: «Тысячелетиями на этой территории жили народы, были совершенно другие государства, и эти вопросы решались. Постановка вопроса, что эта проблема неразрешимая, преследует совершенно другие цели». ¹⁴⁹По сути это деликатный отвод России в качестве третьей стороны или посредника в переговорах. С этим согласились все лидеры Центральной Азии.

Многочисленные соглашения по вопросам миграции рабочей силы, подписанные в рамках Центральной Азии и СНГ, не работают. Положение гастарбайтеров остается незавидным.

Оценки деятельности лидеров сопредельных государств, экономического и политического состояния в прессе государств региона порой не отличаются деликатностью. Трудности соседей используются во внутренней пропаганде для выгодного сравнения с собственными успехами. Совсем не по-восточному выглядят оценки, например, деятельности Ислама Каримов таджикским политологом, который считает, что «президент Узбекистана Ислам Каримов, прикрываясь интересами узбекского народа, продолжает реализовывать свои бесперспективные амбиции – быть старше, авторитетнее всех. При этом не задумывается – несет ли это на самом деле пользу народу братского Узбекистана, региональному сотрудничеству? Не нужно быть большим специалистом, чтобы понять, что нет. Действия Ислама Абдуганиевича противоречат национальным интересам узбекистанцев». ¹⁵⁰

Еще одним важным фактором, влияющим на внутрорегиональные отношения, является вопрос государственных границ. В этом вопросе практически все страны пришли к мнению о необходимости соблюдать статус-кво – состояние границ сегодняшнего дня. Все понимают, что любое изменение или сомнение в этом вопросе может привести к конфликтам, а значит, изменить всю карту региона. Границы в Центральной Азии определены Алма-Атинской декларацией 1991 года, в которой говорится: «Прежние административные границы внутри бывшего СССР являются незыблемыми и не подлежат изменению». Это было подтверждено Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном созданием Центральноазиатского союза (ЦАС) в 1994 году.

Однако существующие границы между Кыргызстаном и его соседями имеют большое количество спорных участков. Специалисты насчитывают их около семидесяти пяти в Джалал-Абадской и Ошской областях Кыргызстана, граничащих с Узбекистаном. Спорные участки имеются и между Кыргызстаном и Таджикистаном. Только в Баткенской области их насчитывается около семидесяти.

Современные республики были сформированы в годы СССР.

Практически все исследователи отмечают их «искусственность» и вытекающую отсюда «конфликтность». ¹⁵¹ Конфликт, разгоревшийся по какой-либо причине, может быстро стать не

¹⁴⁹ <http://avesta.tj/articles/14/90409.html>

¹⁵⁰ Бахадир Исаков. Ислам Каримов, Вы не правы! <http://avesta.tj/articles/14/90402.html>. 27.02.2009

¹⁵¹ См. например: Дьякова Н. А. Пограничные, территориально-этнические проблемы среднеазиатских государств СНГ и европейская стабильность. – М, 1998.

только региональным. По мнению Н. А. Дьяковой, обострение «русского вопроса» в Казахстане приведет его на грань государственного распада. России «придется выступить в поддержку русского „меньшинства“ и как-то отреагировать на его стремление войти в состав России. В свою очередь другие тюркские народы Средней Азии могут оказать поддержку казахам». ¹⁵² Какова будет позиция тюркских народов и автономий России, автор не сочла необходимым прогнозировать.

Конечно, границы государств региона изменялись неоднократно. Чего стоит перекройка границы после монгольского нашествия. Тогда изменилась не только граница между владениями, но и появился принцип наследования власти между потомками Чингиз-хана. Не нужно забывать, что в Центральной Азии существовали оседлые и кочевые государства, возникали огромные империи. Через Центральную Азию прошло несколько волн завоевателей – гунны, тюрки, монголы, джунгары. Здесь появлялись армии Александра Македонского, римлян, китайцев. Древние государства, средневековые феодальные ханства имели иные границы, которые были проигнорированы в годы СССР. Тем более что в этот период границы «суверенных советских республик» менялись часто и без учета интересов населения.

О произвольном характере границ говорит и наличие анклавов. На территории Кыргызстана имеется два узбекских анклава – Сох и Шахимардан – численностью, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. В свою очередь и в Узбекистане имеется кыргызский анклав – село Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области, с населением 589 человек. Все вышеперечисленные анклавы оторваны от основной территории своих государств, что создает значительные трудности для их населения. В этой связи узбекским руководством была предпринята, в свое время, попытка заключить со своими кыргызскими коллегами соглашение об обмене территориями, с тем чтобы анклав Сох был присоединен широкой полосой земли к «материковой» части Узбекистана. В обмен Кыргызстану предлагалось передать южную часть Соха. Кыргызская сторона посчитала для себя невыгодным заключать подобное соглашение, так как в этом случае два района страны – Лейлекский и Баткенский – почти полностью будут отрезаны от остальной территории. Анклавы являются мощным инструментом давления Узбекистана на Кыргызстан. Известно, что в Сохе находились подразделения Вооруженных сил Республики Узбекистан, хотя в мировой практике содержание в анклавах какой-либо военной силы является недопустимым.

Все это является солидной основой для возникновения межгосударственных противоречий, а в особых случаях и конфликтов. Тем более что сепаратизм является болезнью всех государств региона и сопредельных держав.

Если официальные власти признают существующие границы, то практически в каждом государстве региона имеются сепаратистские организации или устремления значительного количества граждан.

¹⁵² Там же. С. 53.

Казахско-узбекская граница

Например, 6 марта 2009 года незарегистрированная партия национального возрождения «Еркин Каракалпакстан» («Свободный Каракалпакстан») призвала народ этой республики к проведению референдума и выходу автономии из состава Узбекистана. Авторы обращения, опубликованного в сети Интернет 6 марта, апеллируют к патриотическим чувствам каракалпаков и утверждают, что бедственное положение этой республики в составе Узбекистана обусловлено политикой геноцида, проводимой официальным Ташкентом в отношении каракалпаков и их республики.

На примере Каракалпакии видно, как стягивался узел территориальных проблем в регионе. Создание Каракалпакской АО было провозглашено и законодательно оформлено 1-м Учредительным съездом Советов (г. Турткуль, 12–19 февраля 1925 года). Каракалпакия сначала вошла в состав Казахской АССР, а 20-го июля 1930 года – непосредственно в состав РСФСР. 20 марта 1932 года АО преобразована в Каракалпакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР), которая в 1936 году вошла в состав Узбекской ССР. 14-го декабря 1990 года на сессии Верховного Совета Каракалпакской АССР была подписана Декларация о государственном суверенитете, предполагавшая полную независимость

государства. Таким образом, путем всенародного референдума автономия способна в любой момент стать действительно независимой. Конституция Каракалпакстана, подтвердившая это право, была принята 9 апреля 1993 года.

Легитимность или отсутствие таковой в вопросах о границах является важным элементом идентичности. Естественно, что существующие сегодня границы кому-то могут показаться случайными. До российского завоевания на этой территории существовали полиэтнические государства – Хивинское, Бухарское, Кокандское ханства, Казахское и Сибирское ханства, Каракалпакстан, попеременно входивший в состав соседних государств, независимые мелкие владения. После распада Российской империи возникла Туркестанская республика, Киргизская (Казахская) АССР, объявлена независимость протекторатов, было осуществлено территориально-национальное размежевание. Территории передавались от одной республики к другой, менялись границы, названия и статус республик. Это позволяет некоторым исследователям говорить об искусственности границ и отсутствии их легитимности. Но взглянем на карту современной Европы. В первой половине XX века несколько раз менялись границы Германии. Поляки всегда мечтали о границах «от моря до моря», но воссозданная после Второй мировой войны Польша имеет совсем другие пределы. Совещание в Хельсинки провозгласило нерушимость европейских границ. И что же? Вместо двух Германий возникла единая страна. Чехословакия разделилась на две части. На карте вновь появились независимые государства Балтии. Распалась Югославия. Молдавия и Румыния могут стать единым государством. Украина и Беларусь стали членами европейских организаций, хотя еще не порвали отношения с СНГ. Кипр разделился надвое.

Скептик вполне правомочен задать тот же вопрос – насколько легитимны европейские границы? Можно даже поставить вопрос о том, правомочно ли существование некоторых государств.

«Искусственность границ» может быть использована по отношению ко многим регионам. Достаточно вспомнить, что Индостан после ухода англичан был разделен на Индию и Пакистан. В свою очередь Пакистан распался, и возникло новое государство – Бангладеш. Сегодня эти страны, несмотря на существующие территориальные проблемы, считаются вполне легитимными членами мирового сообщества.

Позитивный взгляд заключается в том, что современные границы в Центральной Азии закреплены межгосударственными актами без принуждения и на равноправной основе. Установление границ – результат усилий правительств всех стран региона. До настоящего времени не возникло ни одного территориального конфликта. Осуществлена делимитация и демаркация границ. Поколение узбеков, казахов, кыргызов, туркмен, таджиков, родившихся после распада СССР, считает государства и их атрибуты вполне легитимными. Для них история их страны начинается не с 1991 года, а гораздо раньше, едва ли не с возникновения самого человечества. И в этом им активно помогает официальная пропаганда, в том числе новые учебники истории. Возникла новая легитимность.

Идея центральноазиатской интеграции постепенно тонет в песках времени. Наряду с дискуссиями об укреплении интеграции идет процесс укрепления национального возрождения, определения внешнеполитической ориентации, дальнейшей легитимизации новых государств. И это доминирующий вектор развития. Если в 90-е годы XX века считалось, что интеграция возможна только или преимущественно в рамках СНГ, то теперь в Центральной Азии понимают, что есть другой, более притягательный мир. Поэтому вовсе не обязательно замыкаться в СНГ. Можно даже не интегрироваться, а сохранять идентичность, независимость и сотрудничать с ближними и дальними соседями.

Новая реальность привела к тому, что интеграционные объединения Центральной Азии

повторяют судьбу своего старшего брата – СНГ, о котором говорят уже как о покойнике. Например, многолетний глава внешнеполитического ведомства Казахстана Касым-Жомарт Токаев так оценивал эволюцию СНГ: «Это объединение, на которое возлагались столь большие надежды, постепенно превращалось в клуб президентов и руководителей правительств. Представители постсоветских стран много говорили о сотрудничестве, интеграции, но реальных сдвигов в этом направлении не было. Содружество стояло на распутье, было принято на различных уровнях более тысячи документов, которые так и остались на бумаге, потому что крайне неудовлетворительно шел процесс их утверждения (ратификации) в странах – участницах СНГ. Поразительно, но факт: в числе отстающих государств числилась и Россия, призванная в силу своего потенциала играть роль локомотива в Содружестве». ¹⁵³

Интеграционные усилия России в пространстве СНГ носят во многом ритуальный характер. Практически страна, идеология которой носит характер противостояния со всем остальным миром, занимается отталкиванием своих естественных союзников и поиском все новых врагов. Практически все мировые и региональные события оцениваются с позиций противостояния, конфронтации. Поэтому навязчивая идея о многочисленных врагах не позволяет современной России иметь постоянных и верных союзников. Об этом, в частности, пишет Л. Владимирова: «... Мы просто дошли до абсурда мирового масштаба, объявив, например, среди своих врагов крошечную по территории и по населению Грузию. Эта маленькая страна, где все говорят по-русски, в одночасье стала врагом стапятидесятимиллионной России, раскинувшей на 1/7 части планеты, не говоря уже о нашей армии, равной по численности немного менее половины населения "врага", оснащенной тысячами танков, ракетами, авиацией». ¹⁵⁴

Для российских политиков и обозревателей вовсе не обязательно иметь повод для выражения сомнений не только в легитимности границ ближних соседей, но даже в существовании самих этих стран. Такие оценки в отношении Грузии и Украины стали своего рода заклинанием. Но и Центральная Азия не обойдена вниманием. «Оранжевая» революция в Кыргызстане стала поводом для рассуждений о вероятном распаде государства. 28 марта 2005 года в программе В. Познера «Времена» Виталий Третьяков уверенно рассуждал о том, что юг Кыргызстана станет узбекским, а север – казахским. Андроник Мигранян также счел, что лучшим вариантом для России был бы раздел Кыргызстана между Казахстаном и Узбекистаном. ¹⁵⁵ Эти же доводы приводились и после изгнания Курманбека Бакиева. Хотя даже пришедшее временное правительство заявило о своей приверженности идее дружбы с Россией.

В отличие от СНГ в Центральноазиатском союзе два государства претендуют на лидерство – Казахстан и Узбекистан, – но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. На мой взгляд, проблема заключалась в разном понимании интеграции. Россия считала, что интеграция является процессом восстановления единого пространства под ее двуглавым орлом. Конечно, союз должен был быть обновленным, но все-таки союзом государств с Россией, а не между собой. Президенты Центральной Азии считали интеграцией объединение усилий во имя

¹⁵³ Токаев К. К. Преодоление. Очерки дипломата. – М: Международные отношения, 2009. С. 457.

¹⁵⁴ Владимирова Л. Масс-медиа и общественный выбор // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Материалы Всероссийской научной конференции. 21–22 октября 2008 года. – Великий Новгород, 2008. С. 74.

¹⁵⁵ Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. – Бишкек, 2007. С. 104

решения общих проблем на условиях сохранения суверенитета и равенства. Кстати, попытки Турции занять лидирующие позиции в регионе не удалось потому, что новый старший брат им был вовсе не нужен. По мере роста суверенитета под интеграцией стали понимать любой совместный шаг в разрешении даже частных проблем. При этом никто не хотел главного – соединения частей бывшего СССР в целое. В чем собственно и заключается смысл интеграции. Поэтому все говорили об углублении интеграции, подписали немислимое количество документов, но события шли в обратном направлении.

В XX веке существовало два типа экономической интеграции. Советский, социалистический, воплощенный в СЭВ. В его основе была плановая экономика при доминировании СССР, ставшего в реальности донором для своих сателлитов. Но это объединение тоталитарных режимов и экономик оказалось нежизнеспособным. Другой тип – европейская интеграция, воплощенная в идее объединенной Европы. Рыночная экономика и демократия вполне смогли решать возникающие проблемы, и процесс осуществлялся даже на микроуровне при содействии государств.

В Центральной Азии, СНГ в целом до настоящего времени сильно вмешательство государства в экономику, произвол властей, незащищенность собственности и труда. Объективно правящие режимы не могут интегрироваться, поскольку это означает передачу полномочий другому центру власти. А это противоречит самой природе авторитарного государства. Поэтому здесь возможен только силовой вариант объединения – захват, война, подавление. Но этот путь весьма опасен. В перспективе он приведет к широкомасштабному конфликту и смене элит. Интеграция европейского типа здесь также невозможна. Критерии для вступления в ЕС, принятые в 1993 году в Копенгагене, в своей основе противоположны политике Центральной Азии. Европейская интеграция основана на ряде ключевых основ: государство должно соблюдать демократические принципы, принципы свободы и уважения прав человека, а также принцип правового государства, в стране должна присутствовать рыночная экономика. К настоящему времени страной с рыночной экономикой в регионе признан только Казахстан, и то это весьма большой аванс.

Очень важным является верховенство закона. В частности, Эван Фуйгенбаум, заместитель помощника Государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии, говорил, что власть закона «является одним из фундаментальных элементов более привлекательного экономического и инвестиционного климата... Сколько компаний захотят инвестировать деньги там, где неясно, обеспечивается или нет власть закона, где договоры могут быть нарушены по чьей-то прихоти и где у компаний нет четких и определенных средств правовой защиты в случае возникновения спора по договору?». 156

Таким образом, реальная интеграция требует значительных, фундаментальных изменений в природе государств Центральной Азии. Поэтому сегодня возможна лишь реализация отдельных проектов, которые не подрывают основ существующих режимов.

При сохранении ситуации, которая противоречит объективным процессам мирового развития – глобализации, интеграции, открытости и демократичности, – в регионе неизбежно будет нарастать процесс стагнации. Основа экономики самых успешных стран Центральной Азии – торговля ресурсами и сырьем, а это не интеграция и тем более не развитие.

Глава восьмая

Новая перспектива: дрейф на юг

156 АКИ-PRESS. 2007.10 апреля.

Изоляционизм не может быть основой культурной политики динамичного и живого исламского общества.

Сейид Мухаммад Хатами

В декабре 1991 года в разрушающемся СССР произошло событие, которое едва не привело к появлению двух союзов – славянского и тюркского, центральноазиатского. Декабрьское соглашение лидеров трех славянских республик упразднило СССР. Они предпочли ограничиться обращением к лидерам остальных республик с призывом вступить в СНГ. И это было оскорблением для одних и поводом ускорить бегство из рухнувшего СССР для других.

Руководители Центральной Азии, в ответ на «славянскую» интеграцию, были готовы к формированию собственного интеграционного образования. Как писал в своей книге Н. Назарбаев, «мы действительно стояли на пороге создания двух союзов – славянского и тюркского с подключением Таджикистана». 13 декабря 1991 года руководители Центральной Азии собрались в Ашгабате, для того чтобы обсудить создавшееся положение. Туркменская сторона предложила создать центральноазиатскую конфедерацию в ответ на действия в Беловежье. Но совместные усилия И. Каримова и Н. Назарбаева позволили сгладить противоречия, собрать лидеров государств в Алма-Ате и создать СНГ.¹⁵⁷

21 декабря 1991 года в Алма-Ате главы одиннадцати суверенных государств подписали протокол к этому соглашению, в котором было отмечено, что Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина на равноправных началах образуют Содружество Независимых Государств. В декабре 1993 года к СНГ присоединилась Грузия. Из республик бывшего СССР в СНГ не вошли Латвия, Литва и Эстония, что было вполне предсказуемо.

Таким образом, создание СНГ было подтверждением стремления республик к независимости при инерционном признании доминирующей роли России в постсоветском пространстве. Но даже самые большие шаги к установлению прочных отношений с Россией не гарантировали укрепления ее авторитета в регионе.

Одновременно в Центральную Азию стали входить США, Китай, Турция и Иран. Все эти

¹⁵⁷ Назарбаев Н. На пороге XXI века. – Алматы, Атамур, 2003. С. 94–95.

страны, кроме США, обладали в определенной мере статусом «естественных» игроков в Центральной Азии. Китай был непосредственным соседом сразу трех государств и стратегическим партнером для всего региона. Китайская модель реформ неоднократно указывалась многими аналитиками и политиками как наиболее адекватная ситуации в СССР в годы Перестройки. Турция считалась проводником светской модели развития и кровным тюркским братом, стремившимся занять место лидера будущего тюркского союза. Иран являлся сородичем Таджикистана и соседом Туркменистана, экспортером ценностей исламской революции на территорию суннитских стран. И хотя все они стремились доминировать или оттеснить Россию, их присутствие не вызывало такой негативной реакции, как появление США.

Присутствие США в регионе, вначале экономическое, а затем и военно-политическое, означало кардинальное изменение расстановки сил в регионе.

Но было ли появление американцев таким неожиданным и действительно ли они появились в регионе только с распадом СССР?

Если проследить цепь событий, то окажется, что американцы появились в Большой Центральной Азии уже давно. Они поддерживали афганских борцов за свободу – муджахеddинов, противостоявших Советской армии. Они способствовали экономическому росту Турции еще пятьдесят лет назад и поддерживали ее устремления взять под свое крыло новые тюркские государства. История Пакистана и Индии неразрывно связана с ориентацией или охлаждением отношений с США и НАТО. Иран и США перешли от теснейшего союзничества во времена шаха к открытой вражде после исламской революции. Но все-таки это тоже отношения.

С распадом СССР Соединенные Штаты стали страной, с которой стремились установить дипломатические отношения все государства Центральной Азии. Визит в Вашингтон и встречу с лидером ведущей державы мира руководители стран региона рассматривали как величайшее достижение собственной внешней политики. США также меняли своих союзников в регионе в зависимости от общей ситуации в мире. Моджахеды были борцами за свободу пока они воевали против Советской армии. В условиях операции против террористов прежние борцы за свободу стали террористами. Можно ли считать такой подход неверным? История любой страны знает многочисленные повороты в политике, союзах и войнах. Даже в глобальном мире существуют постоянные национальные интересы, формулируемые в соответствии с условиями данного времени. Поэтому и союзники могут быть разными. Брошенный в США камень может разбить собственные окна. Разве мог кто-нибудь предсказать после двух кровопролитных мировых войн, что Германия и Франция станут основой объединенной Европы? Что Россия будет воевать с Грузией? Центральная Азия, единый регион в течение почти 150 лет, получив независимость, не сможет интегрироваться?

Но проблему присутствия США в Центральной Азии необходимо было как-то обозначить. Российской стороной был выбран термин «внерегionalное присутствие» или «внерегionalные силы». Новый эвфемизм, означавший военное присутствие США, пришелся по душе. Он не выглядит враждебно по отношению к США, но и устраивает Россию как региональную силу.

Все государства региона стремятся к сотрудничеству с той или иной сверхдержавой или со всеми сразу. Так же выглядит политика России, Китая и других государств по отношению к региону. Есть общие проекты или идеи, например евразийство, пантюркизм, исламизм, которые рассчитаны на влияние или реализацию интересов игроков.

США занимают здесь обособленную позицию. Образ борца за энергоресурсы Каспия затмевает некоторые ключевые стороны политики Америки в регионе. Не останавливаясь на

вопросе об энергоресурсах, о которых говорилось выше, попытаемся их рассмотреть.

В статье руководителя Института Центральной Азии и Кавказа Фредерика Старра «Партнерство для Центральной Азии», опубликованной в главном политическом рупоре США, журнале «Foreign Affairs», говорится о «создании регионального форума "Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)"». Большая Центральная Азия представляется как постсоветская Центральная Азия вкупе с Афганистаном, которые под эгидой США идут к безопасности, экономическому прогрессу и демократии.

Казалось бы, далекая от реальности идея. Тем более что застрявшие в Афганистане на десять лет советские войска, а затем уже силы США и НАТО ясно показывают невозможность такого пути.

Но, уже оттолкнувшись от первоисточника, попробуем все-таки оценить рациональность идеи Большой Центральной Азии (БЦА). Тем более что проект настолько важен, что Кандолиза Райе объединила два бюро, занимавшиеся Центральной и Южной Азией в Госдепартаменте США, в одно целое.

Основной угрозой для государств региона, в том числе и Афганистана, является воинствующий исламизм. Это вполне реальная опасность для светских авторитарных режимов Центральной Азии, во имя преодоления которой они пойдут на союз с любой силой, пусть даже внерегиональной. Как мы уже говорили, для правителей региона несветская, слабая и дезорганизованная оппозиция, не имеющая политической опоры в массах, представляет угрозу. Движение Талибан в Афганистане наглядно продемонстрировало во время своего господства картину своего представления о будущем региона. Поражение талибов стало также показателем отношения афганцев к такой перспективе. Союзником в борьбе против ортодоксов является и Пакистан, который сам становится объектом их атак. Талибан никак не приветствуется властями шиитского Ирана. Исламский сепаратизм и экстремизм являются проблемой для КНР и всех государств ШОС. Борьба против общей опасности – почва и побудительный мотив для единства региона.

Мир – это не только прекращение войны, но и развитие, прежде всего экономическое. Война породила наркопроизводство. Мир наступит только в том случае, если будет найдена экономическая альтернатива производству героина. А это уже поистине глобальная задача, решение которой зависит от реальной экономической кооперации. Сегодня Афганистан является своеобразной стеной, отделяющей Центральную Азию от рынков Индии и Пакистана, Аравии и Юго-Восточной Азии. Нестабильный Афганистан препятствует развитию экономических связей между Китаем и Ираном, Индией, Пакистаном. И речь идет не только о транзите энергоносителей, но и о строительстве транспортных коммуникаций, о расширении экспорта минерального сырья и сельскохозяйственной продукции, техники и товаров бытового назначения. «Замирение» Афганистана означает перспективу строительства газопроводов из Каспия в Пакистан и Индию. Отсюда еще один шаг к сотрудничеству между странами, находящимися в конфронтации с момента обретения независимости. Это резкое расширение транспортных путей для всех стран региона в любом направлении. И первые шаги уже делаются. Государственная железнодорожная компания Узбекистана выиграла тендер Правительства Афганистана на строительство участка железной дороги Хайратон – Мазари-Шериф протяженностью 75 километров. Афганистан заинтересован в выходе в Центральную Азию. В свою очередь, Узбекистан открывает для стран региона новые железнодорожные пути к портам Пакистана и Ирана.

Замещение наркоэкономики мирным производством является реальным вкладом в укрепление стабильности в Афганистане и в регионе. Конечно, Россия при существующих подходах к внешней политике получит новую почву для обвинений в отрыве постсоветской

Центральной Азии. Но и для нее открывается кратчайший путь для торговли с быстро развивающимися Индией, Пакистаном, Юго-Восточной Азией. Россия может осуществить свою мечту о выходе к Индийскому океану.

В отношениях между Центральной Азией и Китаем существует один важный аспект. «Китайская угроза», демографическое давление, поиск свободных территорий, массовая миграция и многие другие характеристики, относящиеся к китайской политике, не учитывают важное обстоятельство. Все они являются напоминанием о периоде советско-китайского противостояния и краткой истории отношений двух тоталитарных государств: КНР и СССР. Они прошли путь от вечной дружбы, когда русский (советский) и китаец были братьями навек, до межгосударственной и идеологической конфронтации, локальных военных столкновений. Дружественные отношения старшего брата в лице СССР и растущего младшего партнера Китая были недолговечными, хотя бы в силу того, что Китай всегда считал себя Срединной империей, центром цивилизованного мира. Но советско-китайские отношения скрывали длительную, многовековую историю взаимоотношений народов Центральной Азии и имперского Китая. В этой истории было много контактов, культурных заимствований, войн, набегов, торговли и экономических блокад. Во главе Китая вставали завоеватели: тюрки, монголы, маньчжуры. В степи и города соседних государств уезжали китайские принцессы, чтобы стать женами правящих властителей. Шелк, нефрит, яшма, скот, кожа, фарфор, чай и еще многое другое в течение веков развозились караванами в разные направления, в том числе и по трассе Великого шелкового пути. Китайские кварталы появились в Центральной Азии тысячи лет назад. Кочевники ставили свои юрты у многих городов Китая. Вожди племен и государств получали почетные китайские титулы. История отношений оказалась скрытой за идеологическими разногласиями советских и китайских коммунистов.

Современный Китай и Центральная Азия унаследовали весь позитивный и негативный опыт взаимоотношений. Большим достижением является создание ШОС, решение пограничных проблем и подписанные договоры об отношениях между соседними государствами. Китайское проникновение в регион носит экономический характер. В Центральной Азии существует рынок сбыта, источники сырья и энергоресурсов, возможность наращивания транзита в Европу. Присутствие этнических китайцев неизменно сопровождает торговлю в самом широком смысле. Китай сегодня не стремится к территориальному расширению в Центральной Азии. Все, что ему необходимо, он уже получает. Кроме того, конфликт в Центральной Азии, даже победоносный для КНР, станет мощным толчком для сепаратизма, терроризма, окрашенного в цвета ислама. А это не входит в планы китайских руководителей.

Проект Большой Центральной Азии усиливает центробежные тенденции в регионе. Уже видно постепенное движение Узбекистана, который принимает активное участие в создании новых транспортных коридоров через Афганистан. Существует серьезное притяжение с юга и для Туркменистана и Таджикистана. В то же время Казахстан и Кыргызстан больше ориентированы на Китай и Россию. Но это не помеха для реализации проекта, который может начаться и без них.

Президент Узбекистана Ислам Каримов и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев

Будет ли создана Большая Центральная Азия? Конечно, много аргументов в пользу проекта и столько же против. Но в любом случае звезда постсоветской Центральной Азии постепенно скатывается с небосклона. Природные запасы, даже энергетические, не являются основой для притяжения мирового сообщества. Научный прогресс и великие ученые остались в прошлом. Демократия, так и не опробованный ресурс, отброшена в сторону. Авторитаризм, коррупция ведут к загниванию, росту социальных болезней, отчаянию и... бунтам.

Заключение

Когда все умрут, только тогда кончится Большая Игра. Не раньше.

Редьярд Киплинг

Центральноазиатский дрейф похож на таяние айсберга, который постепенно превращается из единой, казавшейся монолитной массы в несколько расплывающихся кусков. Нарастающее цивилизационное, экономическое, политическое взаимодействие нескольких центров силы приводит к расширению трещин и превращению их в глубокие пропасти. Экономические центры – Китай и США вкупе с Европой, идеологические светила исламской цивилизации – арабский мир и Иран, культурно-идеологически и даже по языку близкая Россия воздействуют с разной силой, но уже достаточно разрушительно и ломают уже кажущееся единство региона. Новые руководители России предпочитают не замечать того, что мир и сама Россия сильно изменились. Они скорее не хотят видеть этих перемен, предпочитают опираться на старые принципы и делать вид, что имеют прежние возможности. Это делает политику России не просто ошибочной, но и опасной, непредсказуемой, способной на необдуманные шаги во имя сиюминутных выгод, которые завтра превратятся в мираж.

Россия погрузилась в процесс, не приносящий ей никаких выгод, – доказывание собственного величия ближайшим странам и самой себе. Символические акции – забор грунта

со дна Ледовитого океана, прорыв миротворческого батальона в Косово, походы кораблей в далекие моря – не несут никакого практического смысла, кроме газетной шумихи. Но эти акции не рассматриваются международным сообществом как реальные дела и серьезные возможности.

Россия, ослабленная экономически, с уменьшающимся населением и практически моноэкономикой, основанной на продаже ресурсов, прежде всего энергоносителей, авторитарная и коррумпированная, постепенно уходит из региона. Это не выдавливание внешними силами, а новый этап ослабления и стагнации бывшего центра империи. Убийства среднеазиатских гастарбайтеров российскими скинхедами, пренебрежительное отношение большинства русских, в том числе и высоких должностных лиц, к выходцам из восточных республик, неудачные пассажи российских руководителей в отношении государств Центральной Азии, оскорбления в эфире и на страницах печатных СМИ вызывают здесь все большее отторжение России и всего русского.

Начавшаяся после событий 11 сентября 2001 года под предводительством США всемирная война с терроризмом привела к уменьшению угроз региону Центральной Азии, исходивших от радикальных исламистских террористических движений, и привела к установлению там некоторой стабильности в краткосрочной перспективе. Вашингтон стал играть ключевую роль в обеспечении безопасности стран региона, а затем начал указывать странам центральноазиатского региона на необходимость проведения реформ, направленных на поддержание мира и эффективное экономическое развитие. Тем не менее в условиях отсутствия искреннего взаимопонимания между США и крупнейшими странами, имеющими свои интересы в регионе, перспективы долгосрочной стабильности в Центральной Азии остаются туманными.

Затянувшееся военное присутствие США в регионе рассматривается Россией и Китаем как неприкрытая экспансия США в их сферы влияния, а также может быть интерпретировано этими двумя государствами как стратегическая угроза интересам их национальной безопасности. Таким образом, действия США в Центральной Азии имеют все шансы оказаться контрпродуктивными и могут спровоцировать соперничество, подрывающее безопасность и процветание любой страны региона. Уничтожив угрозу Центральной Азии, исходившую из Афганистана, Вашингтон может дестабилизировать регион, провоцируя как трения между государствами, имеющими интересы в регионе, так и внутренние конфликты в них.

Едва ли определяющими для стран Центральной Азии являются взаимоотношения между Россией и США, которые в настоящее время далеки от идеального партнерства. Амбиции российских политиков препятствуют не только реальной самооценке, но и выбору правильного пути развития России. И в этом ключе рассматривать появление США в Центральной Азии как вторжение в пределы исконно русского влияния также непродуктивно. Побудительным мотивом США в отношении России является отнюдь не романтизм или стремление к скрытому противоборству. Прежнее противостояние было столкновением разных систем – коммунистической, тоталитарной, и демократической, западной. Распад СССР создал уникальную возможность уйти от противостояния и перейти к политике сотрудничества. Цели для США были достаточно ясными. И они отнюдь не сводились к дальнейшему распаду России. Ее целью было оказание содействия новому российскому руководству в создании демократического государства. И именно для этого выделялись огромные средства. Б. Клинтон говорил об этих субсидиях в российскую экономику: «Копеечная расчетливость обойдется нам в долгосрочной перспективе ростом оборонного бюджета и упущенными экономическими возможностями. Что даст демократическая Россия американцам? Сокращение расходов на оборону. Снижение ядерной угрозы. Уменьшение риска экологических катастроф. Сокращение

экспорта оружия и его распространения. Доступ к природным ресурсам России посредством мирной торговли. И создание нового крупного рынка для американских товаров». Как отмечает американский президент, «непосредственной опасностью стало не возрождение коммунизма, а возможность установления агрессивного националистического режима, несущего угрозу другим республикам и возрождение политических и ядерных угроз Западу». ¹⁵⁸ Зарубежная поддержка, тем не менее, не может оказать решающего влияния на ситуацию. Еще на закате социализма, в 1990 году, правительство СССР было вынуждено констатировать, что «кредиты перестройки» в размере 2,1 млрд рублей, предназначавшиеся для модернизации легкой, текстильной и пищевой промышленности, были почти выбраны, а отдачи от них советский потребитель не почувствовал. ¹⁵⁹

В настоящее время США нацелены на продолжение операции в Афганистане, но уже с более широким привлечением союзников. И логика великой державы становится понятной для других стран, которые решились поддержать афганские операции по поддержанию мира. Формирование новой зоны стабильности и развития выгодно всем участникам операции. Соответственно, присутствие США в регионе будет длительным и многосторонним. Можно говорить о том, что для США Большая Центральная Азия с ключевым игроком – Афганистаном – станет тем самым хартлендом, из которого будут контролироваться все евразийские пути и регионы.

Одновременно происходит рост влияния Китая. Практически общими усилиями, возможно, и не ставя перед собой такой цели в ближайшей перспективе, Китай и США выдавливают из региона Россию. Экономическое проникновение США и даже в большей степени Китая меняют картину Центральной Азии. И в столкновении этих гигантов появляется возможность маневра для центральноазиатских государств. Они получают большие шансы на сохранение собственной современной идентичности, хотя и далекой от демократии и народовластия, прозрачной экономики и прав человека.

Политика центральноазиатских режимов на деле зависит от множества факторов и преследует несколько целей. Это, во-первых, упрочение режима личной власти и сохранение стабильности государств с точки зрения именно этого фактора. Кроме того, необходимость извлечения экономических дивидендов заставляет эти страны балансировать между интересами Китая, России и Запада. В то же время привязка помощи или экономического сотрудничества к демократизации вызывает серьезное недовольство руководителей этих стран. Как только экономика позволит отказаться от проектов, которые связаны с США, или заместить их китайскими или российскими инвестициями, они откажутся от американского вектора. Им более понятен и близок вариант сотрудничества с Китаем или Россией, которые вовсе не ставят своей целью развитие демократии или прав человека. На этом поле главным является взаимодействие авторитарных или тоталитарных режимов против давления демократических государств, экономическое сотрудничество для получения прибыли и укрепления существующего положения. Эта главенствующая тенденция – выбор центральноазиатских диктатур, который, в конечном счете, ведет в длительной перспективе в никуда, в тоталитарное болото, из которого так и не успели выбраться страны региона. Под руководством России и при ее главенствующей позиции СНГ превращается в систему отсталых государств, связанных цепью жесточайшего подавления собственных народов во имя сохранения режимов,

¹⁵⁸ Клинтон Б. Мысли о России // Америка. 1993. Июль. № 40. С. 7.

¹⁵⁹ Правительственный вестник. 1990. Август. № 33. С. 11.

препятствующих экономическому и политическому развитию.

Лидирующие позиции Китая вызывают естественную реакцию отторжения, поскольку понятно, что, в конечном счете, это ведет к утрате независимости, в том числе и государственной, ассимиляции народов, подавлению национальной жизни. Китайская модернизация осуществляется за счет жесточайшей эксплуатации природных ресурсов, игнорирования охраны окружающей среды, формирования моногенного общества, основанного на подавлении личности и национальной самобытности. В то же время для Китая регион важен с точки зрения стабильности, при которой любой режим, сумевший обеспечить экономические потребности Поднебесной, поддерживающий борьбу китайских властей против сепаратизма в СУАР, является благоприятным. Тоталитарные режимы с этой точки зрения предпочтительнее, нежели демократические системы, которые объективно будут на стороне защитников прав человека, в том числе и в проблемных провинциях КНР.

Россия уже уступает свои позиции Китаю, который набирает экономический, а значит, и политический вес. Различные демонстративные акции – марш-бросок российского батальона в Югославию, забор грунта со дна Северного Ледовитого океана, война с Грузией – являются тактическими выигрышами, которые не ведут к росту авторитета России в мире. Более того, подобные неожиданные акции вызывают еще большее недоверие и служат показателем непредсказуемой политики российского руководства, которое во имя внешне эффективных акций готово пожертвовать стратегическими интересами своего государства.

В Центральной Азии важен не только фактор присутствия той или иной державы – КНР, США или России. Не только воздействие государств – региональных лидеров, таких как Иран или Турция, Индия или Пакистан. Весьма важен и другой фактор – изменения внутри самой Центральной Азии.

Никто не может исключить возможность изменения государственных границ внутри современной Центральной Азии. Практически все государства отличаются нестабильностью. К причинам этой нестабильности необходимо отнести огромное количество внутренних и внешних факторов. Часто обсуждаются вопросы о положении национальных диаспор, большинство из которых все-таки ирреденты на территории региона, о несправедливом национально-государственном размежевании, проведенном в годы сталинизма, об изменениях границ между республиками в советский период. И вовсе не обязателен межгосударственный конфликт, поскольку падение авторитарного режима в любой из стран Центральной Азии может привести к общей нестабильности. А выходом из нее может оказаться более «справедливое», с современной точки зрения, проведение границ между государствами. Например, уже проглядывающееся стремление к собиранию таджикских земель не может не сказаться и на границе с Афганистаном, где существуют влиятельные таджикские силы, имеющие собственный военный и экономический потенциал, опыт участия в вооруженных столкновениях в странах региона. Определенная напряженность в отношениях между некоторыми странами региона также имеет корни не только во взаимоотношениях между лидерами двух стран. И это также не исключает вероятность эскалации конфликта и повышает неопределенность будущего региона. Пограничные вопросы, равно как водные, существуют практически между всеми странами региона. Сегодняшние режимы подтвердили имеющиеся границы и осуществили их демаркацию и делимитацию. Но этот процесс еще раз показал наличие серьезных подспудных проблем, которые могут стать доминирующими в изменившихся условиях.

Кроме того, существует возможность, пусть даже теоретическая, изменения границ региона с участием России и Китая. Многочисленные договоры и результаты деятельности по урегулированию пограничных споров ШОС, казалось бы, сняли этот вопрос. Но вновь, с точки

зрения некоторых политиков России, Кыргызстана, Таджикистана, Казахстана и Китая, раздел спорных территорий был несправедливым.

Третья зона будущих проблем, как это ни странно, лежит в плоскости стабилизации ситуации в Афганистане. Стабильный Афганистан – это резкое изменение внешнеполитических возможностей стран региона. Открытая афганская «пробка» означает реализацию новых путей сообщения Центральной Азии с внешним миром. И это в обход России, Китая, Ирана. Новые пути для экспорта энергоносителей, прокладки железных и автомобильных дорог позволят пересмотреть практически всю транспортную политику в регионе, а значит, и вектор экономического развития.

Более того, интенсивная кооперация и разделение труда при поддержке со стороны США и ЕС, а эта поддержка будет реальной и активной, изменят географию региона. Произойдет ослабление связей с Россией и расширение Южной границы региона с включением в понятие «Центральная Азия» стабильного Афганистана. Последствия такого варианта развития несут в себе и новые вероятности. Строительство современных магистралей, возобновление экономических связей можно рассматривать как восстановление цивилизационного единства Центральной Азии, Ирана, Индостана и Китая. Эти связи стали прерываться в результате пресловутой Большой игры в XIX веке. Советский железный занавес разделил народы и страны после 1917 года.

Большая Центральная Азия – это не изобретение американцев, а восстановление древнего единства, прерванного чуть более ста лет назад.

Конечно, на этом пути много проблем. Одна из главных – коррупция. Не случайно 1 декабря 2009 года президент Барак Обама заявил: «Мы будем поддерживать афганские министерства, губернаторов и местных лидеров в их борьбе с коррупцией и служении народу. Мы рассчитываем, что неэффективные и коррумпированные чиновники будут привлечены к ответственности».

Не стоит также преувеличивать значение постсоветской Центральной Азии и считать ее эпицентром мировой или даже евразийской истории. Центральная Азия перестает быть зоной повышенного внимания. Ядерное оружие вывезено и ликвидировано. Ситуация в Афганистане постепенно, с периодическими рецидивами, выравнивается. До твердой стабильности весьма далеко, но движение в эту сторону вполне реальное. А значит, угроза широкомасштабной дестабилизации в Центральной Азии ликвидирована.

Остается ключевой козырь, о котором говорят все, и прежде всего руководители Казахстана и Туркменистана, – энергоносители. Но их запасы все-таки не вполне определены. О явно завышенных оценках говорили уже давно. Ошибки в данных стали причиной увольнения министра нефтегазовой промышленности Туркмении Аннагулы Дерьяева и других руководителей. Запасы газа оценивались Туркменистаном в 7 трлн кубометров. Как сказал в интервью ПРАЙМ-ТАСС (05.11.2009) аналитик ИК «Тройка Диалог» Валерий Нестеров, информация о переоценке углеводородных запасов Туркмении ожидаема. «И ранее международные аудиторы склонялись к тому, что запасы газа на месторождении Иолотань не превышают 2 трлн кубометров», – отмечает он. «Но даже если там не 7–6 трлн кубометров газа, а два или даже один триллион кубов, то это все равно много. По крайней мере, этих объемов топлива достаточно для того, чтобы говорить о заполняемости в перспективе трубы Nabucco туркменским газом», – считает В. Нестеров.

Кроме того, серьезной помехой является география. Доставка остается слабым звеном. Китай продолжает быть наиболее оптимальным и ближайшим рынком сбыта. Что же касается остального мира, то он ориентирован на другие источники. И в первую очередь это Ирак. До начала войны с Ираном в 1980 году в Ираке добывалось 3,6 млн баррелей нефти в сутки. В 1990

году, перед первой войной в Персидском заливе, показатель добычи составлял 3,2 млн баррелей, а перед вторжением США в Ирак в 2003 году – 2,7 млн баррелей в сутки. Сегодня доказанные запасы нефти в Ираке оцениваются в 116 млрд баррелей. В иракских недрах находится еще около 100 млрд баррелей «черного золота», утверждают эксперты IHS. Если эта информация подтвердится, Ирак может опередить Иран и занять второе место в мире после Саудовской Аравии по доказанным запасам нефти. Авторы исследования IHS считают, что в ближайшие пять лет добыча нефти в Ираке может возрасти вдвое – с 2 до 4 млн баррелей в сутки. В таком случае Ирак сразу войдет в пятерку крупнейших мировых производителей «черного золота».¹⁶⁰ Конечно, не раз и не два будут обсуждать вероятные террористические акты или нападения на нефтегазовую инфраструктуру. Но от этого не свободен ни один аналогичный объект в мире. Иракские запасы – более весомый аргумент против строительства и ввода в эксплуатацию различных газо-и нефтепроводов из Центральной Азии в обход России, нежели протесты самой России. Ирак является важным источником ресурсов и для Китая, что также отразится на ситуации в регионе. Первый шаг в этом направлении уже сделан. Право на разработку месторождения Румайла, запасы которого оцениваются от 17 до 23 млрд баррелей (что эквивалентно 15–20 % всех запасов нефти Ирака), сроком на 20 лет на проведенном в Багдаде тендере получил консорциум британской BP и китайской CNPC International.

Уже сегодня можно констатировать падение интереса инвесторов к Каспию и их уход в Ирак.

Одновременно растет интерес к Афганистану, и не только как транзитному государству. И речь идет уже не только о западных странах, но и об их серьезном конкуренте – КНР. В ноябре 2007 года «China Metallurgical Group» выиграла право на освоение медного месторождения Айнак к югу от Кабула. Предложение Китая на сумму в 3 млрд долларов сопровождалось обязательством построить угольную электростанцию и первую в стране грузовую железную дорогу. Эксперты считают, что это одно из крупнейших в мире неразработанных медных месторождений.

Чтобы решить вопрос с реализацией проекта, зарубежные инвесторы должны вкладывать средства не только в производство, но и в укрепление государства, в том числе в полицейские и армейские формирования.

Безопасность, восстановление и развитие – таков примерный алгоритм действий в Афганистане.

По словам одного из высокопоставленных официальных представителей президента США Барака Обамы, геологические исследования неиспользованных богатств Афганистана со стороны США представляют собой «серьезное основание для понимания того, почему его нельзя считать бедной страной».¹⁶¹

Стабилизация Афганистана – вот тот ключ, который позволит соединить усилия Запада, Китая, Пакистана и Индии. Тем более что этот ключ открывает двери к значительным запасам полезных ископаемых, позволит создать новую систему международных коммуникаций, снять угрозу разрастания международного терроризма. Но всем понятно, что оккупация не является решением вопроса стабильности. Стабильность возникнет только с появлением сильного правительства, мирной экономики, с изменением в поведенческих стереотипах и целях общества. Специальный представитель США Ричард Холбрук в своем интервью немецкой

¹⁶⁰ РБК daily. 2009. 20 ноября.

¹⁶¹ Мэддокс Б. Китай пожинает плоды чужих войн // Таймс. 2009. 5 ноября.

«Шпигель» сформулировал цели коалиции следующим образом: «Мы в Афганистане не для того, чтобы создавать идеальную демократию. Мы знаем, что прошедшие выборы были далеки от совершенства. Но мы должны двигаться вперед, мы должны помогать афганцам наращивать свои возможности. Мы там не для того, чтобы руководить этой страной, мы там для того, чтобы помочь афганцам нарастить свой собственный потенциал, чтобы их силы безопасности могли в приемлемые сроки сменить международные силы». ¹⁶²

Сейчас у правительства Афганистана нет институтов, ресурсов, опыта и кадров для стимулирования устойчивого экономического развития и стабильной демократии. Нет эффективного управления и безопасности, чтобы развивать нормальную экономику. Но все это возможно и все создается.

Пресловутое соперничество превращается в сотрудничество, поскольку проект стабильной Большой Центральной Азии выгоден для всех участников. Слабоконтролируемая зона пуштунских племен, сепаратизма в Синьцзяне, Кашмир, движение Талибан – это проблемы, которые неразрешимы без комплексного подхода всех участников и использования ими всех возможных инструментов – экономических, идеологических, политических, социальных, военных, технологических и многих других.

Быстрая модернизация Афганистана только на первый взгляд представляется утопической. Обилие полезных ископаемых, реально выгодное географическое положение, гигантские инвестиции могут изменить лицо страны в ближайшие десятилетия. Достаточно вспомнить арабские государства Персидского залива, совершившие скачок в категорию богатейших государств мира при сохранении традиционного образа жизни.

Итак, Россия покидает регион. Экономика Российской Федерации не в состоянии обеспечить присутствие в Центральной Азии, как экономическое, так и военное. Технологическая зависимость от Москвы ушла в прошлое. Современная Россия не является развитым государством и сама обращается к западным или восточным технологиям. Неуклонно сокращается численность русских, славян в Центральной Азии. Демографическое преимущество местных народов, которое нарастало еще с советских времен, продолжает оказывать свое влияние на ситуацию. Позиции России в регионе подорваны войной с Грузией. СНГ принимало множество документов, гарантирующих территориальную целостность Грузии. Например, в Меморандуме «О поддержании мира и стабильности в Содружестве Независимых Государств» (принятом в Алматы 10 февраля 1995 года) было заявлено, что государства СНГ «будут воздерживаться от военного, политического, экономического и иных форм давления друг на друга», а также подтверждена нерушимость границ и решение возникающих споров только мирными средствами, совместное выступление против сепаратизма. В решении Совета глав государств СНГ по Абхазии от 19 января 1996 года осуждался абхазский сепаратизм, который на деле был все-таки поддержан Россией. Двойственная и избирательная политика России сыграла свою роль в отношении к ней и СНГ государств региона. Сейчас они предпочитают имитировать интеграцию в СНГ, нежели действовать в реальности.

Западная коалиция, США постепенно переориентируются на другие страны уже Большой Центральной Азии и Ирак. Полноценное присутствие, хотя и не как основное во внешней политике, остается за КНР. Ресурсы и безопасность по-прежнему будут основой сотрудничества с регионом.

Как видим, Центральная Азия уже не так интересна и популярна, как это было хотя бы десять лет назад. Большая игра закончена. Классические империи ушли в прошлое. На их

¹⁶² Шпигель. 2009. 24 ноября.

обломках образовались независимые государства, в том числе и в Центральной Азии. Регион стал экономической окраиной мира, не способной к эффективному технологическому прогрессу. Политическая стагнация стала определяющей чертой всех государств Центральной Азии, что еще более ставит под сомнение возможности экономического развития. Внешние угрозы постепенно уступают место внутренним противоречиям, которые уже видны невооруженным взглядом. Попытки совместного решения проблем торпедируются лидерскими амбициями, что плодит новые проблемы и противоречия. Ближайшее будущее постсоветской Центральной Азии скорее обречено на стагнацию и бедность, нежели на развитие и процветание. Но к этому не привыкать. Великие завоеватели опустошали цветущую землю и пастбища, разрушали оросительные системы, уничтожали население. Но народы продолжали жить и создавать собственный мир, мечтали о лучшем будущем для себя и своих детей. И эта мечта когда-нибудь станет реальностью. Надеюсь, что мы доживем до этого времени...